

Энтони Горовиц

ДОМ ШЕЛКА

МОРИАТИ

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

·thebigbook·

КНИГИ
ЭНТОНИ ГОРОВИЦА

Сороки-убийцы
Совы охотятся ночью

Дом шелка
Мориарти

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

ДОМ
ШЕЛКА

МОРИАРТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 70

Anthony Horowitz
THE HOUSE OF SILK

Copyright © 2011 by Anthony Horowitz
First published in 2011 by Orion, London
MORIARTY

Copyright © 2014 by Anthony Horowitz
First published in 2014 by Orion, London
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Загота

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-20888-9

© М. А. Загот, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ДОМ ШЕЛКА

Новые приключения
Шерлока Холмса

Моему дорогому другу Джеффри С. Джозефу

Благодарности

Я благодарю Ли Джексона, который очень помог мне в аналитической работе над книгой. Его замечательный сайт www.victorianlondon.org — это блестящий (и бесплатный) источник для всех, кого интересует та эпоха. Две книги оказались для меня особенно полезными: «Лондон в XIX веке» Джерри Уайта и «Жизнь в викторианской Британии» Майкла Паттерсона. Впрочем, я не стеснялся обращаться за помощью к писателям того времени, в их число входят Джордж Гиссинг, Чарльз Диккенс, Энтони Троллоп, Артур Моррисон и Генри Мэйхью. Я также благодарю «Общество Шерлока Холмса», которое (до настоящего времени) оказывало мне поддержку, особо хочу упомянуть их представителя, доктора Марину Стаджик, любезно поделившуюся со мной своими знаниями в области токсологии в палате общин. Спасибо моему агенту — «агенту года» — Роберту Кирби, который первым предложил написать эту книгу. Спасибо Малкольму Эдвардсу из издательства «Орион», который терпеливо ждал появления этой книги восемь лет. Наконец — прежде всего, — я воздаю должное гению сэра Артура Конан Дойла, с кем я впервые познакомился в шестнадцатилетнем возрасте и чей удивительный творческий дар вдохновлял меня при написании собственной работы. Писать эту книгу было для меня невыразимой радостью, и я надеюсь, что не сильно отошел от оригинала.

ПРОЛОГ

Я часто размышляю над цепью странных обстоятельств, которые привели меня к длительной дружбе с одним из самых удивительных и замечательных людей моего времени. Будь я в душе философом, я бы задался вопросом: до какой степени любой из нас является хозяином собственной судьбы, можем ли мы предсказать далеко идущие последствия наших действий, которые в момент их совершения кажутся нам ничем не примечательными?

К примеру, мой дальний родственник Артур рекомендовал меня на должность помощника хирурга в Пятый нортумберлендский стрелковый полк — он считал, что там я наберусь полезного опыта, — мог ли он предвидеть, что месяц спустя меня отправят в Афганистан? В то время конфликт, который принято называть Англо-афганской войной, еще и не думал разгораться. А что сказать о мусульманском воине, который в сражении при Мейванде слегка нажал на спусковой крючок и всадил мне в плечо пулю? Девятьсот британских и индийских воинов в тот день отдали Богу душу, и мусульманин, несомненно, был намерен пополнить мною их ряды. Но, видимо, у него был сбит прицел, и, хотя я получил серьезное ранение, меня спас Джек Мюррей, мой верный санитар, добрейшей души человек, — целых две мили он тащил меня с территории противника в расположение британских войск.

В сентябре того же года Мюррей умер в Кандагаре и так и не узнал, что меня по ранению отправили домой и что я несколько месяцев посвятил — чтобы хоть как-то оправдать его усилия по спасению моей жизни — достаточно бессмысленному существованию в околотских кругах Лондона. Но вскоре я всерьез задумался о том, чтобы перебраться на южное побережье... Пришлось посмотреть правде в глаза: финансы мои истощались достаточно быстро. Мне также дали понять, что морской воздух благотворно скажется на моем здоровье. Все-таки найти жилье подешевле в Лондоне было более желательным, и я уже собрался снять комнаты у биржевого маклера на Юстон-роуд. Но переговоры наши как-то не заладились, и я принял решение без дальнейших отлагательств: поеду в Гастингс, круг общения там, конечно, попроще, чем в Брайтоне, зато цена вдвое ниже. Вещи были упакованы, я был готов отправиться в путь, но тут мы заглянули к Генри Стэмфорду — не сказать к близкому другу, скорее знакомому, он был моим ассистентом в госпитале Сент-Бартс. За день до этого он изрядно набрался, проснулся с головной болью и, вполне возможно, именно поэтому взял отгул в химической лаборатории, где в то время работал. Бродя по Пикадилли-серкус, он решил прогуляться до Риджент-стрит и зайти в «Либерти» — купить жене подарок в подвальном этаже, где располагался так называемый восточный базар. Странно даже подумать, что, избери он другой маршрут, он не столкнулся бы со мной, когда я выходил из бара «Критерион», — в результате я мог бы и не познакомиться с Шерлоком Холмсом.

Я уже где-то писал, что именно Стэмфорд предложил мне снять жилище на пару с неким специалистом по химическому анализу, который работал с ним в одном госпитале. Так Стэмфорд познакомил меня с Холмсом — тот как раз ставил эксперимент по выведению пятен крови. От первой нашей встречи у меня осталось странное впечатление, она привела меня в легкое замешательство, но, безусловно, запомнилась... и позволяла предположить, что впереди нас ждет много интересного.

В моей жизни эта встреча стала поворотным пунктом. Литературных амбиций я не имел никогда. Мало того, скажи мне кто-то, что меня будут издавать, я бы рассмеялся ему в лицо. Но могу совершенно честно и нисколько не лгая себе сказать: мне удалось прославиться тем, как я описал приключения этого великого человека. Я еще больше вырос в собственных глазах, когда получил приглашение выступить во время службы в память о нем в Вестминстерском аббатстве, но от этого приглашения я вежливо отказался. Сам Холмс частенько посмеивался над моими литературными потугами, и я не мог отделаться от ощущения, что, займи я место за кафедрой проповедника, я бы чувствовал его присутствие у себя за плечом — он бы безобидно посмеивался из могилы над моими пассажами.

Он всегда считал, что я преувеличиваю его способности, уж слишком высоко оцениваю его блестящий ум, легко проникавший в суть явлений. Он любил посмеяться над тем, как я строю свое повествование: я старался дать разгадку в самом конце, а он клялся, что ему все было ясно с первых же абзацев. Он не раз обвинял меня в тривиальном романтизме и считал, что я ничуть не лучше самого заурядного писателя с Граб-стрит. Все же я полагаю, что он был ко мне несправедлив. За все время, что мы были знакомы, я ни разу не застал Холмса за чтением прозы — исключая, конечно, худшие образчики бульварной литературы. Я, безусловно, не считаю себя великим писателем, но могу смело сказать, что мои труды нашли свою аудиторию, а сам он нипочем не написал бы лучше. Собственно говоря, однажды Холмс в этом практически признался, когда в конце концов взял перо и бумагу и принялся собственными словами описывать странное дело Годфри Эмсуорта. Этот эпизод увидел свет в рассказе под названием «Приключения побелевшего солдата», и мы видим, что само это название далеко от совершенства: побелка больше подходит для стены.

Повторю: мои литературные дерзания получили достаточно высокую оценку, но признание подобного рода никогда не было для меня самоцелью. В силу описанных выше обстоятельств именно мне выпала честь обнародовать достижения самого прославленного частного детектива и представить на суд полной энтузиазма аудитории не менее шестидесяти рассказов. Но куда ценнее для меня была многолетняя дружба с этим выдающимся человеком.

С того дня как Холмса нашли в его доме в Даунсе — он лежал неподвижно, вытянувшись на кровати во весь рост, — прошел год. Великий мозг замолчал навсегда. Услышав эту новость, я понял, что не просто лишился ближайшего сподвижника и друга, — во многих отношениях был утрачен сам смысл моего существования. Два брака, трое детей, семь внуков, успешная медицинская карьера, орден «За заслуги», врученный мне Его Величеством королем Эдуардом VII в 1908 году, — такими достижениями мог бы удовлетвориться любой. Но только не я. Я скучаю по нему и поныне и порой, лежа без сна, словно вновь слышу до боли знакомые слова: «Игра начинается, Ватсон...»¹. Но они лишь напоминают мне о том, что окунуться во тьму и клубящийся туман Бейкер-стрит с надежным револьвером в руке мне уже не суждено. Я часто думаю, что Холмс ждет меня по другую сторону великой тени, в чье лоно неизбежно попадет каждый из нас, и скажу честно — я буду рад воссоединиться с ним. Моя застарелая рана с мучительной настойчивостью ведет меня к последнему порогу. На континенте бушует жуткая и бессмысленная война, и я перестал понимать мир, в котором живу.

Почему же я снова решил взяться за перо и потревожить воспоминания, которые было бы лучше предать полному забвению? Возможно, мною движет эгоизм. Подобно многим старикам, чья жизнь осталась позади, я ищу умиротворения. Медсестры, которые помогают мне бороться с недугом, уверяют: сочинительство — отличная терапия, оно не позволит мне пасть духом, что порой случается. Но есть и другая причина.

«Банда в кепках» и «Дом шелка» были в некоторых отношениях самыми сенсационными делами в карьере Шерлока Холмса, но в свое время я не мог позволить себе рассказать о них — причины вскоре будут ясны со всей очевидностью. Эти два дела до такой степени сплелись воедино, что рассказывать о них по отдельности было немислимо. В то же время мне всегда хотелось сделать их достоянием гласности, довершить образ Шерлока Холмса. Я чувствую себя химиком, который ищет магическую формулу, или филателистом, который не может в полной мере гордиться своей коллекцией марок, потому что в ней не хватает двух или трех редких экземпляров. Остановить себя я не могу. Я должен об этом написать.

Я не мог сделать этого раньше — и дело отнюдь не в том, что Холмс, как всем хорошо известно, терпеть не мог публичности. Нет. События, о которых я собираюсь рассказать, были столь чудовищны и скандальны, что и речи не могло идти об их огласке. Таковыми они остаются и сейчас. Без преувеличения скажу: огласка этих событий разорвет на части всю ткань нашего общества, тем более во время войны, а на такой риск я пойти не могу. Когда я закончу это

¹ В оригинале стоит фраза «The game is afoot». Это цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (акт III, сцена I), переведенная в одном случае как «зверь поднят», а в другом — как «дичь поднята». При публикации повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе переводилась как «игра начинается». — (Примеч. пер.)

описание — будем надеяться, что силы не оставят меня раньше, — я тщательно упакую рукопись и переправлю ее в хранилище банка «Кокс и К°» на Черинг-кросс, где я держу и другие свои ценные бумаги. Мои инструкции будут таковы: пакет можно открыть только через сто лет. Невозможно представить, каким будет мир по прошествии такого большого отрезка времени, какие шаги вперед сделает человечество, но будущих читателей едва ли смутят постыдные и позорные события — в отличие от моих современников. Именно читателям будущего я завещаю мой последний портрет Шерлока Холмса, а также картину наших дней, доселе невиданную.

Достаточно — я израсходовал слишком много энергии на описание собственных забот. Пора вновь открыть дверь дома 221-б на Бейкер-стрит и войти в комнату, где началось так много приключений. Я все вижу воочию: мерцание лампы за стеклом, семнадцать ступеней, которые надо преодолеть, поднимаясь в дом с улицы. Как давно все это было, как далеко все это от меня сегодняшнего... Да. А вот и он, с неизменной трубкой в руке. Он поворачивается ко мне. На лице улыбка. «Игра начинается...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Галерист из Уимблдона

— Грипп — штука неприятная, — заметил Шерлок Холмс. — Но вы правы — с помощью вашей жены ребенок скоро поправится.

— Очень на это надеюсь, — ответил я, тут же осекся и, широко раскрыв глаза, уставился на него. Чашка с чаем застыла на полпути к губам, но я поставил ее на стол с такой силой, что она едва не рассталась с блюдцем. — Черт подери, Холмс! — воскликнул я. — Вы просто прочитали мои мысли. Но готов поклясться: я ни словом не обмолвился о ребенке или его болезни. Да, вы можете догадаться, что моя жена в отъезде. Само мое присутствие здесь наводит вас на эту мысль. Но я еще не объяснил, по какой причине ее нет, и с уверенностью могу сказать: мое поведение никоим образом не могло дать вам намек на эту причину.

Этот диалог состоялся в конце ноября 1890 года. Лондон был в плену безжалостной зимы, на улицах стоял такой холод, что, кажется, застыли сами газовые фонари и излучаемый ими скромный свет растворялся в лондонском тумане. Люди, укутав лица и склонив головы, перемещались по тротуарам словно привидения, мимо них громыхали экипажи, а лошади мечтали вернуться в конюшню. Я был рад, что нахожусь не на улице, а в знакомом помещении, в камине поигрывает пламенем огонь, в воздухе висит привычный запах табака, а вокруг совершенный беспорядок, каким предпочитал окружать себя мой друг, — и это означало, что все правильно, все на своих местах.

Телеграммой я уведомил Холмса о своем намерении арендовать ту же комнату и провести некоторое время в его обществе, и его положительный ответ встретил с большим энтузиазмом. Моя медицинская практика могла дать мне передышку. Временно я остался один. Я хотел понаблюдать за моим другом и удостовериться, что он полностью восстановил здоровье. Дело в том, что Холмс морил себя голодом три дня и три ночи, отказывая в пище и воде, чтобы убедить жестокого и мстительного противника — смерть вот-вот заключит Холмса в свои объятия. Военная хитрость сработала, результат оказался триумфальным: злодей попал в надежные руки инспектора Мортон из Скотленд-Ярда. Но напряжение, которому подверг себя Холмс, все еще вызывало у меня беспокойство, и я решил понаблюдать за ним, пока обмен веществ в его организме полностью не восстановится.

Поэтому я был рад видеть, как он поглощает содержимое большой тарелки, которую на подносе принесла для нас двоих миссис Хадсон: лепешки с фиалковым медом и сметаной, а также чай с бисквитным тортом. Холмс явно шел на поправку, он расслабленно полулежал в своем большом кресле, вытянув ноги в направлении камина, на нем был хорошо знакомый мне халат. Фигуру его всегда можно было назвать поджарой и даже худощавой, а орлиный нос подчеркивал остроту взгляда, но сейчас на щеках его играл румянец, а голос и манеры позволяли предположить: он вполне пришел в себя.

Он тепло приветствовал меня, я расположился напротив и испытал странное ощущение, словно проснулся после глубокого сна. Слово не было в моей жизни трех последних лет, когда я встретил мою обожаемую Мэри, взял ее в жены, перебрался в наш дом в Кенсингтоне, который купил на деньги, вырученные от продажи жемчуга из сокровищ Агры. Казалось, что я, как и прежде, холостяк, живу бок о бок с Холмсом и делю с ним тревоги и волнения, связанные с очередной погоней или разгадкой очередной тайны.

Я подозревал, что такое положение дел было бы для него предпочтительным. Холмс редко спрашивал, что творится на моем домашнем фронте. Во время моей свадьбы он был за границей, и мне пришло в голову, что его отъезд мог быть совсем не случайным. Не скажу, что тема моего супружества была табу, но мы как бы пришли к молчаливому согласию не обсуждать ее подробно. Холмс видел, что в семейной жизни я счастлив и умиротворен, и великодушно обходился безо всяких шуток и подковырок по этому поводу. Когда я впервые предстал перед ним в новом качестве, он спросил меня о миссис Ватсон. Но он не стал ничего выпытывать, а сам я не счел

нужным распространяться на эту тему, в итоге его замечания на этот счет были совершенно непостижимыми.

— Вы смотрите на меня, словно я фокусник, — заметил Холмс с улыбкой. — Надо полагать, рассказам Эдгара Аллана По вы дали отставку?

— Вы про его детектива Дюпена? — спросил я.

— Он пользовался методом, который определял как «умозаключение». По его теории можно прочитать самые сокровенные мысли человека, даже если тот и рта не раскрыл. Достаточно проанализировать его движения, последить за его мимикой. В свое время эта идея произвела на меня большое впечатление, но, припоминая, вы отнеслись к ней с некоторым презрением...

— И теперь мне приходится за это платить, — заключил я. — Холмс, вы всерьез хотите сказать, что способны сделать вывод о болезни ребенка, которого никогда не видели, просто глядя на то, как я поглощаю лепешки?

— Этот вывод не единственный, — откликнулся Холмс. — Могу добавить, что вы недавно вернулись с Холборнского виадука. Что дом вы покидали в спешке, но все равно опоздали на поезд. Сейчас вы живете без служанки — может быть, все дело в этом?

— Прекратите, Холмс! — воскликнул я. — На эту удочку я не клюну!

— Разве я ошибся?

— Нет. Полное попадание по всем пунктам. Но как такое возможно?

— Все просто: наблюдение и дедукция, первое поставляет информацию для второго. Я могу пуститься в объяснения, но они покажутся вам до обидного детскими.

— Тем не менее я хотел бы их услышать.

— Что ж, коль скоро вы выбрались ко мне с визитом, придется пойти на поводу у вашей настойчивости, — согласился Холмс и чуть заметно зевнул. — Начнем с самого факта вашего приезда сюда. Если меня не подводит память, ваш брак приближается к третьей годовщине, верно?

— Именно так, Холмс. До нее осталось ровно два дня.

— Не самое подходящее время для разлуки с женой. Вы ведь только что сказали: ваше решение пожить со мной под одной крышей, да еще и достаточно долго, подразумевает, что ее отъезд вызван весьма серьезной причиной. Что же это за причина? Насколько я помню, мисс Мэри Морстон, как ее звали до замужества, прибыла в Англию из Индии, здесь у нее друзей или родственников не было. Она стала работать гувернанткой, присматривать за сыном некоей миссис Сесл Форрестер в Камберуэлле, где вы с ней, собственно, и познакомились. Миссис Форрестер была с ней очень мила, особенно когда настали трудные времена, и я готов предположить, что между ними установились доверительные и близкие отношения.

— Вы совершенно правы.

— И если кто-то и мог подвигнуть вашу жену на отъезд из дома, миссис Форрестер выглядит вполне подходящей кандидатурой. Какая же причина может скрываться за подобной просьбой? За окном стоит холодная погода, и в первую очередь приходит в голову болезнь ребенка. Приболевшему мальчику было бы очень приятно, окажись рядом его любимая гувернантка.

— Его зовут Ричард, мальчику девять лет, — добавил я. — Но почему вы уверены, что у него грипп, а не нечто более серьезное?

— Если бы дело обстояло так, вы бы наверняка занялись ребенком лично.

— Пока ваши рассуждения в высшей степени понятны и просты, — признал я. — Но как вы узнали, что мои мысли были сосредоточены на этой теме в данную конкретную минуту?

— Надеюсь, дорогой Ватсон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы для меня — открытая книга, каждый ваш новый жест — это новая страница. Вы сидите напротив и потягиваете чай, и я вижу, что ваш взгляд устремлен в лежащую на столе газету. Вы посмотрели на заголовок, протянули руку — и перевернули газету лицом вниз. Почему? Наверное, вам пришлось не по душе заметка о крушении поезда в Нортон-Фицуоррен несколько недель тому назад. Сегодня опубликовали результаты расследования гибели десяти пассажиров, и, понятное дело, вам совершенно не хочется об этом читать, потому что вы только что попрощались с женой на вокзале.

— Да, заметка напомнила мне о ее поездке, — согласился я. — Но болезнь ребенка?

— С газеты взор ваш переместился на ковровую дорожку рядом со столом, и я ясно увидел, как вы украдкой улыбаетесь. Именно на этом месте когда-то стоял ваш медицинский саквояж, мысль о котором и напомнила вам о причине поездки вашей жены.

— Ну, Холмс, это уже из области догадок, — возразил я. — Например, вы упомянули Холборнский виадук. А ведь это мог быть любой вокзал Лондона.

— Бы прекрасно знаете, что догадок я сторонюсь. Иногда надо применить воображение на основе вещественных доказательств, но это вовсе не одно и то же. Миссис Форрестер живет в Камберуэлле. Поезда в Чатем и Довер регулярно уходят с Холборнского виадука. Этот вывод представляется вполне логичным, но вы облегчили мне задачу, поставив у двери ваш собственный чемодан. Из этого кресла мне хорошо видна наклейка на ручке чемодана: «Холборнский виадук, камера хранения».

— А все остальное?

— Отсутствие служанки и поспешный выход из дома? Мазок черной ваксы на рукаве указывает на то и другое сразу. Вы сами чистили себе обувь и действовали не вполне аккуратно. Далее, в спешке вы забыли надеть перчатки...

— Мое пальто забрала миссис Хадсон. Она вполне могла забрать и перчатки.

— Но мы с вами обменялись рукопожатием, и ваша рука была очень холодная. Нет, Ватсон, весь ваш облик говорит об отсутствии организующего начала, о беспорядке.

— Все, что вы сказали, — правда, — признал я. — Осталась только одна тайна, Холмс. Откуда вам известно, что моя жена опоздала на поезд?

— Когда вы вошли, я уловил на вашей одежде сильный запах кофе. С чего бы вам пить кофе, если вы собираетесь ко мне на чай? Вывод: вы опоздали на поезд и были вынуждены пробыть с женой дольше, чем намеревались. Вы сдали чемодан в камеру хранения и пошли с женой в кофейню. Не на Локхарт-стрит? Я слышал, там готовят отличный кофе.

Ненадолго воцарилась тишина, после чего я расхохотался.

— Что ж, Холмс, — сказал я. — Вижу, что о вашем здоровье можно не тревожиться. Вы блистательны, как всегда.

— Но это же элементарно, — ответил детектив, вяло поведя рукой. — Впрочем, похоже, нас ждет нечто более интересное. Если не ошибаюсь, кто-то стоит у наших входных дверей...

Холмс оказался прав — снова появилась миссис Хадсон, на сей раз не одна. В комнату вошел человек — он выглядел как персонаж какой-нибудь пьесы на сцене лондонского театра. Смокинг, бабочка, черная накидка на плечах, жилет, шикарные кожаные туфли. В одной руке пара белых перчаток, в другой — трость из розового дерева с серебряным набалдашником и рукояткой. Грива темных волос откинута назад и открывает высокий лоб. Кожа бледная, лицо, не будь оно слегка вытянуто, можно было бы назвать красивым. Я дал бы ему лет тридцать пять, в то же время он выглядел старше — уж чересчур серьезный облик, к тому же он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мне сразу вспомнились некоторые мои пациенты — те, что отказывались верить в свою болезнь, пока очевидные симптомы не убеждали их в обратном. Именно их заболевания оказывались самыми тяжелыми. Вот и новый посетитель не выказывал особой радости от встречи с нами. Он стоял в дверях и взволнованно озирался по сторонам, а миссис Хадсон передала Холмсу его визитку.

— Господин Карстерс, — произнес Холмс, — прошу садиться.

— Простите, что прибыл вот так, без объявления и приглашения. — Говорил он обрывисто и суховато. Глаза пока блуждали, не желая встречаться с нашими. — Если честно, у меня вообще не было намерения приходить сюда. Я живу в Уимблдоне, неподалеку от теннисных кортов, и приехал в город слушать оперу, но сейчас мне не до Вагнера. Я только что из клуба, где встречался с моим бухгалтером, я знаю этого человека много лет и считаю своим другом. Я рассказал ему о своих неприятностях, о том, как они отравляют мне жизнь и делают ее невыносимой, и он упомянул вас и настоятельно рекомендовал посоветоваться с вами. По случайному совпадению мой клуб находится совсем рядом, и я решил направиться прямо к вам.

— Буду рад выслушать вас, — сказал Холмс.

— А этот господин?.. — посетитель указал на меня.

— Это доктор Джон Ватсон. Он мой ближайший сподвижник, так что не сомневайтесь — все, что вы хотите рассказать мне, может быть произнесено в его присутствии.

— Ну что ж. Меня зовут, как вы видите, Эдмунд Карстерс, я торгую произведениями искусства. У меня своя галерея, «Карстерс и Финч», на Элбмарл-стрит, она действует вот уже шесть лет. Основная сфера наших интересов — работы великих художников, в основном прошлого века: Гейнсборо, Рейнолдс, Констебл и Тернер. Не сомневаюсь, что вы знакомы с их картинами, цены на эти полотна самые высокие. Только на этой неделе я продал два портрета работы Ван Дейка частному клиенту на общую сумму 25 тысяч фунтов. Бизнес у нас вполне процветающий, успешный, на соседних улицах появляются все новые и новые галереи, но я бы назвал их вторичными. С годами нам удалось заработать достойную репутацию — нас ценят за трезвость оценки и надежность. Среди наших клиентов много знати, наши работы вывешены в самых изысканных особняках страны.

— А ваш партнер господин Финч?

— Тобиас Финч гораздо старше меня, хотя доли у нас равные. Если мы иногда расходимся во мнениях, это объясняется тем, что он человек более консервативный и осторожный, чем я. Например, меня очень интересуют новые работы, которые приходят к нам с континента. Я имею в виду художников, ставших известными как импрессионисты, например Моне и Дега. Всего неделю назад мне предложили зарисовку на берегу моря Писсарро, на мой взгляд, весьма яркую и живописную. Увы, мнение моего партнера с моим не совпадает. Он утверждает, что такие работы недалеко ушли от мазни — некоторые формы вблизи действительно трудноразличимы, но он не видит сути картины, и переубедить его я не могу. Впрочем, господа, не буду утомлять вас лекцией о живописи. Галерея наша вполне традиционная, таковой в ближайшем будущем и останется.

Холмс кивнул.

— Прошу вас, продолжайте.

— Господин Холмс, две недели назад я понял, что за мной следят. Риджуэй-холл — так называется мой дом — стоит на углу узкого переулка, в некотором отдалении находятся несколько богаделен. Это наши ближайшие соседи. Мы окружены общественными землями, и из моей гардеробной открывается вид на деревенские уголья. И вот во вторник утром я увидел там человека: он стоял, широко раздвинув ноги и скрестив руки, стоял совершенно неподвижно, и этой неподвижностью я был просто изумлен. Он был достаточно далеко, и я не мог разглядеть его черты, но мне показалось, что это иностранец. На нем был длинный сюртук с накладными плечами, покрой явно не английский. В прошлом году я был в Америке и готов высказать догадку, что этот человек прибыл оттуда. Но самым сильнейшим образом — причину объясню позже — меня поразило другое: на голове его был головной убор — кепка.

И вот эта кепка и сама его поза, когда я впервые его увидел, здорово вывели меня из равновесия. Полное отсутствие движения — в этом он мог вполне соперничать с пугалом, клянусь вам. Шел легкий дождь, ветерок носил его над кварталом, но человек этого будто не замечал. Глаза его были устремлены на мое окно. Могу сказать, что из них словно шел темный луч и он сверлил меня. Я смотрел на него, наверное, не меньше минуты, потом пошел завтракать. Но перед тем как приступить к трапезе, я послал слугу посмотреть, стоит ли этот человек на прежнем месте. Его не было. Слуга доложил, что на полях никого нет.

— Отдельный случай, — заметил Холмс. — Не сомневаюсь, что Риджуэй-холл — дом, заслуживающий внимания. Приезжому он вполне мог показаться достойным объектом для изучения.

— Я и сам довольствовался таким объяснением. Но через несколько дней он появился снова. Мы с женой были в Лондоне, только что вышли из театра — ходили в «Савой», — и я не сумел его как следует разглядеть. На сей раз он стоял абсолютно на виду, под уличным фонарем, но сам этот фонарь отбрасывал тень на его лицо и играл роль вуали. Возможно, таковым и было его намерение.

— Но это был именно он?

— Вне всякого сомнения.

— А ваша жена его видела?

— Нет. Я не хотел ее тревожить и ничего ей не сказал. Нас ждала двуколка, и мы тут же уехали.

— Чрезвычайно интересно, — заметил Холмс. — Действия этого человека противоречат здравому смыслу. Он стоит посреди деревенских угодий и под уличным фонарем. С одной стороны, он хочет, чтобы его увидели. С другой — даже не пытается к вам подойти.

— Он подошел ко мне, — откликнулся Карстерс. — На следующий же день, я как раз приехал домой раньше обычного. Мой друг Финч оставался в галерее, он заносил в каталог коллекцию рисунков и гравюр Сэмюэла Скотта. Моя помощь ему не требовалась, к тому же после двух упомянутых встреч мне было не по себе. К Риджуэй-холлу я подъехал около трех часов, и слава богу, потому что этот негодяй собирался постучать в дверь моего дома. Я окликнул его, он обернулся и увидел меня. Тотчас же он кинулся в мою сторону, и я, уверенный, что он собирается меня ударить, даже поднял трость, чтобы защититься. Но насилие в его планы не входило. Он приблизился ко мне вплотную, и впервые я разглядел его лицо — тонкие губы, темные карие глаза, багровый шрам на правой щеке — видимо, след от недавнего пулевого ранения. Он был под воздействием алкоголя — от него пахло спиртным. Он не произнес ни слова, но поднял вверх записку и сунул ее мне в руку. И сразу же убежал — я не успел его остановить.

— А записка? — полюбопытствовал Холмс.

— Она при мне.

Галерист извлек на свет сложенный вчетверо листок бумаги и передал его Холмсу. Холмс аккуратно развернул его.

— Передайте, пожалуйста, мою лупу, Ватсон.

Я исполнил просьбу, и он повернулся к Карстерсу:

— Конверта не было?

— Нет.

— Это очень важное обстоятельство. Ну-ка, поглядим...

На страничке было всего пять слов, написанных печатными буквами:

ЦЕРКОВЬ ДЕВЫ МАРИИ, ЗАВТРА, ПОЛДЕНЬ.

— Бумага английская, — заметил Холмс, — даже если сам ваш визитер — приезжий. Обратите внимание, Ватсон, — написано печатными буквами. Какова, на ваш взгляд, цель?

— Скрыть собственный почерк, — предположил я.

— Возможно. С другой стороны, этот человек никогда господину Карстерсу не писал и едва ли напишет впредь — зачем ему скрывать свой почерк? Господин Карстерс, записка была сложена, когда вам ее передали?

— Нет. По-моему, нет. Я сам сложил ее позже.

— Что ж, картина проясняется. В записке идет речь о церкви Девы Марии. Надо полагать, она находится в Уимблдоне?

— На Хотхаус-лейн, — ответил Карстерс, — в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

— В таком поведении тоже мало логики, как считаете? Человек хочет с вами поговорить. С этой целью он сует вам в руку записку. При этом молчит. Практически не произносит ни слова.

— Мне кажется, он хочет поговорить со мной наедине. Кстати, моя жена, Кэтрин, вышла из дома буквально через несколько секунд. Она стояла у окна гостиной, которое выходит прямо на подъездную дорожку, и все видела. «Кто это такой?» — спросила она. «Понятия не имею», — был мой ответ. «Чего он хотел?» Я показал ей записку. «Он хочет денег, — сказала она. — Я видела его из окна — настоящий разбойник. На прошлой неделе в полях разбились табор цыгане. Скорее всего, он один из них. Эдмунд, ходить на встречу с ним незачем». — «Не тревожься, дорогая, — сказал я жене, — я и не собираюсь с ним встречаться».

— Жену вы успокоили, — пробормотал Холмс, — а сами в назначенное время пришли в церковь.

— Именно — и положил в карман револьвер. Но этого типа не было. В этой церкви вообще не много прихожан, а тут еще пронизывающий холод. Час я маршировал по плитам перед входом в церковь, потом направился домой. Больше я о нем ничего не слышал, он не появлялся, но я не могу выкинуть его из головы.

— Вы знаете этого человека, — высказал предположение Холмс.

— Да, господин Холмс. Вы попали в точку. Я думаю, что знаю, кто этот человек, хотя, признаюсь откровенно, мне не вполне понятно, на каком основании такой вывод сделали вы.

— Мне это показалось совершенно очевидным, — ответил Холмс. — Вы видели этого человека только три раза. Он назначил вам встречу, но сам же и не пришел. Из вашего описания совершенно не следует, что этот человек представляет для вас угрозу, но вы начали с неприятностей, которые отравляют вам жизнь, а на встречу с этим человеком пошли, вооружившись револьвером. И вы пока не сказали нам, в чем тайный смысл кепки.

— Я знаю, кто он. Знаю, что ему нужно. Меня пугает, что он проследовал за мной в Англию.

— Из Америки?

— Да.

— Господин Карстерс, ваш рассказ чрезвычайно интересен, и если у вас есть время до начала оперы или если вы готовы пожертвовать увертюрой, мне кажется, вам следует рассказать все с самого начала и до конца. Вы говорили, что год назад ездили в Америку. С человеком в кепке вы встретились там?

— Раньше мы лично не встречались. Но в Америку я приехал из-за него.

— Если позволите, я набью трубку. Не возражаете? Давайте вернемся к началу, и вы расскажете нам, что привело вас на другую сторону Атлантики. Галерист, по моему пониманию, не тот человек, который легко наживает врагов. А вам это явно удалось.

— Согласен. Моего недруга зовут Килан О'Донахью — кажется, все бы отдал, чтобы никогда не слышать этого имени.

Холмс потянулся к персидской тапке, где держал табак, и начал набивать трубку. Эдмунд Карстерс тем временем перевел дыхание, и вот что мы услышали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Банда в кепках

— Полтора года назад я был представлен довольно необычному человеку, звали его Корнелиус Стилмен, он совершал длительную поездку по Европе и заканчивал ее в Лондоне. Жил он на восточном побережье Америки и принадлежал к клану так называемых бостонских браминов, то есть входил в число местной знати и аристократии. Он сколотил состояние на шахтах компании «Калумет и Хекла», к тому же вложил средства в железные дороги и телефонные компании. Видимо, в молодые годы он мечтал о карьере художника, и частично его приезд в Европу объяснялся желанием посетить музеи и галереи Парижа, Флоренции, Рима и Лондона.

Подобно многим богатым американцам, господин Стилмен был исполнен чувства гражданской ответственности, что, несомненно, делало ему честь. Он приобрел землю в бостонском районе Бэк-Бей и уже приступил к строительству художественной галереи, которую назвал «Парфенон», планируя заполнить ее самыми замечательными произведениями искусства, купленными во время его путешествий. Я познакомился с ним на одном приеме, и он произвел на меня впечатление человека-вулкана, кипящего энергией и энтузиазмом. В одежде этот американец был достаточно старомоден, носил бороду, а в глазу поблескивал монокль, но он оказался на диво осведомленным человеком, бегло говорящим по-французски и по-итальянски и даже имевшим представление о древнегреческом. Он глубоко разбирался в искусстве, эстетическое начало в нем было очень развито, в итоге он заметно отличался от большинства своих соотечественников. Не нужно подозревать меня в излишнем шовинизме, господин Холмс. Этот человек сам рассказывал мне, как хромает в его стране культурная жизнь, с годами он к такому положению вещей привык: величайшие полотна выставлялись рядом с уродцами, какими-то русалками и карликами. Он видел, как постановке пьесы Шекспира предшествовало выступление канатоходцев и акробатов. Так обстояли дела в Бостоне того времени. В «Парфеноне» все будет иначе, сказал он. Это, как следовало из названия, будет храм искусства и цивилизации.

Я очень обрадовался, когда господин Стилмен согласился посетить мою галерею на Элбмарл-стрит. Мы с господином Финчем провели в его обществе несколько часов, подробно ознакомили его с нашим каталогом, показали последние покупки, сделанные нами на разных аукционах Англии. Короче говоря, он купил у нас работы Ромни, Стаббса и Лоуренса, а также четыре пейзажа Джона Констебла — настоящую гордость нашей коллекции. Это были изображения Озерного края, датированные 1806 годом, совершенно не похожие на другие работы этого выдающегося мастера. Они создавали удивительное настроение, в них улавливалась подлинная глубина, и господин Стилмен обещал: эти пейзажи будут выставлены в большом, хорошо освещенном зале, который спроектируют специально для них. Мы выторговали блестящие условия. С учетом происшедшего хочу сказать, что мой банковский счет пополнился кругленькой суммой. Господин Финч заметил, что эта сделка, вне всяких сомнений, наиболее успешная в нашей жизни.

Оставалось доставить картины в Бостон. Мы тщательно их упаковали, поместили в деревянный ящик и отправили «Белой звездой» из Ливерпуля в Нью-Йорк. По велению судьбы мы решили, что передадим картины непосредственно в Бостоне, — это было одно из решений, которые в момент их принятия не кажутся существенными, но потом ты долгое время о них сожалешь. Именно до Бостона отправлялось судно «Эдвенчерер», но мы опоздали на несколько часов и в итоге поместили драгоценный груз на другой океанский лайнер, плывший до Нью-Йорка. Там груз принял наш агент, толковый молодой человек по имени Джеймс Девой, и отправился с ним до Бостона по железной дороге «Бостон и Олбани» — путешествие длиной в сто девяносто миль. Но добраться до пункта назначения нашим картинам было не суждено.

В то время в Бостоне орудовало несколько банд, главным образом на юге города, в Чарлзтауне и Сомерсвилле. У многих из них были диковинные названия: «Мертвые кролики», «Сорок воров», а сами бандиты были ирландского происхождения. С грустью думаешь о том, что великая страна приняла их с распростертыми объятиями, а они взамен предложили беззаконие и

насилие, но дело обстояло именно так, и полиция была не способна остановить их или передать в руки правосудия. Одна из самых активных и опасных групп именовалась «Банда в кепках», заправилами были братья-близнецы Рурк и Килан О'Донахью, родом из Белфаста. Этим двух дьяволов я охарактеризую с особой тщательностью, потому что в моей истории они занимают центральное место.

Эта парочка была неразлучна. При рождении они выглядели совершенно одинаково, но Рурк вырос крупнее брата — квадратные плечи, грудь бочонком, могучие кулаки, которые он был всегда готов пустить в ход. Говорили, что во время карточной игры он забил человека до смерти, а ему едва минуло шестнадцать лет. Килан по контрасту всегда находился в тени брата, он был поменьше и поспокойнее. Собственно, он вообще мало говорил, ходили слухи, что даром речи Бог его обделил. Рурк носил бороду, Килан был чисто выбрит. Оба ходили в кепках, отсюда и название их банды. Было также известно, что у них на руках выколоты инициалы друг друга, и во всех отношениях они были неразделимы.

Что касается других членов банды, их клички говорят сами за себя и хорошо их характеризуют. Фрэнк Келли — Бешеный Пес, Маклин Патрик — Лезвие. Еще один был известен как Привидение и внушал окружающим ужас, подобно любому сверхъестественному существу. Сфера их деятельности включала в себя все мыслимые виды уличных преступлений, разбой, грабеж, а также покровительство. При этом бостонская беднота относилась к ним с большим почтением и не понимала очевидного: эти мерзавцы были гнойным нарывом на теле общества. Это были отщепенцы, которые плевать хотели на и без того далекие от совершенства законы. Вам, разумеется, известно, что близнецы занимают особое место в мифологии со времен рассвета цивилизации. Есть Ромул и Рем, Аполлон и Артемида, а Кастор и Поллукс обрели бессмертие на звездном небе в созвездии Близнецы. Некая аура окружала и братьев О'Донахью. Среди простого народа бытовало убеждение, что их не поймают никогда, что абсолютно все сойдет им с рук.

Когда я отсылал картины в Саутгемптоне, о «Банде в кепках» я не знал ничего, вообще никогда о них не слышал, но именно в это время кто-то сообщил бандитам: через несколько дней американская компания по производству банковских билетов будет перевозить много денег в Массачусетский первый национальный банк — из Нью-Йорка в Бостон. Сумма якобы составляла сто тысяч долларов, а повезут деньги по железной дороге «Бостон и Олбани». Кто-то говорил, что операцию по ограблению поезда задумал Рурк. Другие считали, что из двух братьев мозгом был именно Килан. Так или иначе, они решили напасть на поезд, когда он будет еще в пути, и освободить его от денежной массы.

Попытки грабить поезд все еще предпринимались на западных границах Америки — в Калифорнии и Аризоне, — но проверить подобное на более развитом восточном побережье было практически невыполнимо, поэтому в поезде, который отправился с Центрального вокзала в Нью-Йорке, был всего один вооруженный охранник — в почтовом вагоне. Банкноты находились в сейфе. А картины — надо же, чтобы так не повезло! — были тут же, рядом, в своем деревянном ящике. Наш агент Джеймс Девои ехал в вагоне второго класса. К своим обязанностям он всегда относился добросовестно и расположился как можно ближе к почтовому вагону.

Для захвата «Банда в кепках» выбрала участок пути неподалеку от Питсфилда. Здесь, перед мостом через реку Коннектикут, поезд преодолевает довольно крутой подъем. Он заезжает в тоннель длиной две тысячи футов, и на выезде по правилам железной дороги машинист обязан проверить тормоза. Поэтому поезд в этом месте шел очень медленно, и братья О'Донахью без особого труда спрыгнули на крышу одного из вагонов. Оттуда они перелезли через тендер и, к изумлению машиниста и его помощника, внезапно появились в машинном отделении с оружием в руках.

Они велели остановить поезд на лесной просеке. Со всех сторон их окружали высокие белые сосны — природная ширма, под прикрытием которой они могли легко совершить свое преступление. Келли, Маклин и другие бандиты ждали наготове с лошадьми и с динамитом, который похитили где-то на стройплощадке. Все они были вооружены. Когда поезд остановился, Рурк ударил машиниста рукояткой револьвера по голове и оглушил его. Килан молча достал веревку и привязал помощника к металлической опоре. Тем временем остальные бандиты ворвались в поезд. Они велели пассажирам оставаться на местах, а сами двинулись к почтовому вагону, намереваясь взорвать его дверь.

Джеймс Девоу все это видел и пришел в ужас от возможных последствий. Видимо, он догадался, что грабителей интересуют отнюдь не полотна Констебла. В конце концов, об их существовании знало всего несколько человек, и даже если бы у бандитов хватило мозгов или образования, чтобы опознать работы великого мастера, они просто не нашли бы желающих эти картины купить. Остальные пассажиры сидели тихо и смирно, а Девоу встал со своего места и пошел к бандитам на переговоры. По крайней мере, я полагаю, что его намерение было именно таковым. Но не успел он открыть рот, как Рурк О'Донахью обернулся и застрелил беднягу на месте. Бандит всадил три пули Девоу в грудь, тот рухнул на пол и нашел свое последнее упокоение в луже собственной крови.

Находившийся в почтовом вагоне охранник услышал выстрелы. Могу себе представить, какой ужас он испытал, когда понял, что по ту сторону двери орудуют бандиты. Может быть, он открыл бы дверь по их требованию? Нам этого никогда не узнать. Через минуту прогремел мощный взрыв, и вся стена почтового вагона разлетелась на части. Охранник погиб на месте. Доступ к сейфу с деньгами был открыт.

Второго, куда более скромного взрыва, хватило на то, чтобы открыть сейф, — и злоумышленники обнаружили, что им дали ложную информацию. В Массачусетский первый национальный банк было послано всего две тысячи долларов; возможно, для этих бродяг и такие деньги — целое состояние, но сумма была гораздо меньше той, на которую они рассчитывали. Но они все равно схватили банкноты с радостными воплями, нимало не заботясь о том, что оставили после себя два трупа, и не представляя, что их взрывы уничтожили четыре полотна, которые стоили в двадцать раз больше похищенной ими суммы. Эти, да и другие погибшие картины — невосполнимая потеря для британского искусства. Я постоянно напоминаю себе, что во время этого налета погиб замечательный и исполнительный молодой человек, но, как ни стыдно мне в этом признаться, потерю картин я оплакиваю в не меньшей степени.

Мой друг Финч и я были потрясены, когда узнали о случившемся. Поначалу дело нам представили так, что картины похищены, и такой вариант был бы более предпочтительным, потому что этими работами мог бы насладиться хоть кто-то и всегда оставалась возможность украденное вернуть. Надо же, чтобы налет произошел столь не вовремя, и до какой степени вандализма доходят люди ради пачки банкнот! Вот когда мы горько пожалели, что выбрали не тот маршрут, — получается, во всем виноваты мы сами! Беспокоили нас и финансовые соображения. Господин Стилмен внес за картины большой аванс, но по контракту мы целиком несли за них ответственность вплоть до передачи их ему в руки. Счастье, что мы застраховали отгрузку в лондонской компании «Ллойд», — в противном случае нас ждало разорение, ведь в конце концов аванс пришлось бы вернуть. Еще одно неудобное обстоятельство — семья Джеймса Девоу. Я выяснил, что у него остались жена и маленький ребенок. Кто-то должен был о них позаботиться.

Именно по этим причинам я решил отправиться в Америку и отбыл из Англии без промедления. Моим первым пунктом назначения был Нью-Йорк. Там я встретился с госпожой Девоу и обещал ей определенную компенсацию. Ее сыну было девять лет — более милого и симпатичного ребенка трудно себе представить. Потом я перебрался в Бостон, а оттуда в Провиденс, где Корнелиус Стилмен воздвиг себе летнюю резиденцию. Надо сказать, что хоть я и провел в его обществе достаточно много часов, но все равно оказался не готов к зрелищу, которое открылось перед моими глазами. Шепердс-Пойнт оказался гигантским сооружением — наподобие французского замка, — построенным известным архитектором Ричардом Моррисом Хантом. Одни сады простирались на тридцать гектаров, а интерьер дома говорил об изобилии, охватить которое мое воображение было не в силах. Сам Стилмен настоял на том, чтобы устроить мне экскурсию по дому, и я едва ли когда-нибудь ее забуду. Великолепная деревянная лестница, занимавшая господствующее положение в большом зале, библиотека на пять тысяч томов, комплект шахмат, когда-то принадлежавших Фридриху Великому, часовня со старинным органом, на котором играл Перселл. К тому времени, как мы добрались до подвального этажа, где был плавательный бассейн и площадка для игры в боулинг, я изрядно подустал. А живопись! Я отметил работы Тициана, Рембрандта и Веласкеса, а мы еще не добрались до гостиной. Я разглядывал всю эту роскошь, несметные богатства хозяина дома, и вдруг в голову мне пришла идея.

Вечером во время ужина — мы сидели за гигантским средневековым столом для приемов, обслуживал нас чернокожий слуга, одетый, я бы сказал, по-колониальному, — я заговорил о госпоже Девой и ее сыне. Стилмен заверил меня: хоть они и не живут в Бостоне, отцы города по его просьбе о них позаботятся. Вдохновленный его ответом, я перешел к «Банде в кепках» и спросил, можно ли с его помощью призвать их к ответственности — ведь пока бостонская полиция не сильно продвинулась в этом деле. Возможно ли, спросил я, предложить значительное вознаграждение тому, кто укажет, где они находятся, а также нанять частных детективов, чтобы они задержали бандитов от нашего имени. Так мы отомстим им за убийство Джеймса Девоя, а заодно и накажем за утрату пейзажей Констебла.

Стилмен ухватился за мое предложение с энтузиазмом.

— Вы правы, Карстерс! — воскликнул он, с грохотом стукнув кулаком по столу. — Именно так мы и поступим. Эти подонки надолго запомнят день, когда они вздумали прищемить хвост Корнелиусу Стилмену!

Это не была его обычная манера выражаться, но мы к тому времени успели разделаться с бутылкой тончайшего кларета и принялись за портвейн и господин Стилмен был в необычно приподнятом настроении. Он с настойчивостью заявил, что полностью оплатит расходы на детективов и само вознаграждение, хотя я был готов внести определенную долю. Мы пожали друг другу руки, и он предложил мне остаться у него, пока будут приняты все необходимые меры, — это приглашение я с радостью принял. Искусство — это моя жизнь как коллекционера и галериста. А в летней резиденции Стилмена было столько сокровищ, что состояние транса было мне обеспечено на несколько месяцев.

Но события пошли более короткой дорогой. Господин Стилмен обратился в агентство Пинкертон и нанял человека по имени Билл Макпарленд. На встречу с ним был приглашен и я... Стилмен относился к типу людей, которые все должны сделать сами и на свой манер. При этом его репутация со всей очевидностью говорила, что он выдающийся исследователь и не успокоится, пока «Банда в кепках» не окажется в его руках. В то же время в рекламном приложении к «Бостон дейли» было помещено объявление: награда в 100 долларов — немалая сумма — за информацию, которая приведет к аресту Рурка и Килана О'Донахью и всех остальных, связанных с совершенным преступлением. Мне было приятно, что под объявлением рядом со своим именем господин Стилмен поставил мое, хотя все финансовые затраты взял на себя он.

Следующие недели я провел в Шепердс-Пойнте и в самом Бостоне, удивительно красивом и быстро растущем городе. Несколько раз я съездил в Нью-Йорк и с удовольствием провел какое-то время в Музее изобразительных искусств Метрополитен — в этом не очень удачном с архитектурной точки зрения здании содержалась великолепная коллекция. Я также навестил госпожу Девю и ее сына. Именно в Нью-Йорке я получил телеграмму от Стилмена с просьбой срочно вернуться. Объявление о вознаграждении сработало. Макпарленд получил нужные сведения. Кольцо вокруг «Банды в кепках» было готово сомкнуться.

Я сразу же вернулся и снял номер в гостинице на Скул-стрит. Вечером туда приехал Корнелиус Стилмен и рассказал, что произошло.

Сведения поступили от владельца пивной — в Америке их называют салунами — в Саут-Энде, не слишком благополучном районе Бостона, где нашли себе пристанище эмигранты из Ирландии. Близнецы О'Донахью ютились в узком многоквартирном доме неподалеку от Чарлз-Ривер — мрачном и убогом трехэтажном сооружении с десятком прижавшихся друг к другу комнат, без прихожих, всего с одним туалетом на каждом этаже. Прямо по коридорам текли сточные воды, и зловонный запах перебивали лишь сотни печурок, в которых сжигали уголь. Жуткий притон — вечно орут дети, бьют пьяные мужчины, что-то бормочут полубезумные женщины. Сзади была наспех сколоченная деревянная пристройка с вкраплениями из кирпича, ее-то и облюбовали близнецы. У Килана была отдельная комната. Рурк делил другую с двумя членами банды. Остальные «кепки» занимали третью комнату.

Деньги, похищенные из поезда, давно исчезли — бандиты спустили их на спиртное, просадили в карты. Когда солнце в тот вечер близилось к закату, все они сидели, сгрудившись у печи, и, как обычно, потягивали джин и играли в карты. Караульного не было. Зачем? Соседи сунуться к ним никогда не осмелятся, а бостонская полиция к похищению двух тысяч долларов

давно потеряла интерес. Поэтому они даже не думали о приближении Макпарленда с десятком вооруженных человек, которые быстро окружили здание.

Пинкертоновцам велели взять бандитов живыми, если удастся, — Стилмен надеялся предать их суду, к тому же в непосредственной близости было много невинных людей и беспорядочной пальбы хотелось бы по возможности избежать. Приведя своих людей в состояние полной готовности, Макпарленд взял припасенный громкоговоритель и предложил бандитам сдаться. Но его ждало разочарование — «Банда в кепках», недолго думая, открыла яростный огонь. Да, близнецы позволили застать себя врасплох, но сдаваться без боя не собирались — и море свинца выплеснулось на улицу, пули летели не только из окон, но и сквозь дыры в самих стенах. Двоих пинкертоновцев подстрелили, ранение получил и сам Макпарленд, но остальные не спасовали и разрядили в здание шестизарядные обоймы своих револьверов. Сотни пуль прошибли хлипкую древесину — трудно себе представить, что творилось внутри. Никакой защиты не было. Укрыться было негде.

Когда все было кончено, в задымленной пристройке представители закона нашли пять мужских трупов, истерзанных пулями в клочья. Одному бандиту удалось бежать. Поначалу такое показалось невозможным, но осведомитель господина Макпарленда заверил его: вся шайка была в сборе, и ответный огонь вели шесть человек. Комнату тщательно обследовали — и разгадка была найдена. Одна половица не была прибита гвоздями. Ее отодвинули — и открылся узкий дренажный водосток, который тек под поверхностью земли и уходил прямо в реку. Через него Килан О'Донахью и сбежал, хотя задача перед ним стояла дьявольски трудная. Правильнее будет сказать не «сбежал», а «уполз», потому что в этой трубе мог поместиться разве что ребенок, и никто из агентов Пинкертона туда лезть не решился. Макпарленд повел своих людей вдоль реки, но к тому времени наступила кромешная тьма, и он знал — поиски ни к чему не приведут. «Банда в кепках» была уничтожена, но одному из ее главарей удалось спастись.

Все это мне рассказал Корнелиус Стилмен в тот вечер в гостиничном номере, но история на этом, увы, не кончается.

Я остался в Бостоне еще на неделю, частично в надежде, что Килана О'Донахью найдут. На самом деле в душе возникло легкое беспокойство. Возможно, оно жило во мне с самого начала, но только теперь я осознал его в полной мере. Речь идет о проклятом объявлении, ранее мною упомянутом, — под ним стояло мое имя. Стилмен сделал достоянием гласности тот факт, что я имею отношение к вознаграждению и к «ударной группе», которая занялась поимкой «Банды в кепках». Поначалу я, исполненный чувства общественного долга, был ему за это благодарен, пожалуй, даже почитал за честь быть упомянутым рядом с этой выдающейся личностью. Но теперь я понял: один близнец убит, а другой гуляет на свободе! Я — прекрасная мишень для мести, особенно в районе, где самые жуткие преступники могут рассчитывать на поддержку множества друзей и почитателей. Я с опаской входил в гостиницу и выходил из нее. В неблагополучные районы города старался не соваться, по вечерам сидел в номере.

Килана О'Донахью не поймали, и даже высказывались сомнения: а жив ли он? Ведь он мог получить ранения и скончаться от потери крови где-нибудь под землей, подобно крысе. Вполне мог и утонуть. Ко времени нашей последней встречи Стилмен, несомненно, убедил себя, что Килана все-таки нашла смерть, — впрочем, Стилмен из тех, кто не любит признавать себя побежденным. Я обратился в судходную компанию «Кьюнард» и заказал билет в Англию на «Каталонию». К сожалению, попрощаться с госпожой Девой и ее сыном не удалось: времени на поездку в Нью-Йорк уже не было. Я вышел из гостиницы. Хорошо помню, что фактически уже ступил на трап судна, когда услышал свежие новости. Их прокричал мальчишка-газетчик, да они и сами кричали с первой страницы.

Корнелиус Стилмен был застрелен у себя дома, в Провиденсе, он гулял среди роз по саду. Трясущимися руками я взял экземпляр газеты и прочитал: убийство произошло накануне, люди видели, как с места преступления убежал молодой человек в твидовом пиджаке, шарфе и кепке. Его уже ищут и будут искать по всей Новой Англии, потому что убитый — бостонский брамин, и будет сделано все, чтобы преступнику было воздано по заслугам. По сообщению полиции, в поисках ей помогал Билл Макпарленд, и в этом была своя ирония, ибо за день до смерти Стилмена эти двое разругались. Стилмен оставил у себя половину предназначенного пинкертоновцам гонорара — работа будет считаться выполненной, когда найдут последнее тело.

А оказалось, что тело это преспокойно ходит по улицам, — личность убийцы не вызывала ни малейших сомнений.

Я прочитал статью и взошел на судно. Отправился напрямиком в свою каюту и не выходил из нее до шести вечера — в это время «Каталония», издав мощный посвист, отшвартовалась от причала и вышла в открытое море. Только тогда я вышел на палубу и попрощался с Бостоном, он становился все меньше, потом совсем исчез. Я уплывал, испытывая глубочайшее облегчение.

Вот, господа, мой вам рассказ о пропавших полотнах Констебла и моей поездке в Америку. Безусловно, я рассказал о случившемся моему партнеру, господину Финчу, а также моей жене. Но больше — никому. Эта история случилась год с лишним назад. Вплоть до появления человека в кепке у моего дома в Уимблдоне я надеялся — и молил Бога, — что вспоминать о ней мне больше не придется.

Холмс докурил трубку задолго до того, как галерист завершил свое повествование, и слушал, сцепив перед собой длинные пальцы с выражением высшей сосредоточенности на лице. Повисла долгая пауза. Уголек в камине свалился вниз, и вспыхнул костерок. Эти звуки словно пробудили Холмса от сна.

— Какую оперу вы собирались сегодня слушать? — спросил он.

Этого вопроса я ожидал меньше всего. В свете рассказанного он представлялся на редкость пустячным, и я даже подумал, что Холмс намеренно позволил себе грубость.

Видимо, Эдмунду Карстерсу тоже так показалось. Он чуть подался назад, перевел взгляд на меня, снова посмотрел на Холмса.

— Мой рассказ не произвел на вас никакого впечатления? — спросил он.

— Наоборот, я слушал его с возрастающим интересом и хочу поздравить вас — ясность и точное изображение деталей очень пришлись мне по душе.

— А человек в кепке...

— Вы, наверное, полагаете, что это Килан О'Донахью и он приехал в Англию, чтобы вам отомстить?

— У вас есть другое объяснение?

— С ходу могу предложить не меньше полдюжины. Меня всегда поражало, что истолковать цепь событий можно совершенно по-разному, пока не будут собраны исключаящие такие толкования улики, да и тогда следует быть очень осторожным с выводами. В нашем с вами случае вполне возможно, что этот молодой человек пересек Атлантику и добрался до вашего дома в Уимблдоне. Но возникает вопрос: почему это путешествие он совершил через год после описанных вами событий? С какой целью пригласил вас на встречу в церковь Девы Марии? Он ведь мог застрелить вас при первой встрече, будь его намерение именно таковым. Еще более странно, что на назначенную им же встречу он не пришел.

— Он пытается меня терроризировать.

— И делает это вполне успешно.

— Вы правы, — Карстер склонил голову. — Вы хотите сказать, что не можете мне помочь, господин Холмс?

— На данном этапе не вижу, какие полезные действия я могу предпринять. Ваш непрошенный гость, кем бы он ни был, не оставил никаких следов своего местопребывания. С другой стороны, если он вновь появится, я буду рад оказать вам любую посильную помощь. Напоследок хочу сказать вам вот что, господин Карстерс. Идите в оперу в спокойном состоянии духа. Я не верю, что этот человек хочет вам как-то навредить.

Но Холмс оказался неправ. Именно об этом свидетельствовали события следующего дня. Человек в кепке нанес новый удар.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Риджуэй-холле

На следующее утро, когда мы завтракали, принесли телеграмму.

ВЕЧЕРОМ О'ДОНАХЬЮ ПРИХОДИЛ СНОВА. МОЙ СЕЙФ ВЗЛОМАН, Я
ВЫЗВАЛ ПОЛИЦИЮ. ВЫ МОЖЕТЕ ПРИЕХАТЬ?

Ниже стояла подпись: «Эдмунд Карстерс».

— Что об этом думаете, Ватсон? — спросил Холмс, бросив газету на стол.

— Что он вернулся раньше, чем вы предполагали, — ответил я.

— Отнюдь. Чего-то подобного я как раз и ждал. С самого начала мне показалось, что так называемого человека в кепке Риджуэй-холл интересует гораздо больше, чем его хозяин.

— Вы ожидали, что будет ограбление? — произнес я, чуть запнувшись. — Но, Холмс, почему вы не предупредили господина Карстерса? По крайней мере, могли на такую вероятность намекнуть.

— Вы слышали, Ватсон, что я вчера сказал. Без дальнейших улик я бессилен. Но теперь наш незванный гость самым великодушным образом решил нам помочь. Скорее всего, он проник в дом через окно. В таком случае он прошел по лужайке, остановился в цветочной клумбе, оставил грязные следы на ковре. Это позволит нам определить как минимум его рост, вес, профессию и особенности походки, если таковые имеются. Возможно, он был так любезен, что обронил какой-нибудь предмет или случайно что-то оставил. Если он забрал драгоценности, от них надо будет избавиться. Если деньги — об этом тоже станет известно. Он обязательно оставит след, который мы сможем взять. Вы не передадите мармелад? В Уимблдон идет много поездов. Вы составите мне компанию?

— Конечно, Холмс. Лучше занятия и не придумать.

— Отлично. Иногда я спрашиваю себя: где взять энергии на очередное расследование? Но в данном случае стимул очевиден: со временем обществу станет известно все до малейших подробностей.

Я давно привык к подобной бравате — она просто означала, что мой друг пребывает в хорошем расположении духа, — поэтому пикироваться с ним не стал. Холмс докурил утреннюю трубку, мы надели верхнюю одежду и вышли из дому. Расстояние до Уимблдона было невелико, но мы приехали ближе к одиннадцати, и у меня даже возникли опасения, что господин Карстерс потерял надежду нас дождаться.

С первого взгляда Риджуэй-холл показался мне эдакой шкатулкой для хранения драгоценностей, то бишь произведений искусства, — внутри коллекционер наверняка разместил множество бесценных шедевров. Двое ворот, по одной паре с каждой стороны, выходили в общественный переулок, подъездная дорожка в форме подковы из гравия огибала ухоженную лужайку и вела прямо к входной двери. Ворота были обрамлены декоративными пилястрами, опиравшимися на каменных львов, каждый из которых сидел с поднятой лапой, как бы предупреждая посетителей хорошенько подумать, прежде чем войти в дом. Между львами шел невысокий простенок. Сам дом находился чуть в глубине. Я бы назвал его виллой, построенной в классическом георгианском стиле, это был идеальный квадрат белого цвета с изящными окнами, расположенными симметрично по обе стороны от входа. Симметрия распространялась и на деревья, среди которых было много замечательных экземпляров, но посаженных так, что одна сторона сада фактически зеркально отражала другую. Неожиданно общую упорядоченную картину портил итальянский фонтан, прекрасный сам по себе, с играющими купидонами и дельфинами из камня, а на тонком слое льда поигрывало лучами солнце — он был немного смещен в сторону. Так и хотелось поднять его и передвинуть фута на три влево.

Оказалось, что полиция уже успела приехать и уехать. Дверь нам открыл хорошо одетый дворецкий мрачного вида. Он провел нас по широкому коридору, по обе стороны которого были комнаты, стены сплошь увешаны картинами, гравюрами, старинными зеркалами и гобеленами.

На столике с искривленными ножками стояла скульптура: мальчик-пастушок опирается на посох. В дальнем углу — высокие старинные часы в белой позолоченной оправе, их мягкое тиканье эхом разносилось по всему дому. Дворецкий провел нас в гостиную, где мы застали Карстерса — он сидел на кушетке и беседовал с дамой на несколько лет моложе его. На нем был черный сюртук, серебристый жилет, кожаные туфли. Длинные волосы аккуратно зачесаны назад. Глядя на него, можно было предположить, что он только что проиграл партию в бридж — никакие более драматические события по его внешнему облику не угадывались. Но, увидев нас, он тут же вскочил с места.

— Ага! Вы все-таки приехали! Вчера вы сказали, что у меня нет причин опасаться человека, которого я считаю Киланом О'Донахью. Но этой же ночью он вломился ко мне в дом. Вскрыл сейф и забрал оттуда пятьдесят фунтов и драгоценности. Жена очень чутко спит, и она спугнула его в разгар пиршества. А если бы нет? Кто знает, каким был бы его следующий шаг?

Я внимательно посмотрел на даму, что сидела рядом с ним. Маленького роста очень привлекательная особа лет тридцати, в глаза бросались поразительно подвижное и умное лицо и осанка уверенного в себе человека. Белокурые волосы собраны сзади в пучок, прическа добавляла ей изящества и женственности. Хотя утро ее было наполнено тревогой, я понял, что она наделена чувством юмора, он угадывался в ее глазах — необычная смесь голубого с зеленым, — а краешки губ то и дело озарялись лучиком улыбки. Щекам были не чужды веснушки. Платье простое, с длинными рукавами, без каких-либо украшений или тесьмы. На шее жемчужное ожерелье. Что-то в ней почти сразу же напомнило мне мою собственную жену, мою дорогую Мэри. Она еще и слова не произнесла, а я уже почувствовал, что они схожи и внутренним обликом: природная независимость вкупе с обостренным чувством долга по отношению к человеку, которого она избрала в мужья.

— Для начала представьте нас, — попросил Холмс.

— Разумеется. Это моя жена Кэтрин.

— Вы, должно быть, господин Шерлок Холмс. Большое спасибо, что так быстро откликнулись на нашу телеграмму. Это я попросила Эдмунда ее послать. Сказала, что вы обязательно приедете.

— Как я понимаю, с вами произошла не самая приятная история, — посочувствовал Холмс.

— Вы правы. Все было именно так, как только что сказал муж. Ночью я проснулась, посмотрела на часы — двадцать минут четвертого. В окно светила полная луна. Я сначала решила, что меня разбудила какая-то птица, может быть сова, но тут услышала другой звук откуда-то из дома и поняла, что ошибаюсь. Я поднялась с постели, накинула халат и спустилась вниз.

— Опрометчивый поступок, дорогая, — вмешался Карстерс. — Ты могла пострадать.

— Но я же не думала, что мне угрожает опасность. По правде говоря, мне и в голову не пришло, что в доме может быть чужой. Я думала, это кто-то из Кирби или даже Патрик. Я этому парню не вполне доверяю, если честно. Короче, я мельком оглядела гостиную. Там было все как обычно. Потом, сама не знаю почему, решила заглянуть в кабинет.

— Света с вами не было? — спросил Холмс.

— Нет. Луна светила достаточно ярко. Я открыла дверь и увидела фигуру, силуэт на подоконнике, руки чем-то заняты. Он тоже меня увидел — мы застыли, глядя друг на друга, между нами простирался ковер. Я была так потрясена, что даже не закричала. Потом он просто вывалился в окно, упал на траву, и в эту секунду мое оцепенение прошло. Я вскрикнула, подняла тревогу.

— Мы сейчас же обследуем сейф и кабинет, — пообещал Холмс. — Но прежде, госпожа Карстерс, хочу сказать, что акцент выдает в вас американку. Давно ли вы замужем?

— Мы с Эдмундом состоим в браке почти полтора года.

— Мне следовало бы сразу рассказать вам, как я встретился с Кэтрин, — произнес Карстерс. — Потому что тут есть непосредственная связь с моим вчерашним повествованием. Я не упомянул об этом по простой причине — решил, что это не имеет значения.

— Значение имеет все, — возразил Холмс. — Я часто сталкиваюсь с тем, что наименее заметный эпизод дела оказывается самым существенным.

— Мы познакомились на «Каталонии» в тот самый день, когда это судно вышло из Бостона, — объяснила Кэтрин Карстерс. Она подалась вперед и взяла мужа за руку. — Я путешествовала одна,

если не считать девушку, которую я пригласила к себе в компаньонки. Эдмунда я заметила во время посадки и сразу же поняла — с ним случилось что-то жуткое. Это было ясно по его лицу, по страху в глазах. Вечером мы виделись мельком на палубе. Мы оба путешествовали в одиночку. Судьба распорядилась так, что во время ужина мы оказались за одним столом.

— Не представляю, как бы я перенес плавание через Атлантику, не окажись рядом Кэтрин, — продолжил Карстерс. — Нервы у меня не самые крепкие, и потеря картин, смерть Корнелиуса Стилмена, кошмарная пальба... для меня это был явный перебор. Я был не в себе, меня колотила лихорадка. Но Кэтрин с самого начала проявила обо мне заботу, и чем дальше мы отплывали от берегов Америки, тем крепче становились мои к Кэтрин чувства. Надо сказать, господин Холмс, что идея любви с первого взгляда всегда вызывала у меня усмешку. Я мог читать о такой любви в бульварных романах, но никогда в нее не верил. Но именно она меня и настигла. Ко времени прибытия в Англию я знал: я встретил женщину, с которой хочу быть до конца жизни.

— А позвольте спросить, с какой целью отправлялись в Англию вы? — спросил Холмс, поворачиваясь к супруге.

— Я была в недолгом браке в Чикаго, господин Холмс. Муж занимался недвижимостью, он был уважаемым бизнесменом и регулярно ходил в церковь, но при этом ко мне по-настоящему добрым не был никогда. Он обладал жутким нравом, и порой я просто боялась за свою безопасность. Друзей у меня было не много, и он делал все, чтобы число их не увеличивалось. В последние месяцы нашего брака он фактически заточил меня в доме, может быть опасался, что я расскажу о нем всю правду. А потом он внезапно заболел туберкулезом и скончался. Увы, дом и основная часть состояния отошли его двум сестрам. Я осталась почти без денег, без друзей. Причин, по которым я желала бы остаться в Америке, просто не было. И я решила уехать. Сказала себе: поеду в Англию и начну все сначала. — Она опустила взор книзу и добавила с выражением кротости на лице: — Я не рассчитывала, что попаду в Англию так скоро и найду счастье, какого так долго недоставало в моей жизни.

В коридоре пробили часы. Холмс живо поднялся с места, лицо освещала улыбка. Я видел, что он собран, энергичен и рвется в бой, — я знал его таким очень хорошо.

— Время не ждет! — воскликнул он. — Надо осмотреть сейф и комнату, где он стоит. Вы сказали, что на «Каталонии» были с компаньонкой?

— Я наняла ее в Бостоне, раньше мы не встречались. Вскоре после нашего приезда в Англию мы расстались.

— Вы говорите, что украдены пятьдесят фунтов. В общем и целом сумма невелика. Посмотрим, оставил ли вор для нас следы.

Но прежде чем он успел заняться делом, в комнату вошла еще одна женщина, и я сразу понял: она, хотя и жила в этом доме, отличалась от Кэтрин Карстерс в максимально возможной степени. Малоинтересная, неулыбчивая, одета в серое, темные волосы пучком связаны на затылке. На груди серебряный крестик, руки сплетены, как во время молитвы. Темные глаза, бледная кожа и форма губ подсказали мне — это родственница Карстерса, но в ней не было его театральности, скорее она напоминала суфлера, чья доля — стоять в тени и ждать, когда актер на сцене забудет свой текст.

— Ну, что теперь? — строго спросила она. — Сначала ко мне в комнату приходят полицейские и задают дурацкие вопросы, на которые у меня не может быть ответа. Этого мало? Теперь в нашу личную жизнь должен вмешиваться весь мир?

— Это господин Шерлок Холмс, Элиза, — чуть замаявшись, представил Холмса Карстерс. — Я тебе говорил, что вчера обращался к нему за советом.

— И каков результат? Он ничем не может помочь — так тебе было сказано. Отличный совет, Эдмунд, лучше не бывает. Нас всех могли убить прямо во сне.

Карстерс посмотрел на нее — любовь в его взгляде переплелась с раздражением.

— Это моя сестра Элиза, — сказал он.

— Вы живете в этом доме? — спросил ее Холмс.

— Меня здесь терпят, — последовал ответ. — У меня комната на чердаке, где я предоставлена сама себе, и всех это устраивает. Физически я здесь, но членом семьи не являюсь. С тем же успехом можете говорить с прислугой.

— Элиза, вы же знаете, что это не так, — вмешалась госпожа Карстерс.

Холмс повернулся к Карстерсу:

— Расскажите, если возможно, много ли народу находится в доме.

— Помимо меня и Кэтрин, верхний этаж действительно занимает Элиза. Есть Кирби, это наш дворецкий, он же мастер на все руки. Дверь вам открыл именно он. Его жена — наша экономка, они живут внизу. К ним из Ирландии недавно приехал племянник, Патрик, он выполняет отдельные поручения, еще есть судомойка, Элси. К тому же мы держим кучера и конюха, но они живут в деревне.

— Большое у вас хозяйство и беспокойное, — заметил Холмс. — Но мы собирались осмотреть сейф.

Элиза Карстерс осталась на месте. Все остальные вышли из гостиной и проследовали по коридору в кабинет Карстерса, в тыльную часть здания. Окна кабинета выходили в сад, на некотором отдалении находился декоративный пруд. Кабинет оказался удобной, хорошо спланированной комнатой: стол между двумя окнами, бархатные занавеси, добротный камин, на стенах несколько пейзажей (по ярким тонам и почти поспешно сделанным мазкам я понял, что это работы импрессионистов, упоминавшихся Карстерсом). Сейф, достаточно внушительного вида, обосновался в углу. Он был открыт.

— В таком виде вы его застали? — спросил Холмс.

— Его осмотрела полиция, — ответил Карстерс. — Но я решил, что лучше оставить его открытым до вашего приезда.

— Правильно. — Холмс глянул на сейф. — У кого есть ключ? Насколько я понимаю, сейф не взломан, стало быть, его открыли ключом, — заключил он.

— Ключ всего один, и он всегда у меня. Впрочем, полгода назад я попросил Кирби сделать дубликат. Кэтрин держит в сейфе свои драгоценности, и когда меня нет — я ведь езжу на аукционы по всей стране, а бывает, и в Европу, — ей нужен свой ключ от сейфа.

Госпожа Карстерс вошла в кабинет следом за нами и сейчас стояла у стола. Она свела руки вместе и сказала:

— Я его потеряла.

— Когда это было?

— Точно не скажу, господин Холмс. Месяц назад, а то и больше. Мы с Эдмундом это уже обсуждали. Я хотела открыть сейф несколько недель назад и не смогла найти ключ. В последний раз я им пользовалась на мой день рождения, в августе. Куда он девался, понятия не имею. Вообще-то я человек аккуратный.

— А его могли украсть?

— Обычно я держу его в ящичке прикроватного комода. В спальню, кроме слуг, никто не заходит. Насколько я знаю, из дома ключ никто не выносил.

Холмс повернулся к Карстерсу.

— Вы не поменяли сейф.

— Все время хотел это сделать. Но как-то решил, что, если ключ и выпал в саду или даже в деревне, никто не будет знать, какую дверь он открывает. Более вероятно, что он затерялся где-то среди вещей жены, а раз так, в чужие руки он едва ли попадет. В общем, не могу сказать с уверенностью, что сейф открыли ключом жены. Ведь Кирби вполне мог сделать еще один.

— Он с вами давно?

— Шесть лет.

— У вас нет оснований жаловаться на него?

— Ни малейших.

— А ваш племянник Патрик? Ваша жена говорит, что не сильно ему доверяет.

— Жена его недолюбливает, потому что он бывает нагловат, а порой и плутоват. Он живет у нас всего несколько месяцев, и мы взяли его по просьбе миссис Кирби, она просила нас помочь ему с работой. Она поручилась за него, и оснований обвинять его в бесчестности у меня нет.

Холмс извлек на свет лупу и стал разглядывать сейф, обращая особое внимание на замок.

— Вы говорите, что пропали кое-какие драгоценности, — сказал он. — Вашей жены?

— Нет. Речь идет о сапфировом ожерелье, оно принадлежало моей покойной матери. Три нитки сапфиров в золотой оправе. Едва ли это ожерелье представляет финансовую ценность для грабителя, но для меня это воспоминание о матери. Она жила с нами вплоть до последнего

времени, но вдруг... — Он смолк, к нему подошла жена и положила руку ему на запястье. — Произошел несчастный случай, господин Холмс. В ее спальне был газовый свет. Каким-то образом пламя погасло, и она умерла во сне от удушья.

— Ей было много лет?

— Шестьдесят девять. Она всегда спала с закрытым окном, даже летом. Будь окно открыто, она осталась бы в живых.

Холмс отошел от сейфа и приблизился к окну, а я следом. Он внимательно осмотрел подоконник, оконные створки и раму. По привычке свои наблюдения он произносил вслух — не обязательно для того, чтобы поделиться ими со мной.

— Ставен нет, — начал он. — Окно закрывается на задвижку, расположено невысоко над землей. Видимо, раму взломали снаружи. Дерево расщеплено, скорее всего, отсюда и звук, услышанный госпожой Карстерс. — Он произвел в уме какие-то подсчеты. — Если возможно, я бы поговорил с Кирби. А потом прогулялся бы по саду, хотя местная полиция наверняка вытоптала все, что могло бы дать нам ключ к происшедшему. Они поделились с вами результатами своего расследования?

— Незадолго до вашего приезда инспектор Лестрейд вернулся в дом и вкратце сообщил нам...

— Что? Лестрейд? Здесь был Лестрейд?

— Да. Не знаю, господин Холмс, какого вы о нем мнения, но мне показалось, что он действовал весьма старательно и деловито. Он уже выяснил, что человек с американским акцентом сел в первый поезд из Уимблдона до Лондонского моста в пять часов утра. По тому, как он был одет, по шраму на правой щеке мы пришли к выводу, что именно его я видел возле своего дома.

— Могу вас заверить, что, коль скоро за дело взялся Лестрейд, выводы не заставят себя долго ждать... даже если будут полностью ошибочными. Всего доброго, господин Карстерс. Госпожа Карстерс, рад знакомству. Идемте, Ватсон...

Мы проделали тот же путь по коридору, но в обратную сторону, у входных дверей нас уже поджидал Кирби. При первой встрече он не проявил ни малейшего намека на дружелюбие, но вполне возможно, просто видел в нас некую помеху его мирному домоуправлению. Его вытянутое лицо и теперь оставалось каменным, такой человек не произнесет ни одного лишнего слова, но, по крайней мере, на все вопросы Холмса Кирби послушно ответил. Подтвердил, что в Риджуэй-холле работает шесть лет. Сам он родом из Барнстэпла, жена из Дублина. Холмс спросил, многое ли изменилось в доме за время его пребывания здесь.

— О да, сэр, — последовал ответ. — Прежняя госпожа Карстерс была человеком строгих правил. И если ей что-то не нравилось, она вполне могла сделать тебе выговор. Новая госпожа Карстерс — полная ей противоположность. Она очень весела и доброжелательна. Моя жена называет ее «глоток свежего воздуха».

— Вы были рады браку господина Карстера?

— Мы были в полном восторге, сэр, и в той же степени удивлены.

— Удивлены?

— Не хотелось бы показаться бестактным, но в прошлом господин Карстерс к браку интереса не проявлял и целиком посвящал себя семье и работе. Госпожа Карстерс возникла на сцене совершенно внезапно, но все мы считаем, что дом с ее появлением только выиграл.

— Вы были здесь, когда скончалась прежняя хозяйка?

— Очень даже был, сэр. Отчасти в ее смерти я виню себя. Хозяйка жутко боялась сквозняков, в результате я — по ее настойчивому требованию — заделал все щели, через которые в комнату мог проникнуть воздух. Поэтому газу просто некуда было деваться. Утром хозяйку нашла горничная Элси. Комната вся дымилась, это было ужасно.

— А Патрик в доме уже был?

— Патрик приехал за неделю до этого жуткого события. Первые шаги оказались для него воистину зловещими, сэр.

— Насколько я понял, он ваш племянник?

— Да, сэр, со стороны жены.

— Из Дублина?

— Верно. Патрику не так просто дается работа в услужении. Мы надеялись, что поможем ему сделать первые шаги на жизненном поприще, но ему еще предстоит усвоить, как себя вести в соответствии с занимаемым в обществе местом, в особенности как обращаться к хозяину дома. Возможно, причина в какой-то степени объясняется произошедшей бедой, а вслед за ней и нарушением устоявшихся порядков. Парень он неплохой, хочу верить, что со временем образумится и займет в жизни достойное место.

— Спасибо, Кирби.

— Рад быть полезным, сэр. У меня ваше пальто и перчатки.

В саду Холмс выказал чрезвычайно бодрое и оживленное расположение духа. Он вышагивал по лужайке, вдыхая свежий воздух и явно наслаждаясь кратким бегством из города, потому что туманы Бейкер-стрит до Уимблдона не добрались. Облик этого пригорода в те времена местами был более чем деревенским. На склоне холма возле дубовой рощи паслось стадо овец. Там и сям без особой упорядоченности располагались загородные дома, и мы с Холмсом были поражены безмятежностью этого пейзажа и удивительным светом, благодаря которому все предметы вокруг виделись в резком фокусе.

— Дело просто восхитительное, согласны? — воскликнул Холмс, когда мы направлялись к переулку.

— Мне оно кажется весьма банальным, — ответил я. — Украдено пятьдесят фунтов и старое ожерелье. Не могу сказать, Холмс, что вашему интеллекту брошен редкий вызов.

— Факт пропажи ожерелья кажется мне особенно замечательным, учитывая все, что мы слышали об этом доме. А вы, стало быть, уже знаете разгадку?

— Думаю, ответ зависит от того, действительно ли непрошенный гость был близнецом из Бостона.

— А если я скажу вам, что почти наверняка это был кто-то другой?

— Тогда я отвечу, что, как нередко бывало, вы ставите меня в тупик.

— Мой дорогой Ватсон! Как чудесно, что вы рядом. Так вот, мне кажется, что ночной злоумышленник появился отсюда...

Мы подошли к краю сада, подъездная дорожка здесь перетекала в переулок, а по ту его сторону простирались зеленые поля. Холодная погода и не думала отступать, и хорошо ухоженная лужайка являла собой идеальное полотно, на котором мороз прихватил все передвижения за последние двадцать четыре часа.

— Вот, если не ошибаюсь, шагает наш старательный и деловитый Лестрейд.

Отпечатков ног кругом было предостаточно, но Холмс указал на конкретные следы.

— Вы не можете сказать наверняка, что это его следы.

— Думаете, не могу? Длина шага предполагает, что рост этого человека пять футов и шесть дюймов — точь-в-точь как у Лестрейда. Ботинки тупоносые, я часто видел такие на его ногах. Но самая явная улика — следы ведут совершенно не туда, оставивший их человек пропустил все мало-мальски значимое. Кто это еще может быть, как не Лестрейд? Смотрите — он вошел и вышел через правые ворота. Когда просто подходишь к дому, они попадают на твоём пути первыми, и, вполне естественно, ты заходишь в эти ворота. Но наш злоумышленник, безусловно, прибыл другой дорогой.

— По-моему, Холмс, обе пары ворот совершенно одинаковы.

— Ворота действительно одинаковы, но те, что слева, менее заметны из-за расположения фонтана. Если хотите подойти к дому так, чтобы остаться незамеченным, вы выберете именно левые ворота. А теперь посмотрите — от них ведут следы, и именно они нас с вами интересуют. Ага! Что у нас здесь такое? — Холмс присел, поднял с земли окурок и показал мне. — Американская сигарета, Ватсон. Этот табак не спутаешь. Между прочим, пепла поблизости не видно.

— Окурок есть, а пепла нет?

— Значит, хоть ночной гость и старался остаться незамеченным, но особенно мешкать не стал. Как считаете, это существенно?

— Дело было среди ночи, Холмс. Он видел, что дом погружен во тьму. Кого ему бояться? Кто его увидит?

— Тем не менее... — Следы тянулись через лужайку, потом свернули за угол дома и вывели нас к окну кабинета. — Он шел спокойно и уверенно. Даже у фонтана останавливаться не стал — проверить, все ли в порядке. — Холмс осмотрел окно, которое раньше мы оглядели изнутри. — Полагаю, что это человек недюжинной силы.

— Выломать раму большого труда не составило.

— Вы правы, Ватсон. Но обратите внимание на высоту окна. Вот здесь он выпрыгнул из него, когда ретировался. В траве остались два глубоких отпечатка. Но нигде не видно признаков лестницы или садового кресла. Возможно, какую-то точку опоры он нашел на стене. Раствор кое-где вывалился, на какие-то края можно опереться. Но все-таки одной рукой он должен был уцепиться за подоконник, а другой выламывать раму. Есть и еще один вопрос: случайно ли, что он залез именно в ту комнату, где стоит сейф?

— Он просто обошел дом с тыла, потому что место там совсем уединенное и вероятность быть замеченным минимальна. А дальше выбрал первое попавшееся окно.

— В таком случае ему удивительно повезло. — Свой осмотр Холмс завершил. — Все именно так, как я полагал, Ватсон, — продолжал он. — Отследить ожерелье с тремя нитками сапфиров в золотой оправе будет несложно, а уж оно выведет нас на похитителя. Лестрейд, по крайней мере, подтвердил, что вор сел в поезд до Лондонского моста. Мы последуем его примеру. До станции недалеко, денек сегодня погожий. Прогуляемся пешком.

Мы вышли к фасаду дома и двинулись к переулку по подъездной дорожке. Но тут парадная дверь Риджуэй-холла открылась, из дома опрометью выбежала женщина и остановилась перед нами. Это была Элиза Карстерс, сестра галериста. Концы накинутой на плечи шали она прижимала к груди, и по ее облику, горящим глазам и прилипшим ко лбу темным прядкам волос было ясно, что она сильно испугана.

— Господин Холмс! — воскликнула она.

— Да, мисс Карстерс.

— Я в доме вам нагрубила, прошу меня простить. Но я должна сказать вам: все здесь не так, как кажется, и если вы нам не поможете, не снимете нависшее над нашим домом проклятье, мы обречены.

— Умоляю вас, мисс Карстерс, успокойтесь.

— Всему этому виной она! — Обвиняющий перст мисс Карстерс метнулся в направлении дома. — Кэтрин Мэрриэт, такое имя она носила после первого брака. Когда она встретила Эдмунда, дух его был надломлен до крайности. Чувствительность была ему свойственна с детства, и нервы его просто не могли выдержать бремени, какое навалилось на него в Бостоне. Он был изможден, нездоров — конечно, ему требовалась чья-то забота. И тут на него набросилась она. Какое она имела право, американка без роду и без племени, практически без гроша за душой? Открытое море, бесконечные дни на борту океанского судна — она оплела его паутиной, и когда «Каталония» причалила в Лондоне, было уже поздно. Переубедить его мы не могли.

— Без нее прийти в себя ему помогли бы вы.

— Я любила его, как может любить только сестра. Наша мама в нем души не чаяла. Не верьте ни на минуту, что ее смерть — несчастный случай. Наша семья, господин Холмс, всегда пользовалась уважением в обществе. Отец продавал гравюры и эстампы, в Лондон приехал из Манчестера, именно он основал картинную галерею на Элбмарл-стрит. К сожалению, он умер, когда мы были еще совсем молоды, и с того времени мы жили с мамой втроем в полной гармонии. И вот Эдмунд объявил о своем решении вступить в брак с госпожой Мэрриэт, не стал принимать наши доводы и отказался слушать голос разума — и сердце моей дорогой мамы было разбито. Конечно, мы не возражали против женитьбы Эдмунда в принципе. Что в этом мире было для нас важнее его счастья? Но чтобы его женой стала она? Приезжая авантюристка, которую мы раньше в глаза не видели. С самого начала стало ясно: ее интересует только его богатство и положение в обществе, уютная и защищенная жизнь под его крылом. Моя мама наложила на себя руки, господин Холмс. Этот брак обрек ее на вечные муки, она испытывала жгучий стыд, жизнь стала невыносимой — и через полгода после свадьбы она, лежа в своей постели, повернула газовый кран и приняла смерть от душья, безмятежно уплыла от нас по реке забвения.

— Мама сообщала вам о своих намерениях? — спросил Холмс.

— В этом не было нужды. О ее душевном состоянии мне было прекрасно известно, и ее уход не был для меня большим сюрпризом. Она сделала свой выбор. Ведь с приездом американки, господин Холмс, жизнь в нашем доме утратила свою прелесть. А теперь эта новая история — в дом вламывается злоумышленник и похищает мамино ожерелье, самое волнующее воспоминание об этой нежной усопшей душе. Это все тот же зловещий рок. А что, если этот непрошенный гость прибыл вовсе не отомстить за брата? Вдруг он здесь из-за нее? Когда этот тип появился впервые, мы с ней сидели в гостиной. Я видела его через окно. Допускаю, что это ее прежний знакомый, который отыскал ее здесь. А может, и больше, чем знакомый. Но это только начало, господин Холмс. Пока этот брак в силе, всем нам угрожает опасность.

— Но ваш брат производит впечатление довольного жизнью человека, — заметил Холмс без особого энтузиазма. — Впрочем, дело даже не в этом. Чего бы вы хотели от меня? Мужчина имеет право выбирать жену без материнского благословения. Тем более без благословения сестры.

— Вы можете собрать о ней сведения.

— С какой стати, мисс Карстерс?

Элиза Карстерс одарила его взглядом, полным презрения.

— Я слышана о ваших подвигах, господин Холмс, — произнесла она. — И мне всегда казалось, что они сильно преувеличены. Вы сами, при всем вашем уме, поражали меня вашей бесчувственностью, неспособностью понять душу другого человека. Сейчас я вижу, что так оно и есть.

С этими словами она развернулась и пошла к дому.

Холмс смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась.

— В высшей степени занятно, — заметил он. — Дело становится все более любопытным и сложным.

— В жизни не доводилось слышать, чтобы женщина говорила с такой яростью, — высказал я свое мнение.

— Согласен, Ватсон. Хочу выяснить одно обстоятельство, потому что положение дел, на мой взгляд, становится весьма опасным. — Он взглянул на фонтан, на каменные фигуры и замерзшую по кругу воду. — Интересно знать, умеет ли госпожа Кэтрин Карстерс плавать?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Неофициальные силы полиции

На следующее утро Холмс отсыпался, и я сидел один за книгой «Муки человеческие» Уинвуда Рида, которую он мне настойчиво рекомендовал, но, признаюсь, чтение шло тяжело. Впрочем, мне было понятно, чем автор увлек моего друга: ненавистью к «лени и глупости», ссылками на «божественный интеллект», предположением, что «за точку отсчета человек естественным образом принимает себя». Холмс вполне мог бы написать такое и сам, и хотя я был рад перевернуть последнюю страницу и отложить книгу в сторону, все-таки получил некоторое представление об образе мышления детектива. С утренней почтой пришло письмо от Мэри. В Камберуэлле все было хорошо. Ричард Форрестер не настолько прихворнул, чтобы не прийти в восторг от появления своей прежней гувернантки, а сама Мэри явно наслаждалась обществом мамы Ричарда, которая обращалась с ней как с ровней, а не как с бывшей работницей.

Я уже взялся за ручку писать ответ, как в дверь настойчиво позвонили, затем послышался топот нескольких пар ног по ступеням. Этот звук я помнил очень хорошо и оказался полностью подготовлен, когда в комнату ворвалась ватага беспризорников и выстроилась в некоторое подобие линии под громким водительством самого высокого и старшего из них.

— Виггинс! — воскликнул я, потому что помнил, как его зовут. — Вот не думал, что снова свидимся.

— Господин Олмс послал за нами, мол, дело крайне срочное, — доложил Виггинс. — А уж раз господин Олмс зовет, мы всегда тут как тут!

Однажды Шерлок Холмс назвал эту братию отделом полицейских расследований с Бейкер-стрит. Иногда он называл их «внештатниками». Это была поражающая воображение шайка оборванцев и голодранцев от восьми до пятнадцати лет, засаленные грязнули в одежде, шитой и перешитой столько раз, что было невозможно сказать, сколько детей до них ее носило. На самом Виггинсе была уполовиненная куртка взрослого человека — из середины вырезали кусок, а потом верх и низ снова сшили. Несколько мальчишек были босиком. Только один, как я заметил, выглядел толковее других, да и одет был получше — одежонка не такая ветхая... Интересно, какой порок — карманные кражи или грабеж — позволяет ему не просто выживать, но на свой лад еще и процветать? С виду ему было лет тринадцать, но, как и остальные члены шайки, школу взросления он уже прошел. Можно сказать, что детство — это первая драгоценная монетка, которую у ребенка забирает бедность.

Через минуту появился Шерлок Холмс, а следом за ним миссис Хадсон. Я видел, что наша домовладелица возбуждена и недовольна, скрыть свои мысли она даже не пыталась:

— Я этого не потерплю, господин Холмс. Я вам уже об этом говорила. У меня приличный дом, и нечего водить сюда каких-то оборванцев. Ведь какую заразу они могут занести, подумать страшно! А сколько серебряной утвари и белья мы можем после их ухода недосчитаться?

— Пожалуйста, успокойтесь, милейшая миссис Хадсон, — рассмеялся Холмс. — Виггинс! Я ведь тебе говорил: такое вторжение в наш дом неприемлемо. В следующий раз придешь с докладом один. Но раз уж ты здесь и затащил сюда всю шайку, внимательно слушайте мои инструкции. Объект нашего наблюдения — американец, лет тридцати пяти, иногда носит кепку, на правой щеке свежий шрам. Лондона он, скорее всего, не знает. Вчера он был на вокзале «Лондонский мост» и имел при себе золотое ожерелье с тремя нитками сапфиров, само собой разумеется, оно ему досталось нечестным путем. Как считаете, где он попытается сбить его с рук?

— Доходные дома в Фулвуде! — крикнул один мальчишка.

— У евреев на Петтикоут-лейн! — прокричал другой.

— Нет! В притонах ему дадут больше, — предположил третий. — Я бы пошел на Флауэр-стрит или на Филд-лейн.

— К ростовщикам! — вмешался паренек, что был одет лучше других и первым привлек мое внимание.

— К ростовщикам! — согласился Холмс. — Как тебя зовут?

— Росс, сэр.

— Росс, у тебя задатки детектива. Человек, которого мы ищем, в городе чужой и не знает ни Флауэр-стрит, ни доходных домов в Фулвуде, ни других заветных уголков, где вы, дорогие отроки, ищите на свою голову неприятности. Он пойдет в какое-то известное место, а вывеску ростовщика — три золотых шара — знают во всем мире. Оттуда и начнем. Он прибыл на вокзал и, видимо, остановился в гостинице или меблированных комнатах неподалеку. Вам надо обойти всех ростовщиков в квартале, описать им человека и ожерелье, которое он, возможно, попытается продать. — Холмс сунул руку в карман. — Ставки как всегда: шиллинг каждому плюс гиней тому, кто найдет искомое.

Виггинс браво скомандовал, и неофициальное подразделение полиции с шумом и гамом отправилось на задание под ястребиным взором миссис Хадсон, которая теперь все утро будет пересчитывать ножи и вилки. Как только они ушли, Холмс удовлетворенно хлопнул в ладоши и рухнул в кресло.

— Итак, Ватсон, — обратился он ко мне, — что вы на это скажете?

— Похоже, вы всерьез рассчитываете найти О'Донахью, — заметил я.

— Абсолютно уверен, что найдем человека, который вломился в Риджуэй-холл, — последовал ответ.

— Не кажется ли вам, что навести справки у ростовщиков решит и Лестрейд?

— Сильно сомневаюсь. Это настолько очевидно, что едва ли придет ему в голову. Но поскольку впереди у нас целый день и заполнить его нечем, к тому же я проспал завтрак, предлагаю пойти пообедать в «Кафе де Лероп», это около театра «Хеймаркет». Несмотря на название, кухня вполне английская, к тому же первоклассная. А потом я намереваюсь сходить в галерею Карстера и Финча на Элбмарл-стрит. Знакомство с господином Тобиасом Финчем может оказаться интересным. Миссис Хадсон, если Виггинс вернется, направьте его туда. А сейчас, Ватсон, скажите, что вы думаете о «Муках человеческих»? Вижу, в конце концов вам удалось сей труд одолеть.

Я глянул на книгу, безобидно лежавшую на боку.

— Но, Холмс?..

— Закладкой вам служила рекламная карточка из пачки сигарет. Я наблюдал за ее мучительным продвижением от начала к концу и вот вижу, что она лежит на столе, освобожденная от тяжких трудов. Интересно было бы услышать ваши выводы. Может быть, миссис Хадсон, вы соблаговолите принести нам чай?

Мы вышли на улицу и зашагали в направлении театра «Хеймаркет». Туман уже поднялся, и хотя было все еще довольно холодно, но день уже разгулялся, толпы народа втекали в магазины и вытекали обратно, а уличные торговцы везли тележки и нахваливали свой товар. На Уимпол-стрит была настоящая толчея — люди обступили шарманщика, старый итальянец наигрывал какую-то грустную неаполитанскую мелодию, сюда же нахлынули и проходимцы разных мастей, они терлись среди праздной публики и рассказывали свои скорбные истории любому, кто был готов их слушать. Почти на каждом углу кто-то демонстрировал свое искусство, и желающих прогнать уличных артистов не было. Мы поели в «Кафе де Лероп», где нас попотчевали отличным пирогом из дичи, и Холмс был в игривом настроении. Он не говорил о новом деле, разве что опосредованно, потому что я помню его рассуждения о природе живописи и о том, можно ли ее использовать для раскрытия преступления.

— Помните, Карстерс говорил нам о четырех пропавших полотнах Констебла, — начал он. — Это были виды Озерного края, написанные в начале века, когда художник, по всей видимости, пребывал в мрачном и подавленном состоянии духа. Таким образом, краски на полотне становятся ключом к его психологическому настрою, отсюда же следует, что если кто-то осознанно вешает такую картину у себя в гостиной, мы можем многое узнать и о его чувствах. Например, вы заметили, какие картины выставлены в Риджуэй-холле?

— По большей части французские. Помню пейзаж в Бретани, люди на мосту через Сену. На мой взгляд, картины очень достойные.

— Вы восхищались ими, но они ничего вам не сказали.

— О личности Эдмунда Карстерса? Сельскую местность он предпочитает городу. Ему близка детская непосредственность. Ему нравится, когда его окружают разные цвета. Наверное, об особенностях его личности можно что-то сказать, глядя на картины, что висят в его доме. Но Карстерс совершенно не обязательно выбирал каждую сам. Вполне возможно, ответственность с ним делят жена или покойная мама.

— Вы совершенно правы.

— И даже у человека, который убил собственную жену, может быть какая-то нежная струна в душе, которая и находит отражение в его выборе произведений искусства. Помните историю семьи Абернетти? Мне кажется, что на стенах в доме Хораса Абернетти висело много замечательных полотен с изображением местной флоры. При этом сам он был весьма омерзительным и наглым типом.

— Если мне не изменяет память, фауна на тех полотнах была по большей части ядовитой, раз вы об этом заговорили.

— Как насчет Бейкер-стрит, Холмс? Посетитель, оказавшийся в вашей гостиной, найдет ключ к вашему психологическому портрету, оглядев висащие на стенах работы, — вы это хотите сказать?

— Нет. Но он сможет многое сказать о моем предшественнике, потому что, Уотсон, хочу вас заверить: в моих комнатах нет буквально ни одной картины, которая там не висела бы к моменту моего вселения. Вы серьезно считаете, что я мог пойти и купить портрет Генри Уорда Бичера, который нависал над вашими книгами? Достойный восхищения человек во всех отношениях, его взгляды на рабство и религиозный фанатизм можно рекомендовать окружающим, но этот портрет достался мне в наследство от прежнего обитателя комнаты, а я просто решил: пусть себе висит.

— И портрет генерала Гордона купили не вы?

— Нет. Но после того, как я случайно всадил в него пулю, я его отреставрировал и поменял раму. На этом настояла миссис Хадсон. Знаете, я вполне могу написать монографию на эту тему: как раскрывать преступления с помощью произведений искусства.

— Холмс, вам нравится изображать из себя машину, — рассмеялся я. — Даже шедевр импрессионизма для вас не более чем улика, которая сгодится для поиска преступника. Может быть, вам стоит научиться ценить искусство, вы бы стали человечнее. Я настоятельно приглашаю вас нанести совместный визит в Королевскую академию художеств.

— Одна галерея — Карстерса и Финна — в сегодняшней повестке дня уже значится, думаю, этого вполне достаточно... Официант, сырную тарелку! И бокал, пожалуй, мозельского вина для моего друга. Портвейн в дневное время будет тяжеловат.

До галереи было довольно близко, и мы снова зашагали рядом друг с другом. Скажу честно: эти минуты спокойного общения наполняли мою душу огромной радостью, я чувствовал себя одним из самых счастливых людей в Лондоне уже потому, что принял участие в описанной выше беседе, а теперь шел прогулочным шагом рядом с таким выдающимся персонажем, каким со всей очевидностью был Шерлок Холмс. Было около четырех, и, когда мы дошли до галереи, световой день уже клонился к закату. Оказалось, что галерея расположена не на самой Элбмарл-стрит, а рядом, в старом парке для экипажей. Если не считать достаточно скромной таблички с позолоченными буквами, мало что свидетельствовало о том, что это некое коммерческое предприятие. Низкая дверь вела в довольно мрачное помещение с двумя диванами, столом и одним полотном, установленным на мольберте, — на картине голландского художника Паулуса Поттера были изображены две коровы, пасущиеся в поле. Войдя, мы услышали, как в соседней комнате спорят два человека. Один голос я узнал — он принадлежал Эдмунду Карстерсу.

— Это отличная цена, — говорил он. — Я в этом уверен, Тобиас. Эти картины — как хорошее вино. Их стоимость может только возрастать.

— Нет, нет и еще раз нет! — пронзительно заныл другой голос. — Он называет это морскими пейзажами. Допустим, море я вижу... И это все? Его последняя выставка закончилась полным фиаско, сейчас он нашел пристанище в Париже, где, как я слышал, быстро теряет свою репутацию. Это будут выброшенные деньги, Эдмунд.

— Шесть работ Уистлера....

— От которых мы никогда не избавимся!

Я стоял у двери и прикрыл ее с большей силой, чем требовалось, чтобы сообщить о нашем присутствии двум мужчинам в соседней комнате. Желаемый результат был достигнут. Беседа

прекратилась, и через мгновение из-за занавеси появился безупречно одетый — темный костюм, жесткий воротничок, черный галстук — седовласый и худощавый господин. С талии свисала золотая цепочка, на кончике носа устроилось золотое пенсне. Ему было не менее шестидесяти, но походка все еще была пружинистой, а каждый шаг говорил: энергии этому человеку не занимать.

— Господин Финч, как я понимаю, — произнес Холмс.

— Да, сэр. Собственной персоной. С кем имею честь?

— Я Шерлок Холмс.

— Холмс? Не думаю, что мы знакомы, но ваше имя я где-то слышал...

— Господин Холмс! — В комнату вошел и Карстерс. Контраст между двумя владельцами галереи был разительный: один постаревший и сморщенный, можно сказать, принадлежавший к другой эпохе, второй моложе, более щеголеватый, с лица еще не сошли гнев и огорчение — несомненно, результат подслушанного нами разговора.

— Это господин Холмс, детектив, о котором я вам говорил, — объяснил Карстерс партнеру.

— Да, да. Разумеется. Он только что представился.

— Не ожидал, что вы здесь появитесь, — сказал Карстерс.

— Я пришел потому, что мне хотелось увидеть место вашей работы, — внес ясность Холмс. — Но у меня есть к вам и несколько вопросов по поводу людей Пинкертон, нанятых вами в Бостоне.

— Жуткая история! — вмешался Финч. — Ущерб от потери этих картин мне не восполнить до конца жизни. Это самое большое бедствие в моей карьере. Если бы мы тогда продали несколько работ этого вашего Уистлера, Эдмунд! Да хоть разорвись они на части — никто ничего бы не заметил! — Как только пожилой джентльмен заговорил, остановить его было уже невозможно. — Торговля картинами, господин Холмс, — занятие респектабельное. Среди наших клиентов много аристократов. И вдруг мы попали в какую-то историю с перестрелками, убийствами. Ясно, что нам это ни к чему...

Лицо пожилого господина вытянулось, ибо оказалось, что перестрелки и убийства — это еще не все: дверь открылась, и в комнату ворвался мальчишка. Я сразу узнал Виггинса, который с другими «внештатниками» навел нас несколько часов назад, но для Финча это был просто налет, какой не увидишь в страшном сне.

— Вон отсюда! Сейчас же! — воскликнул он. — У нас для тебя ничего нет.

— Не тревожьтесь, господин Финч, — успокоил его Холмс. — Мальчика я знаю. В чем дело, Виггинс?

— Мы его нашли, господин Олмс! — в волнении прокричал Виггинс. — Ну, этого малого, какого вы искать велели. Мы его своими глазами видели, я и Росс. Мы уже было сунулись в забегаловку на Бридж-лейн, Росс эту пивнушку знает, он, бывает, и сам туда заглянуть не дурак. Тут дверь открывается, и вот он, голубчик, без ошибки, на лице шрам багровый. — Парень прочертил линию на собственной щеке. — Это я его засек. Не Росс.

— Где он сейчас? — спросил Холмс.

— Мы шли за ним до гостиницы, сэр. Каждому по гинее, если отведем вас туда?

— Только попробуйте не отвести, и вам крышка, — парировал Холмс. — Виггинс, я всегда играю с тобой честно, сам знаешь. Говори, что за гостиница?

— В Бермондси, сэр. Частная гостиница госпожи Олдмор. Росс ждет там. Я оставил его караулить, а сам ноги в руки и к вам. Если этот ваш объект снова выйдет наружу, Росс с него глаз не спустит. Он хоть и новенький, да парень не промах. Пойдете со мной, господин Олмс? Возьмете экипаж? А можно мне с вами?

— Сядешь с кучером. — Холмс повернулся ко мне, и по его сведенным бровям и напряженному выражению лица я сразу понял: вся его энергия сосредоточена на предстоящих действиях. — Нам надо срочно уходить, — сказал он. — По счастливой случайности объект расследования оказался у нас в руках. Нельзя дать ему ускользнуть.

— Я поеду с вами, — вызвался Карстерс.

— Господин Карстерс, это может быть опасно...

— Но ведь я его видел. Это я вам его описал, и именно я могу его опознать и подтвердить, что ваши мальчишки нашли того, кого надо. К тому же у меня есть личное желание довести это дело до конца, господин Холмс. Если это тот человек, за которого я его принимаю, тогда он приехал сюда из-за меня, а значит, я должен видеть, как завершится дело.

— У нас нет времени на дебаты, — сказал Холмс. — Очень хорошо. Едем втроем. Не будем больше тратить времени.

Мы поспешили к выходу — Холмс, Виггинс, Карстерс и я, — а господин Финч, разинув рот, глядел нам вслед. Нам тут же подвернулся четырехколесный экипаж, мы сели внутрь, а Виггинс забрался к кучеру, который смерил его презрительным взглядом, но потом смягчился и даже позволил мальчишке укрыть ноги куском своего одеяла. Щелкнул кнут, и лошади тут же тронулись с места, словно почувствовали, что дело у нас срочное. Уже почти стемнело, и с наступлением тьмы ощущение легкости, которое я испытал, совершенно рассеялось и в городе снова стало холодно и враждебно. Посетители магазинов и уличные артисты разошлись по домам и уступили место всяким сомнительным личностям — потрепанного вида мужчинам и кричаще одетым женщинам; для ведения своего бизнеса им требовалась тень, да и сам этот бизнес, по правде говоря, был теневым. Экипаж провез нас через Блэкфрирский мост в сопровождении жутчайших порывов ледяного ветра, которые впивались в нас, словно ножи. С момента нашего отъезда Холмс не сказал ни слова, видимо, он предчувствовал, что должно произойти. Но он никогда бы в этом не признался, и мой намек на такое предчувствие наверняка вызвал бы его раздражение. Прорицать — это не по его части. Его сильная сторона — интеллект, возведенный в систему здравый смысл. В то же время я чувствовал: им владеет нечто не поддающееся объяснению, может быть, даже что-то сверхъестественное. Хотите — верьте, хотите — нет, но Холмс знал: события предстоящего вечера станут неким рычагом, поворотным пунктом, после которого его жизнь — и моя тоже — изменится самым серьезным образом.

Частная гостиница госпожи Олдмор предлагала постель и гостиную за тридцать шиллингов в неделю и была именно таким заведением, на какое за подобные деньги можно рассчитывать: обшарпанное и полуразрушенное здание, по одну сторону — мусорные баки, по другую — кирпичная печь для обжига. Неподалеку текла река, и в воздухе словно висела сырая сажа. За окнами горели лампы, но окна были так сильно расписаны грязью, что свет внутри только угадывался. Напарник Виггинса Росс ждал нас, поживаясь от холода, хотя куртка его была основательно уплотнена газетной бумагой. Когда Холмс и Карстерс выбрались из экипажа, Росс сделал шаг назад, и я увидел, что он чем-то сильно напуган. Глаза посылали сигнал тревоги, а лицо в свете уличного фонаря было мертвенно-бледным. Но тут на землю прыгнул Виггинс, схватил Росса за руку — и чары словно рассеялись.

— Порядок, приятель! — воскликнул Виггинс. — И тебе и мне — по гинее. Господин Холмс обещался.

— Расскажи: пока ты был один, тут что-нибудь случилось? — спросил Холмс. — Человек, которого ты стережешь, из гостиницы не выходил?

— А эти господа кто? — Росс указал сначала на Карстерса, потом на меня. — Сыщики? Фараоны? Что они тут делают?

— Все в порядке, Росс, — сказал я. — Можешь не беспокоиться. Я Джон Ватсон, доктор. Ты меня видел сегодня утром, когда приходил на Бейкер-стрит. А это господин Карстерс, у него галерея на Элбмарл-стрит. Никакой опасности мы не представляем.

— Элбмарл-стрит — это где Мейфейр? — От холода парень стучал зубами. Конечно, лондонских беспризорников зимой не испугаешь, но он простоял на морозе почти два часа.

— Видел что-нибудь? — спросил Холмс.

— Да вот ничего, — ответил Росс. Голос его изменился. Что-то в его облике почти позволяло предположить — ему есть что скрывать. Мне и раньше приходило в голову, что все эти дети, пребывавшие в нежном возрасте, прошли период взросления куда раньше, чем полагалось. — Торчу здесь и жду вас. Он не выходил. Туда никто не заходил. А у меня от холода все косточки вымерзли.

— Вот деньги, что я тебе обещал, и тебе тоже, Виггинс. — Холмс расплатился с мальчишками. — Теперь дуйте домой. Сегодня поработали на славу.

Мальчишки забрали монеты и тут же побежали прочь, хотя Росс напоследок окинул нас взглядом.

— Что ж, — продолжил Холмс, — теперь заходим в гостиницу и прямиком к этому типу в номер. Видит Бог, задерживаться здесь без особой надобности я не намерен. Что скажете про парня, Ватсон? Похоже, он сказал нам не все.

— Вы читаете мои мысли, — вынужден был признать я.

— Будем надеяться, он не совершил по отношению к нам никакого предательства. Господин Карстерс, пожалуйста, держитесь от места событий подальше. Не думаю, что наш подопечный применит насилие, но мы пришли сюда не вполне подготовленными. Надежный револьвер доктора Ватсона наверняка лежит обернутый тряпицей в каком-нибудь ящике в Кенсингтоне, я тоже не вооружен. Придется положиться на смекалку. Пошли!

Преодолев несколько ступенек, мы втроем вошли в гостиницу. За дверью оказался общий коридор — слабо освещенный, без ковров, сбоку небольшая конторка. За ней, откинувшись на спинку деревянного стула, сидел в полудреме пожилой привратник, но с нашим появлением он встрепенулся.

— Благослови вас Бог, господа, — произнес он с дрожью в голосе. — Мы можем предложить хорошие кровати для ночлега, пять шиллингов за ночь...

— Мы не собираемся снимать номер, — отрубил Холмс. — Нам нужен человек, который недавно прибыл из Америки. На щеке у него след от пулевого ранения. Дело чрезвычайно срочное, и если не хотите, чтобы у вас были неприятности с законом, скажите нам, где его найти.

Гостиничный ветеран в неприятностях любого рода заинтересован не был.

— Здесь живет только один американец, — сказал он. — Это господин Харрисон из Нью-Йорка. У него комната в конце коридора на этом этаже. Он не так давно вернулся и, наверное, спит, потому что никаких звуков я не слышал.

— В каком он номере? — резко спросил Холмс.

— В шестом.

Мы сразу же пошли по коридору — голые доски, двери так близко друг к другу, что номера, наверное, были чуть больше шкафов, газовые рожки излучали тусклый свет, так что мы, можно сказать, пробирались на ощупь. Шестой номер действительно оказался в самом конце коридора. Холмс поднял кулак, намереваясь постучать в дверь, но вдруг, судорожно глотнув воздух, отпрянул. Я глянул под ноги и увидел кривую струйку жидкости, почти черную в коридорной полутьме, она вытекала из-под двери и собиралась в лужицу у плинтуса. Карстерс вскрикнул и, подавшись назад, прикрыл рукой глаза. Привратник смотрел на нас со своего конца коридора. Он словно ждал, что нечто ужасное вот-вот станет явным.

Холмс толкнул дверь, но она не открылась. Не говоря ни слова, он уперся в нее плечом, и хлипкий замок не оказал никакого сопротивления. Мы с Холмсом оставили Карстерса в коридоре, вошли в номер и сразу поняли: преступление, которое мне поначалу казалось банальным, весьма существенно усложнилось. Окно было открыто. Все в комнате было перевернуто вверх дном. Объект наших поисков, скорчившись, лежал на полу, а из его шеи торчал нож.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На авансцену выходит Лестрейд

Недавно я снова встретился с Джорджем Лестрейдом — как оказалось, в последний раз.

Ему так и не удалось оправиться от пулевого ранения, полученного во время расследования диковинных смертей — в широкой прессе они проходили как «клеркенвельские убийства»... Впрочем, одно из них произошло в соседнем Хокстоне, а еще одно оказалось самоубийством. Лестрейд уже давно вышел в отставку и в полиции не работал, но был настолько добр, что приехал навестить меня в моем новом доме, и мы провели пару часов в обществе друг друга, предаваясь воспоминаниям. Моих читателей едва ли удивит, если я скажу, что основной темой нашей беседы был Шерлок Холмс, а я почел необходимым извиниться перед Лестрейдом по двум пунктам. Во-первых, в моих писаниях я никогда не льстил его наружности. «С лицом крысы», «похожий на хорька» — вот какие примеры приходят в голову. Достаточно сурово, но, по крайней мере, точно, ведь сам Лестрейд иногда шутил, что капризная природа-матушка наградила его внешностью скорее преступника, а не полицейского, и, возможно, выбери он первое занятие, он был бы намного богаче. Холмс тоже частенько говорил, что его собственные навыки, особенно по взлому замков и подделке документов, позволили бы ему преуспеть на ниве преступности ничуть не меньше, чем на детективной ниве... Забавно полагать, что при других обстоятельствах эти двое вполне могли бы работать вместе по другую сторону закона.

Во-вторых, я был к Лестрейд, пожалуй, действительно несправедлив, намекая на то, что ему недостает интеллекта либо навыков расследования. Холмс порой давал ему уничижительную характеристику, но не забывайте: сам Холмс был фигурой уникальной, по силе интеллекта ему, пожалуй, не было равных в Лондоне, и он с равным пренебрежением отзывался почти обо всех встреченных им полицейских... исключая разве что Стэнли Хопкинса, но вера Холмса в этого молодого детектива тоже часто подвергалась серьезным испытаниям. Скажем просто: любому детективу проявить себя на фоне Холмса было практически невозможно, и даже я, столько времени проведенный в его обществе, иногда был вынужден напоминать себе, что я все-таки не полный идиот. Но Лестрейд во многих отношениях был человеком способным. Если внимательно изучить общественные архивы, окажется, что Лестрейд раскрыл много дел и газеты нередко отзывались о нем со знаком плюс. Как бы то ни было, а свою карьеру он закончил заместителем начальника управления уголовных расследований Скотленд-Ярда — пусть его репутация во многом была выстроена на делах, которые, по сути, раскрыл Холмс, а лавры достались ему. В ходе нашей долгой и приятной беседы Лестрейд дал мне понять, что в присутствии Холмса был скован страхом и, вполне возможно, именно поэтому действовал не самым лучшим образом. Увы, его больше нет, и я уверен, он не будет возражать, если я раскрою некоторые его тайны и просто воздам ему должное. Он был неплохой человек. Эти его слова о нахождении в обществе Холмса многое проясняют.

Короче говоря, в частную гостиницу миссис Олдмор на следующее утро прибыл именно Лестрейд. Да, как всегда, он был бледен лицом, яркие глаза светили из запавших глазниц, а общий его облик наводил на мысли о крысе, которой пришлось принарядиться для обеда в «Савое». Холмс известил о происшедшем уличных констеблей, те опечатали номер и держали его под наблюдением вплоть до наступления холодного утра, когда тени вокруг гостиницы рассеялись и можно было провести полноценное расследование.

— Так-так, господин Холмс, — заметил Лестрейд с нотками раздражения в голосе. — Вчера в Уимблдоне мне сказали, что вы должны вот-вот появиться, а сейчас вы прибыли даже раньше меня.

— Мы оба шли по следу несчастного, который закончил свои дни здесь, — пояснил Холмс.

Лестрейд быстро глянул на труп:

— Да, похоже, мы искали именно его.

Холмс промолчал, и Лестрейд окинул его пронизательным взглядом:

— Как вы его нашли?

— До смешного просто. Я знал благодаря вашим блестящим действиям, что поездом он вернулся на станцию «Лондонский мост». Мои агенты тут же прочесали близлежащую местность, и двоим повезло — они наткнулись на него прямо на улице.

— Полагаю, вы ссылаетесь на шайку беспризорников, которые готовы вам услужить по первому зову. На вашем месте, господин Холмс, я бы держался от них подальше. Ничем хорошим это не кончится. Все они воришки и карманники в свободное от ваших поручений время. Какие-то признаки ожерелья имеются?

— Очевидный признак один — никаких признаков. Правда, у меня не было возможности тщательно обыскать номер.

— Что ж, давайте этим и займемся.

Слова у него не расходились с делом — он тут же принялся осматривать номер. Это была жуткая комната с ободранными занавесями и подгнившим ковром, а кровать выглядела утомленной до крайности — утомленнее любого постояльца, который вознамерился в ней поспать. На стене висело треснутое зеркало. В углу стоял умывальник — замызганная раковина и одинокий бесформенный кусок засохшего мыла. Вида из окна не было никакого — оно выходило в узкую аллею, за которой шла глухая кирпичная стена, а чуть подальше, невидимая, текла Темза и насыщала комнату влагой и тяжелыми запахами. Далее Лестрейд сосредоточился на покойнике, тот был одет именно так, как при первой встрече описал его Карстерс, — длинный сюртук до колен, плотный жилет, застегнутая до самого горла рубашка. Вся одежда была пропитана кровью. Смертоносный нож вонзили по рукоятку, он поразил сонную артерию. Мое знание медицины не оставляло места для сомнений — смерть наступила мгновенно. Лестрейд обыскал карманы убитого, но ничего не нашел. У меня была возможность присмотреться к нему внимательней, и я увидел: человеку, нашедшему Карстерса в Риджуэй-холле, было слегка за сорок — крепкое сложение, коренастый, мускулистые руки, коротко подстриженные волосы тронуты сединой. Самой яркой чертой был шрам, он начинался в углу рта и тянулся наискось через всю скулу, едва разминувшись с глазом. Однажды он вырвался из объятий смерти. Во второй раз ему повезло меньше.

— Точно ли нам известно, что именно этот человек вторгся в дом господина Эдмунда Карстерса? — спросил Лестрейд.

— Абсолютно. Его опознал сам Карстерс.

— Он был здесь?

— Совсем недолго. К сожалению, ему пришлось уехать.

Холмс едва заметно улыбнулся, и я вспомнил, как мы схватили Эдмунда Карстерса в охапку, запихнули в кеб и отправили в Уимблдон. Он лишь мельком успел взглянуть на тело, но этого оказалось достаточно, чтобы он едва не рухнул в обморок, и я понял, каково ему было на «Каталонии» после бостонских злоключений с «Бандой в кепках». Видимо, он обладал повышенной чувствительностью, как некоторые художники, чьи работы он выставлял. Было очевидно, что кровопролития вкупе с убожеством Бермондси, не для него.

— Вот еще одна улика, если требуется, — добавил Холмс и указал на кровать — там лежала кепка.

Внимание Лестрейда между тем переключилось на пачку сигарет, оставленную на столе. Он взглянул на этикетку.

— «Олд Джадж»...

— Производители, как я полагаю, «Гудвин и К°» из Нью-Йорка. В Риджуэй-холле я нашел именно такой окуроч.

— Вот как? — почти беззвучно воскликнул Лестрейд. — Что ж, едва ли наш американский друг стал жертвой случайного нападения. Подобное в этом квартале случается, и такую вероятность сбрасывать со счетов нельзя: человек возвращается в свой номер, а там в его вещах роется какой-то злодей. Тут же дело доходит до мордобоя. Кто-то хватается за нож — и вот результат.

— Я тоже считаю, что подобное маловероятно, — согласился Холмс. — Это не может быть простое совпадение: в Лондон с явно недобрыми намерениями приезжает человек — и вдруг находит такую смерть! То, что произошло в этом номере, наверняка напрямую связано с его действиями в Уимблдоне. А посмотрите на положение тела, на угол, под которым нож вошел в шею. Похоже, нападавший ждал его за дверью в темной комнате — свечи на столе нет. Он входит

— и его хватают сзади. Это ведь был крепкий мужчина, способный за себя постоять. Но его застали врасплох и убили одним ударом.

— Все-таки мотивом могла быть кража, — не сдавался Лестрейд. — Нам известно про пятьдесят фунтов и ожерелье. Если они не здесь, то где же?

— У меня есть все основания полагать, что ожерелье вы найдете в ломбарде на Бридж-лейн. Наш человек только что вернулся оттуда. Похоже, что в итоге вырученные деньги забрал убийца, но, думаю, главная причина преступления в другом. Задайтесь вопросом: а что еще пропало из этого номера? Ведь мы не знаем, Лестрейд, чей это труп. Казалось бы, у приезжего из Америки должен быть паспорт, рекомендательные письма, может быть для банка. А его бумажника нет. Вы знаете, под каким именем он зарегистрировался в гостинице?

— Бенджамин Гаррисон.

— Но так зовут нынешнего американского президента.

— Американского президента? Разумеется. Это мне известно. — Лестрейд нахмурился. — Каким бы именем он ни назвался, нам ясно, кто он. Это Килан О'Донахью, прибывший из Бостона. Видите шрам на лице? Это пулевое ранение. Не будете же вы с этим спорить?

Холмс повернулся ко мне, и я кивнул.

— Конечно, это след от выстрела, — сказал я. Подобных ранений я насмотрелся в Афганистане. — Примерно годичной давности.

— Это вполне укладывается в то, что рассказал мне Карстерс, — торжествующе заключил Лестрейд. — По-моему, мы можем поставить точку в этом печальном эпизоде. О'Донахью получил ранение во время перестрелки в бостонской лачуге. Его брат-близнец был в этой перестрелке убит, и теперь Килан приехал в Англию мстить. Это ясно как божий день.

— Ясно-то ясно, между тем его убили ночью, — возразил Холмс. — Может быть, вы объясните нам, Лестрейд, кто убил Килана О'Донахью и зачем?

— Наиболее явный подозреваемый — сам Эдмунд Карстерс.

— Но во время убийства господин Карстерс был с нами. К тому же я видел его реакцию, когда мы наткнулись на тело, — не думаю, что у него достало бы смелости или силы воли нанести удар лично. Он также не знал, где остановилась его жертва. Насколько нам известно, этого не знал никто в Риджуэй-холле, потому что нам самим сказали об этом в последнюю минуту. Заодно ответьте: если это Килан О'Донахью, почему у него портсигар с инициалами «В. М.»?

— Какой портсигар?

— Он лежит на кровати, прикрыт простыней. Поэтому, видимо, его не заметил и убийца.

Лестрейд нашел упомянутый предмет и быстро его оглядел.

— О'Донахью вор, — объявил он. — Вполне вероятно, что этот портсигар он украл.

— А зачем ему его красть? Ценности никакой не представляет. Сделан из жести, инициалы просто написаны краской.

Лестрейд открыл портсигар — пусто. Он тут же его защелкнул.

— Все это чистейший бред, — сказал он. — Знаете, Холмс, в чем ваша беда? Вы все усложняете. Иногда, как мне кажется, нарочно. Вам будто нужно поднять преступление до определенного уровня, иначе его неинтересно раскрывать. Этот убитый — американец. Ранее он получил в перестрелке пулевое ранение. Один раз его видели на Стрэнде, два раза в Уимблдоне. Если он и правда был в ломбарде, это будет означать, что сейф Карстерса взломал именно он. А тогда несложно понять, что здесь произошло. Наверняка у О'Донахью в Лондоне были связи среди преступников. Возможно, он даже подрядил кого-то помочь ему с вендеттой. Вдруг они взяли и поругались? Тот вытащил нож. Перед нами результат!

— Вы в этом уверены?

— В достаточной степени.

— Что ж, поживем — увидим. Обсуждать вопрос здесь нам больше не имеет смысла. Может быть, хозяйка гостиницы прольет свет на это дело.

Госпожу Олдмор мы нашли за конторкой, где раньше располагался привратник, но добавить ей было почти нечего. Эта седовласая женщина с кислым лицом сидела, обхватив себя руками, будто боялась заразиться от здания и потому держалась от стен как можно дальше. На голове был капор, на плечах — меховая накидка... Я не мог себе даже представить, какого животного был этот мех и как это животное встретилось с Господом. Наверное, умерло от голода.

— Он снял комнату на неделю, — рассказала она. — Заплатил гинею. Американец, доплыл до Ливерпуля. Вот и все, что он мне сказал. В Лондоне первый раз. Прямо-то он этого не сказал, да по его вопросам я сама догадалась. Сказал, мол, ему надо с кем-то повидаться в Уимблдоне, и тут же спросил, как туда добраться. А-а, говорю, Уимблдон — это шикарное место, там полно богатых американцев, и дома у них дай бог каждому. Сам он был неприметный, багажа мало, одежонка потрепанная, а уж рана на лице такая, что прости господи! Поеду, говорит, туда завтра, мне там кое-что должны, вот и получу должок. Я уж по его разговору поняла, что добра от него ждать нечего, тут же себе и сказала: парень, поберегись! Чувствовала, чем дело кончится, а что тут сделаешь? Если буду заворачивать всех клиентов подозрительного вида, какие стучат в мою дверь, лавочку придется закрывать. Так вот, теперь этого американца, господина Гаррисона, взяли да уколошили! Говорю же, я как чувствовала. В таком уж мире живем — порядочная женщина не может спокойно гостиницей управлять: тут тебе и кровь на стенах, и трупы на полу. Зачем я только приехала в Лондон? Не город, а чистая жуть. Жуть, да и только!

Мы оставили ее сидеть и страдать, а Лестрейд собрался по своим делам.

— Наверняка снова столкнемся, господин Холмс, — сказал он. — Если понадобится, где меня искать, знаете.

— Если инспектор Лестрейд мне когда-нибудь понадобится, — пробормотал Холмс после ухода последнего, — значит, дела мои совсем плохи. Давайте заглянем в аллею, Ватсон. Говорят, что дело раскрыто, но одна деталь меня беспокоит.

Мы вышли через фасадную дверь гостиницы на главную улицу и свернули в узкую замусоренную аллею, которая тянулась как раз мимо комнаты, где закончил свои дни американец. Окно хорошо просматривалось, под ним стоял деревянный ящик. Было ясно, что убийца воспользовался им как ступенькой, чтобы войти в комнату. Окно не было заперто и легко открывалось снаружи. Холмс мимоходом взглянул себе под ноги, но ничто на земле не привлекло его внимания. Мы проследовали до конца аллеи — она заканчивалась высоким деревянным забором и пустым двором за ним. Оттуда мы вернулись на основную дорогу. Холмс пребывал в глубокой задумчивости, и его бледное продолговатое лицо говорило, что ему явно не по себе.

— Вы помните вчерашнего мальчишку, Росс? — спросил он.

— Вам показалось, что он что-то скрывает.

— Теперь я в этом уверен. С того места, где он стоял, хорошо видны и гостиница, и аллея, которая, как мы убедились, кончается тупиком. Значит, убийца мог появиться только с дороги и Росс должен был хорошо его видеть.

— Он явно был чем-то встревожен. Но, Холмс, если он что-то видел, почему не сказал нам?

— У него был свой план, Ватсон. По-своему Лестрейд прав. Эти мальчишки живут благодаря смекалке и пользуются ею ежечасно. Они проходят школу выживания. Если Росс решил, что тут пахнет деньгами, он мог вступить в сговор с самим дьяволом! И все-таки есть нечто, чего я понять не могу. Что такого этот паренек мог увидеть? В свете газового фонаря появилась какая-то фигура, промелькнула по коридору и скрылась из вида. Возможно, он слышал крик после удара ножом. Через минуту убийца появился вторично — и тотчас скрылся в ночи. Росс стоял на месте, а вскоре появились мы троим.

— Он чего-то боялся, — сказал я. — Принял Карстерса за полицейского.

— Это был не просто страх. Я бы сказал, что паренек был охвачен ужасом, но я решил... — Он провел рукой по брови. — Нужно найти его и поговорить с ним. Надеюсь, что я не совершил грубого просчета.

По дороге на Бейкер-стрит мы зашли на почту, и Холмс послал еще одну телеграмму Виггинсу, командиру его маленькой армии «внештатников». Но прошли сутки, а Виггинс не ответил. А вскоре нам стало известно, что события пошли по наихудшему курсу.

Росс исчез.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мужская школа «Чорли Гранж»

В 1890 году — год, в который разворачиваются описываемые мной события, — на территории в шестьсот квадратных миль, известной как Муниципальный полицейский район Лондона, проживало пять с половиной миллионов человек, и два вечных соседа, богатство и бедность, как всегда, нелегко шли по жизни рука об руку. За прошедшие годы я был свидетелем грандиозных перемен и теперь порой жалею, что не живописал подробно картину разрастающегося хаоса города, в котором жил, может быть, на манер Гиссинга или Диккенса, который сделал это за пятьдесят лет до него. В свою защиту могу лишь сказать, что я больше биограф, нежели историк или журналист, а приключения мои неизбежно вели меня в довольно замкнутые сферы жизни — роскошные жилища, гостиницы, частные клубы, школы, правительственные учреждения. Клиенты Холмса принадлежали ко всем классам общества, с этим не поспоришь, но (возможно, однажды кто-то всерьез задумается над смыслом этого явления) наиболее интересные преступления, которые я сделал объектами моих записок, почти всегда совершались людьми состоятельными.

Но сейчас необходимо поговорить о нижних слоях гигантского кипящего котла под названием Лондон, слоях, которые Гиссинг обозначил как «дно», чтобы понять, сколь невероятная задача возникла перед нами. Мы должны были найти одного мальчишку, беспомощного оборвыша, среди легиона ему подобных, и, если Холмс был прав и на горизонте маячила опасность, тянуть резину было некогда. С чего же начать? Наши поиски отнюдь не будут облегчены неугомонностью и хаосом, царящими в городе, — его обитатели пребывают в вечном движении, перемещаясь от дома к дому, от улицы к улице, и зачастую даже не знают имени соседа. В большой степени тут можно винить снос трущоб и распространение железных дорог, хотя многие жители Лондона прибыли сюда, движимые этой самой неугомонностью, и просто не способны долго сидеть на одном месте. Они движутся, подобно цыганам, в поисках возможной работы. Летом это сбор фруктов и строительные работы, а когда приходят холода, люди забиваются в норы, рыщут в поисках угля и хоть какой-то пищи. Они могут недолго посидеть на месте, но как только деньги кончаются, они снова снимаются с якоря.

А куда деваться от проклятия нашего века — от преступной беспечности, которая выбросила на улицы десятки тысяч детей? Они попрошайничают, шарят по карманам, подворовывают, а если не удастся удержаться на плаву, тихо умирают, никому не известные и никем не любимые, не нужные своим родителям, если эти родители вообще живы. Кто-то из них ютился в меблированных комнатах стоимостью три пенса, но эти три пенса надо было где-то взять, чтобы заплатить за ночлег, жили в жуткой тесноте, в условиях, неприемлемых даже для скота. Дети спали на крышах домов, в лотках Смитфилдского рынка, в сточных ямах и даже, как я слышал, в воронках, образовавшихся после вывоза мусора на Хэрни-маршиз. Существовали, как я расскажу позже, благотворительные организации, чтобы этим детям помочь, одеть их, как-то их выучить. Но организаций этих было мало, а детей много... Деятнадцатый век завершал свой путь, а Лондону было чего стыдиться.

Хватит, Ватсон! Не надо увлекаться. Возвращаемся к нашему рассказу. Будь Холмс жив, он бы таких отступлений не потерпел.

С той минуты, как мы покинули частную гостиницу госпожи Олдмор, Холмс пребывал в состоянии непрерывного беспокойства. В течение дня он, словно медведь, вышагивал по комнате. Все время курил, при этом почти не притронулся к обеду и ужину, и я не без тревоги замечал, как он косится на свою марокканскую шкатулку, которую держал на каминной полке. Мне было известно, что там содержится шприц для подкожных инъекций... Обычно и речи не могло быть о том, чтобы во время расследования он позволил себе семипроцентный раствор кокаина — это была его привычка из разряда самых вопиющих. Полагаю, что ночью он почти не спал. Было уже совсем поздно, и я почти заснул, как вдруг услышал: он наигрывает что-то на своем страдивариусе... Но мелодия выходила какая-то дерганая, звучала фальшиво, и было ясно, что он

не вкладывает в это занятие душу, то есть сильно нервничает и поэтому страдает. Он упомянул серьезный просчет и, видимо, оказался прав, потому что Росс исчез. В таком случае Холмс никогда себе этого не простит.

Я думал, мы вернемся в Уимблдон. Холмс в гостинице ясно дал понять, что с человеком в кепке всё почти ясно, стало быть, сыщику оставалось только пуститься в пространные объяснения, после которых я буду спрашивать себя: как можно быть таким тупым и не видеть очевидного? Но во время завтрака принесли письмо от Кэтрин Карстерс: она и муж уехали на несколько дней навестить друзей в Саффолке. Эдмунду Карстерсу — натуре хрупкой — требовалось время, чтобы прийти в себя, а Холмс без аудитории своими открытиями делиться не будет. Поэтому мне придется подождать.

Виггинс появился на Бейкер-стрит, 221-б, только через два дня, в этот раз без сопровождения. Он получил телеграмму Холмса (как именно, не представляю, я не знал, где и как жил Виггинс) и с тех пор пытался найти Росса, но безуспешно.

— В Лондон он приехал под конец лета, — объяснил Виггинс.

— Приехал откуда?

— Понятия не имею. Когда мы познакомились, он жил на кухне в гостинице «Кингс Кросс» с какой-то семьей — девять человек на две комнаты. Я к ним заходил, но они его с того вечера не видели. Думаю, он сидит тихо, затаился.

— Виггинс, расскажи, что случилось тем вечером, — жестко произнес Холмс. — Вдвоем вы шли за американцем от ломбарда до гостиницы. Ты оставил Росса наблюдать за домом, а сам прибежал за мной. Значит, он пробыл один около двух часов.

— Он сам вызвался. Я его не заставлял.

— У меня и в мыслях нет тебя обвинять. Потом мы вернулись — господин Карстерс, доктор Ватсон, ты и я. Росс был на месте. Я отдал вам деньги и отпустил. Вы убежали вместе.

— Вместе мы были недолго, — уточнил Виггинс. — Он пошел своей дорогой, а я своей.

— Он тебе что-нибудь сказал? Вы вообще говорили?

— Росс был не в духе, это точно. Он что-то видел.

— В гостинице? Что именно, не сказал?

— Человека. Больше ничего. Вот он и струхнул. Ему всего тринадцать, хотя, что к чему, он обычно знает. А тут все поджилки тряслись.

— Он видел убийцу! — воскликнул я.

— Чего он там видел или не видел — не скажу, а что он мне сказал — знаю. «Я его знаю, из него можно кое-что выудить. Всё больше гиней, которую нам выделил твой господин Олмс, чтоб ему пусто было!» Уж простите, сэр, но так он и сказал, точь-в-точь. Видно, решил кого-то подоить.

— Что еще?

— Ну, разве что хотел побыстрее смыться. Раз-два — только его и видели. Но в «Кингс Кросс» не пошел. А куда — не знаю. Больше про него никто ничего и не слышал.

Холмс выслушал этот рассказ, и лицо его стало крайне суровым. Он шагнул к мальчику и присел перед ним на корточки. Виггинс рядом с ним выглядел совсем маленьким. Недокормленный, болезненный, волосы спутаны, глаза слезятся, кожа поражена лондонской грязью — такого не выделишь в толпе. Может быть, именно поэтому так легко не обращать внимания на бедственное положение этих детей. Их слишком много, и все выглядят одинаково.

— Послушай, Виггинс, — сказал Холмс. — Мне кажется, Россу угрожает серьезная опасность.

— Но я правда искал его! Везде, где можно!

— Не сомневаюсь. Скажи, что тебе известно о его прошлом. Где он жил раньше, пока не приехал в Лондон? Кто его родители?

— Нет у него никаких родителей. Они давным-давно померли. Откуда приехал — не говорил, а мне зачем спрашивать? А мы все — откуда? Какая разница?

— Попробуй вспомнить, парень. Если у него неприятности, к кому он пойдет, где будет искать пристанища?

Виггинс покачал головой. Но тут же что-то придумал.

— Еще одна гиней будет? — спросил он.

Глаза Холмса сузились, я видел, что он старается держать себя в руках.

— Неужели ты ценишь жизнь твоего соотечественника так низко? — спросил он.

— Не знаю, кто такой «соотечественник», он мне никто, господин Олмс. Живой он или мертвый — мне что с того? Не объявится — тут же прибегут двадцать человек на его место. — Холмс сверлил его взглядом, и внезапно Виггинс смягчился. — Ладно. Он был под присмотром, по крайней мере какое-то время. Его забрали к себе благотворители. «Чорли Гранж», это в сторону Эмуорта. Мужская школа. Он как-то сказал мне: мол, пробыл там немного, а потом надоело — и дал деру. Тогда и перебрался в «Кингс Кросс». Если уж так напугался, если кому-то насолил, может, и решил туда вернуться. Из двух зол...

Холмс выпрямился.

— Спасибо, Виггинс, — сказал он. — Но ты его и дальше ищи. Спрашивай всех, кого встретишь. — Он достал монету и протянул ее мальчишке. — Найдешь его — сразу тащи сюда. Миссис Хадсон вас обоих накормит и приглядит за вами, если меня не будет. Понял?

— Как не понять, господин Олмс.

— Отлично. Ватсон, надеюсь, вы меня сопроводите?

Час спустя кеб подвез нас к входу в три добротных дома, которые стояли рядом на краю узкого переулка, круто поднимавшегося почти полмили от деревни Роксет до Хэмуорт-Хилла. Самый большой из них располагался в центре и напоминал загородное поместье английского джентльмена, построенное примерно сто лет назад. Его украшала крыша из красной черепицы и веранда по всей длине здания на уровне первого этажа. Фасад был покрыт вьющимися растениями, должно быть, выглядевшими роскошно летней порой, но сейчас безлистными и исхудавшими. Весь комплекс окружали сельскохозяйственные угодья, а к старому яблоневому саду под уклон сбегала лужайка. Трудно было представить, что до Лондона рукой подать, потому что воздух поражал свежестью, а земли вокруг радовали глаз. Хотелось только, чтобы погода была помягше, потому что снова воцарился холод, а с неба летела недружелюбная влага. Здания по обе стороны от основного были когда-то сараями либо пивоварнями, видимо, приспособленными под надобности школы. По другую сторону переулка стояло еще одно сооружение, окруженное декоративным металлическим забором с открытыми воротами. Оно выглядело пустым — света или какого-то движения не наблюдалось. Подальше в полях я увидел группу мальчишек — вооруженные лопатами и мотыгами, они копали грядки.

Мы позвонили в парадную дверь — нам открыл человек в строгом темно-сером костюме, он молча выслушал объяснения Холмса о цели нашего визита.

— Очень хорошо, господа. Вам придется подождать.

Он провел нас в здание и оставил в аскетичном вестибюле, обитом деревянными панелями, на стенах лишь несколько изрядно потемневших портретов — разобрать, что на них изображено, было почти невозможно, — а также серебряный крест. В глубь здания уходил длинный коридор, я увидел несколько дверей. Наверное, по другую сторону располагались классные комнаты, но никаких звуков изнутри не доносилось. Заведение больше походило на монастырь, нежели на школу. Затем слуга — если это был слуга — вернулся и привел с собой круглолицего коротышку, которому на каждый шаг своего спутника приходилось делать три, и такие серьезные усилия вызывали у него одышку. Все во вновь прибывшем наводило на мысль о кругах. Формами он напомнил мне снеговика из Риджент-парка — голова его была одним шаром, тело другим, а лицо отличалось удивительной простотой, с морковкой вместо носа и угольками вместо глаз. Лет сорока, лысоватый, пучки темных волос спадают на уши. Одет как священник, картину довершал пасторский воротник — еще один круг. Подойдя к нам, он засиял и приветственно распростер руки:

— Господин Холмс! Какая честь! Разумеется, сэра, я читал о ваших подвигах. Лучший детектив-консультант Англии — у нас, в «Чорли Гранж»! Какая чудесная новость! А вы, должно быть, доктор Ватсон. Ваши рассказы мы читаем в классах. Мальчишки от них в полном восторге. Они просто не поверят, что вы здесь. Может быть, у вас найдется время поговорить с ними? Впрочем, что это я гоню лошадей? Уж вы меня извините, господа, просто не могу сдержаться. Я — преподобный Чарлз Фицсиммонс. Воспер сказал мне, что вас привело сюда серьезное дело. Господин Воспер помогает управлять этим заведением, а также преподает математику и чтение. Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет. Я познакомлю вас с женой... Может быть, выпьете чаю?

Мы прошли за человечком по второму коридору и вошли в комнату — слишком большую и холодную и оттого неуютную, хотя вдоль стен тянулись книжные полки, а возле камина стоял

диван и несколько стульев. Заваленный бумагами большой стол располагался так, чтобы через венецианские окна видеть лужайку, а за ней — фруктовый сад. В комнате было еще холоднее, чем в коридоре, хотя огонь в камине горел. Красное мерцание и запах тлеющих углей создавали иллюзию тепла, но именно иллюзию. По окнам молотил дождь, капли стекали по стеклу. Поля совершенно обесцветились. День едва перевалил за середину, но было полное ощущение сумерек.

— Дорогая! — воскликнул хозяин. — Это господин Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Им нужна наша помощь. Господа, познакомьтесь: моя жена Джоанна.

В самом темном углу комнаты в кресле сидела женщина и держала на коленях книгу в несколько сот страниц. Если это была госпожа Фицсиммонс, вместе они составляли весьма странную пару — она отличалась высоким ростом и при этом была, как мне показалось, на несколько лет старше мужа. На ней было старомодное сатиновое платье, абсолютно черное, оно поднималось до самой шеи и плотно облегалo руки, плечи отделаны бисером. Волосы стянуты узлом на затылке, пальцы длинные и тонкие. Будь я мальчишкой, детская фантазия вполне могла бы нарисовать образ ведьмы. Вид этой пары навел меня на не вполне достойную мысль: понятно, почему Росс решил отсюда сбежать. На его месте я вполне мог бы поступить так же.

— Выпьете чаю? — спросила дама. Голос был тонкий, как и она сама, а выговор нарочито рафинированный.

— Мы не будем причинять вам неудобств, — ответил Холмс. — Как вы знаете, нас привело сюда весьма срочное дело. Мы ищем мальчика, беспризорника, нам известно только, что его зовут Росс.

— Росс? Росс? — Его преподобие напряг память. — Да! Бедняга Росс! Мы давно его не видели, господин Холмс. Прежде чем попасть к нам, он как следует хлебнул лиха, как, впрочем, многие из наших подопечных. Он пробыл у нас недолго.

— Это трудный и своенравный ребенок, — вмешалась его жена. — Не желал подчиняться правилам. В итоге разлагал остальных. Ничего не хотел слушать.

— Дорогая, не нужно сгущать краски. Но правда такова, господин Холмс, что у него не было ни капли благодарности за всю нашу помощь и вписываться в наш образ жизни он не намеревался. Он провел у нас всего несколько месяцев, потом сбежал. Прошлым летом, в июле или августе. Надо посмотреть бумаги, тогда скажу точно. А почему вы его ищете, можно узнать? Надеюсь, он не пошел по кривой дорожке?

— Не беспокойтесь. Просто несколько дней назад в Лондоне он был свидетелем кое-каких событий. И мне надо знать, что именно он видел.

— Звучит в высшей степени загадочно, правда, дорогая? Но я не прошу дальнейших объяснений. Откуда он явился, мы не знаем. Куда скрылся — тоже.

— Тогда не смею больше отнимать у вас время. — Холмс повернулся к двери, но передумал. — Раз уж мы здесь, может быть, расскажете, чем вы здесь занимаетесь? «Чорли Гранж» — это ваша собственность?

— Ну что вы, сэр. Мы с женой — наемные работники Школьного общества лондонских кварталов. — Он указал на портрет прислонившегося к колонне аристократа. — Вот основатель, сэр Криспин Огилви, ныне покойный. Ферму он приобрел пятьдесят лет тому назад, а мы содержим это заведение благодаря его завещанию. У нас здесь тридцать пять мальчиков, всех их нашли на лондонских улицах. Какое будущее могло их ждать? В лучшем случае бессмысленный и монотонный труд. Здесь у них есть еда, крыша над головой и, самое главное, хорошее христианское образование. Здесь ребят учат читать, писать, дают основы математики. Но это не все — их обучают ремеслу сапожника, плотника, портного. А наши поля? У нас сотни акров земли, и почти все съестное мы выращиваем сами. Помимо этого мальчики умеют ухаживать за свиньями и птицей. Когда приходит время с нами расставаться, многие из них уезжают в Канаду, Австралию и Америку — начинать новую жизнь. У нас есть связи с фермерами, которые с удовольствием берут мальчишек к себе и дают им возможность сделать первые шаги на жизненном поприще.

— Много ли у вас учителей?

— Нас четверо плюс моя жена, обязанности мы делим между собой. Господина Воспера вы встретили при входе. Он наш привратник, преподает математику и чтение. Сейчас у нас дневные занятия, и два других учителя в классах.

— Как Росс сюда попал?

— Наверняка его подобрали в какой-нибудь опеке либо ночлежке. У нас в городе есть добровольцы, они и привозят сюда мальчишек. Если хотите, могу навести справки, хотя о Россе мы давно ничего не слышали и едва ли будем вам полезны.

— Мы не можем держать здесь мальчишек силой, — вступила госпожа Фицсиммонс. — Большинство из них здесь все устраивает, они ведут себя примерно и делают честь себе и школе. Но иногда встречаются и смутьяны — от этих никакой благодарности не жди.

— Мы должны верить в каждого ребенка, Джоанна.

— Чарлз, ты слишком добросердечен. Они этим пользуются.

— Росса нельзя обвинять в том, что он такой, какой есть. Его отец был забойщиком скота, ему попалась больная овца, в итоге он умер медленной смертью. Мать пыталась найти успокоение в спиртном. Она тоже умерла. Какое-то время за Россом присматривала старшая сестра, но что с ней стало, мы не знаем. Ах да! Вспомнил. Вы спрашивали, как он к нам попал. Росса арестовали за мелкую кражу в магазине. Судья сжалился над ним и передал его нам.

— Дал ему шанс. — Госпожа Фицсиммонс покачала головой. — Страшно подумать, что с ним теперь станет.

— То есть вы не представляете, где его можно найти?

— Мне жаль, господин Холмс, что вы впустую потратили время. У нас нет возможностей искать мальчишек, которые решили от нас уйти, и, по правде говоря, какой смысл их искать? «Ты оставил меня, поэтому и я от тебя уйду». Можно узнать, чему же такому он был свидетелем и почему для вас так важно его найти?

— Мы полагаем, что ему угрожает опасность.

— Опасность угрожает всем беспризорникам. — Фицсиммонс хлопнул в ладоши, словно его озарило. — А не поговорить ли вам с кем-то из его бывших одноклассников? Всегда есть вероятность, что кому-то из них он сказал то, что предпочел скрыть от нас. Идемте — у меня будет возможность показать вам нашу школу и чуть больше рассказать о нашей работе.

— Это очень любезно с вашей стороны, господин Фицсиммонс.

— Я покажу вам школу с превеликим удовольствием.

Мы вышли из кабинета. Госпожа Фицсиммонс осталась в своем углу и снова погрузилась в чтение объемистого тома.

— Пожалуйста, простите мою жену, — пробормотал его преподобие Фицсиммонс. — Она может показаться вам чересчур строгой, но уверяю вас, эти мальчишки — смысл всей ее жизни. Она учит их богословию, помогает со стиркой, ухаживает за ними, когда они нездоровы.

— Своих детей у вас нет? — спросил я.

— Возможно, я неясно выразился, доктор Ватсон. У нас тридцать своих детей, и ко всем мы относимся так, будто они — наша плоть и кровь.

Он провел нас по длинному коридору, который я заметил ранее, и мы оказались в комнате, где сильно пахло кожей и новой пенькой. Восемь или девять мальчишек, чистеньких, ухоженных, в передниках, внимательно смотрели на пару обуви, что лежала перед каждым, а за ними наблюдал открывший нам дверь господин Воспер. При нашем появлении все они поднялись и застыли в уважительном молчании, но Фицсиммонс весело махнул им рукой.

— Садитесь, ребята! Садитесь! К нам приехал господин Шерлок Холмс из Лондона. Давайте покажем ему, как мы умеем трудиться. — Мальчишки тут же принялись за работу. — Все в порядке, господин Воспер?

— Разумеется, сэр.

— Отлично! Отлично! — Он просто лучился счастьем. — Им еще два часа работать, потом час досуга перед чаем. Наш день заканчивается в восемь часов молитвой, а потом — спать.

Он снова двинулся вперед, семена короткими ножками. На сей раз он провел нас наверх, где располагалась общая спальня, слегка спартанская, но, несомненно, чистая и наполненная воздухом, кровати стояли словно солдаты в строю, в нескольких футах друг от друга. Нам показали

кухню, столовую, мастерскую и, наконец, класс, где шел урок. Квадратная комната, в углу печка, на одной стене — классная доска, на другой — украшенная вышивкой первая строчка кого-то псалма. На полках аккуратно стояли книги, а также счеты и всякая всячина — сосновые шишки, камни, кости животных, собранные, видимо, во время экскурсий. Молодой человек что-то писал в тетрадке, а двенадцатилетний паренек, выполняя задание учителя, читал одноклассникам отрывок из издававшей виды Библии. Едва мы вошли, мальчик прекратил чтение. В три ряда сидели пятнадцать учеников и внимательно слушали — они уважительно поднялись и повернули в нашу сторону бледные и серьезные лица.

— Садитесь, пожалуйста! — воскликнул его преподобие. — Извините, что прервали урок, господин Викс. Гарри, ты читал из книги Иова? «Нагим я вышел из чрева матери, нагим и вернусь...»

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Прекрасный выбор текста. — Он сделал жест в направлении учителя, который продолжал сидеть. Это был тридцатилетний брюнет, лицо странное, слегка вывернутое, спутанные волосы беспорядочно свалены на одну сторону. — Это Роберт Викс, выпускник Баллиольского колледжа. Господин Викс делал весьма успешную карьеру в городе, но решил на год перебраться к нам — помочь тем, кто не так удачлив, как он сам. Вы помните Росса, господин Викс?

— Росс? Он тот самый мальчик, который сбежал.

— Этот господин — не кто иной, как Шерлок Холмс, очень известный сыщик. — При этих словах по рядам прокатился шепоток. — Он опасается за Росса — тот мог попасть в беду.

— Чему удивляться, — пробормотал Викс. — Мальчишка не из простых.

— Гарри, он был твоим приятелем?

— Нет, сэр, — ответил читавший.

— Но кто-то в классе наверняка водил с ним дружбу, разговаривал с ним и может помочь найти его. Вы же помните — после ухода Росса мы много о нем говорили. Я вас спрашивал, куда он мог уйти, но вы ничего не смогли ответить. Большая просьба — постарайтесь что-то вспомнить.

— Я всего лишь хочу помочь вашему товарищу, — добавил Холмс.

Ненадолго повисла тишина. Потом мальчик с последнего ряда поднял руку. Светловолосый, хрупкий, лет одиннадцати.

— Вы тот самый, про кого в книжках пишут? — спросил он.

— Да. А вот автор этих книжек. — Я не помню, чтобы Холмс ранее представлял меня таким образом, и скажу честно — услышать эти слова было чрезвычайно приятно. — Ты их читал?

— Нет, сэр. Там слишком много длинных слов. Но иногда нам их читает господин Викс.

— Ладно, не будем больше отрывать вас от занятий, — сказал Фицсиммонс, собираясь вести нас к двери.

Но мальчик из последнего ряда сказал еще не все.

— У Росса есть сестра, сэр. Холмс повернулся к нему:

— В Лондоне?

— Вроде так. Да. Он как-то про нее говорил. Ее зовут Салли. Она работает в пабе «Мешок с гвоздями».

На лице его преподобия Фицсиммонса впервые отразился гнев, бледно-красное пятно разлилось по щекам.

— Ты поступил нехорошо, Дэниел, — сказал он. — Почему не сказал мне об этом раньше?

— Забыл, сэр.

— Если бы ты вспомнил вовремя, мы бы его нашли и защитили от свалившихся на него напастей.

— Извините, сэр.

— Не будем больше об этом. Идемте, господин Холмс.

Втроем мы вернулись к главному входу в школу. Холмс заранее заплатил кебмену за ожидание, и я рад был увидеть его на месте, потому что лил безжалостный дождь.

— Школа достойная, — похвалил Холмс. — Дети такие спокойные и дисциплинированные — это замечательно.

— Я вам очень признателен, — ответил Фицсиммонс, возвращаясь в свое привычное состояние. — Мои методы весьма просты, господин Холмс. Кнут и пряник в буквальном смысле слова. Если мальчики ведут себя плохо, их ждет порка. Если изо всех сил трудятся, соблюдают все правила, мы кормим их лучше. За шесть лет, что мы с женой здесь работаем, два мальчика умерли: один от сердечной недостаточности, другой от туберкулеза. Но случай бегства — единственный. Когда вы найдете Росса — а я в этом уверен, — надеюсь, вы уговорите его вернуться. Жизнь здесь не такая аскетическая, какой может показаться в эту зловещую погоду. Когда светит солнце и мальчишки дурачатся на свежем воздухе, «Чорли Гранж» выглядит довольно весело.

— Не сомневаюсь. Последний вопрос, господин Фицсиммонс. Здание напротив — это часть школы?

— Именно так, господин Холмс. Когда мы сюда приехали, там была фабрика по производству экипажей, но мы переделали ее под наши нужды, и сейчас там проходят концерты. Я говорил вам, что каждый наш ученик играет в оркестре?

— Недавно у вас был концерт.

— Всего два дня назад. Вы наверняка заметили многочисленные следы колес. Если вы, господин Холмс, и вы, доктор Ватсон, придете на наше следующее выступление, мы будем чрезвычайно польщены. Может быть, вам захочется оказать школе благотворительную помощь. Мы делаем все, что в наших силах, но от помощи не отказываемся.

— Я обязательно об этом подумаю.

Мы пожали друг другу руки и попрощались.

— Ватсон, нам нужно напрямиком ехать в «Мешок с гвоздями», — объявил Холмс, едва мы сели в кеб. — Нельзя терять ни минуты.

— Вы действительно считаете, что...

— Мальчик, Дэниел, сказал нам то, что не стал говорить своим учителям, по одной простой причине: он понял, что мы можем спасти его друга. Для разнообразия, Ватсон, сейчас мною движет не столько интеллект, сколько инстинкт. Откуда у меня такое ощущение тревоги? Кучер, хлестни лошадей и быстрее на станцию! Только бы не оказалось слишком поздно!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Белая лента

Все могло бы сложиться иначе, не окажись в Лондоне два паба с одинаковым названием «Мешок с гвоздями». Нам был известен один, на Эдж-лейн, в самом сердце Шоур-дитча, и мы, решив, что там вполне могла работать потерявшая родителей сестра уличного беспризорника, направились прямо туда. Это была небольшая обшарпанная пивнушка на углу улицы, от нее дурно пахло несвежим пивом, а сигаретный дым сочился прямо из деревянных стен. Впрочем, хозяин проявил дружелюбие: завидев нас из-за стойки бара, он вытер огромные руки о захватанный передник.

— Никакая Салли здесь не работает, — сказал он, когда мы представились. — И не работала. А с чего вы, господа, взяли, что найдете ее здесь?

— Мы ищем ее брата, мальчика зовут Росс. Он покачал головой.

— И Росса я не знаю. Может, вас не туда направили? Между прочим, «Мешок с гвоздями» есть и в Ламбете. Попробуйте съездить туда — вдруг повезет?

Мы тотчас вышли на улицу и вскоре колесили по Лондону в двуколке, но было уже поздно, и до нижнего квартала Ламбета мы добрались только с наступлением темноты. Второй «Мешок с гвоздями» выглядел более привлекательно, чего нельзя сказать о хозяине: это был угрюмый бородач со сломанным носом, не украшавшим лицо, и сердитым взглядом из-под густых бровей.

— Салли? — переспросил он. — А фамилия?

— Мы знаем только имя, — ответил Холмс. — И что у нее есть младший брат Росс.

— Салли Диксон? Вам нужна эта девчонка? Брат у нее есть. Она за домом, но сначала скажите, что вам от нее нужно.

— Только поговорить, — ответил Холмс.

Я снова почувствовал, как он весь напрягся, в нем пульсировала и рвалась наружу энергия, которая вела его к цели при расследовании любого дела. А уж когда обстоятельства вступали в заговор против него, он был предельно сосредоточен. Он положил на стойку несколько монет:

— Это компенсация за ваше время.

— Ну, это без надобности, — возразил хозяин, однако деньги взял. — Хорошо. Найдете ее во дворе. Хотя сомневаюсь, что вы много из нее выудите. Не сильно разговорчивая девица. С немой и то было бы веселее.

За зданием находился двор, камни были еще влажные и поблескивали после дождя. Двор был захламлен всевозможным барахлом и обломками, горы мусора поднимались почти до самого верха окружавших двор стен. Интересно, как все это сюда попало? Сломанное фортепьяно, детская лошадка-качалка, птичья клетка, несколько велосипедов, половинки стульев и столов — любая мебель, кроме целой. У одной стены громоздились разбитые ящики, брезентовые мешки для угля, заполненные неизвестно чем. Битое стекло, здоровенные пачки бумаги, куски исковерканного металла — а в середине, босая, в слишком тонком платице для такой погоды, стояла девушка лет шестнадцати и подметала свободное пространство вокруг себя, словно от этого общая картина могла как-то измениться. Во взгляде ее было нечто, напомнившее мне о ее младшем брате. Волосы светлые, глаза голубые, и если бы не обстоятельства, в которых она находилась, я бы назвал ее хорошенькой. Но жестокое прикосновение бедности и невзгод ясно виделось в заострившихся скулах, в руках-палочках, в грязи, въевшейся в ладони и щеки. Она подняла голову — в глазах я увидел только подозрительность и презрение. Шестнадцать лет! Какие повороты судьбы привели ее сюда:

— Мисс Диксон? — спросил Холмс.

Никакой реакции — метла летала взад и вперед с той же скоростью.

— Салли?

Она остановилась, медленно подняла голову и окинула нас тяжелым взглядом:

— Да?

Я увидел, как руки ее впились в ручку метлы, словно это было оружие.

- Мы не хотим вас тревожить, — сказал Холмс. — Вреда мы не причиним.
- Что вам нужно? — Глаза горели яростью. Мы стояли чуть поодаль, не смея приблизиться.
- Мы хотели бы поговорить с вашим братом Россом.

Руки еще крепче вцепились в метлу.

- Кто вы?
- Его друзья.
- Вы из «Дома шелка»? Росса здесь нет. И никогда не было — вам его не найти.
- Мы хотим ему помочь.

— Как же, «помочь»? Так вот, нет его здесь! Вот и уходите. Видеть вас не могу. Идите откуда пришли.

Холмс глянул на меня, и я, желая оказаться полезным, сделал шаг в сторону девушки. Я хотел ее успокоить, но совершил большую ошибку. Я так и не знаю, что именно произошло. Только увидел, что метла грохнулась оземь, и услышал окрик Холмса. Девушка рубанула воздух прямо передо мной — и что-то жаром полыхнуло в груди. Я отшатнулся, прижал руку к своему пальто. Посмотрел вниз — между пальцами сочилась кровь. Я был настолько потрясен, что не сразу понял — меня чем-то пырнули, то ли ножом, то ли осколком стекла. Девушка на миг застыла передо мной — отнюдь не ребенок, она рычала зверьком, глаза сверкали, губы искривились в жуткой гримасе. Холмс кинулся ко мне.

— Ватсон, дорогой мой!

Потом я услышал какое-то движение у себя за спиной.

— Что тут такое?

Это был хозяин. Девушка испустила гортанный вопль, потом развернулась и опрометью кинулась прочь, через узкую арку на улицу.

Мне было больно, но я сразу понял — рана несерьезная. На мне было плотное пальто, а под ним жакет, и беда, какую могло причинить лезвие, была предотвращена, а позже вечером я перевязал и продезинфицировал относительно небольшую рану. Помню, что через десять лет после этого случая я, находясь в обществе Холмса, снова был ранен и, как ни странно это прозвучит, был даже благодарен обоим напавшим на меня: мне стало ясно, что мое физическое состояние великому сыщику отнюдь не безразлично и прохладца, с которой он иногда ко мне относился, была показной.

— Ватсон?

— Пустяки, Холмс. Царапина.

— Что случилось? — резко спросил хозяин. Он смотрел на мои окровавленные руки. — Что вы с ней сделали?

— Лучше спросите, что она сделала со мной, — пробурчал я, хотя, даже пребывая в шоке от происшедшего, не был зол на эту несчастную недокормленную девочку, которая бросилась на меня из страха и неведения, на самом деле не желая причинить мне боль.

— Девочка испугалась, — объяснил Холмс. — Ватсон, вы уверены, что не пострадали? Идемте в дом. Вам нужно сесть.

— Нет, Холмс. Уверяю вас, все не так страшно.

— Ну слава богу. Надо сейчас же вызвать двуколку. Хозяин, мы ищем брата этой девочки. Ему тринадцать лет, такие же светлые волосы, чуть ниже ее ростом, чуть лучше накормлен.

— Росс, что ли?

— Вы его знаете?

— Я же сказал. Он с ней работает. Про него бы и спросили.

— Он сейчас здесь?

— Нет. Пришел несколько дней назад, искал крышу над головой. Я сказал, пусть живет с сестрой, за это будет работать на кухне. У Салли каморка под лестницей, он там и устроился. Только от него хлопот было больше, чем пользы, никогда не дозовешься. Не знаю, что там у него на уме, но он задумал какой-то план, это точно. Унесся как раз перед вашим приездом.

— Куда, не представляете?

— Нет. Может, девчонка знает? Так теперь и она сбежала.

— Я сейчас должен помочь моему другу. Но если кто-то из них вернется, настоятельно прошу вас сообщить об этом мне на Бейкер-стрит, 221-б. Идемте, Ватсон. Обопритесь на меня. Кажется, я слышу кеб...

В итоге полный приключений день завершился возле камина, я восстанавливал силы с помощью бренди с содовой водой, а Холмс неистово курил. Я был погружен в размышления об обстоятельствах, которые таким странным образом повернули ход нашего расследования, — мне казалось, что мы уж слишком далеко отклонились от первоначальной цели: поиска человека в кепке или даже определения личности его убийцы. Допустим, Росс видел убийцу в частной гостинице госпожи Олдмор — но как мальчик мог его узнать? Каким-то образом случайная встреча навела мальчика на мысль о том, что тут можно заработать, и после этого он исчез. Видимо, своими намерениями он поделился с сестрой, потому что она за него явно боялась. Пожалуй, наш приход не был для нее неожиданностью. Иначе с какой бы стати при ней было оружие? И потом эти ее слова: «Вы из „Дома шелка“»? Когда мы вернулись, Холмс изучил свои каталоги и разные энциклопедии, стоявшие на полках, но проникнуть в смысл ее слов ему не удалось. Друг с другом мы этот вопрос не обсуждали. Я был истощен и видел, что мой друг пребывает в состоянии глубокой задумчивости. Судя по всему, придется подождать до завтра. Посмотрим, что принесет новый день.

Новый день принес констебля полиции — он постучал в нашу дверь после завтрака.

— Инспектор Лестрейд передает вам свое почтение, сэр. Он у Саутваркского моста и будет весьма благодарен, если вы составите ему компанию.

— А какова причина?

— Убийство, сэр. И довольно мерзкое.

Мы надели верхнюю одежду и тут же отправились в кебе до Саутваркского моста, он покоился на трех чугунных арках и тянулся через реку со стороны Чипсайда. На южном берегу нас ждал Лестрейд, он стоял с группой полицейских, которые столпились вокруг чего-то, издав далеко напоминавшего кучу тряпья. Ярко светило солнце, но оно снова сопровождалось колючим холодом, а воды Темзы, монотонно разбивавшие свои бурые волны о берег, выглядели как никогда беспощадными. Прямо с дороги мы спустились по винтовой лестнице из серого металла и прошли по берегу, покрытому тиной и галькой. Был отлив — река словно отпрянула, обескураженная тем, что здесь произошло. Неподалеку в реку выступал причал, несколько пассажиров, притопывая и прихлопывая, выдыхая облачка морозного воздуха, ждали парохода. Они никак не вписывались в картину, что развернулась перед нами. Они олицетворяли жизнь. А перед нами предстала смерть.

— Вы его искали? — спросил Лестрейд. — Мальчика из гостиницы?

Холмс просто кивнул. Возможно, боялся, что его подведет голос.

Мальчик был избит до смерти — с особой жестокостью. Ребра, руки, ноги, каждый палец в отдельности — все сломано. Я смотрел на эти жуткие травмы и понимал: их наносили методично, по одной, и смерть Росса была долгой и мучительной. В довершение всего этого ужаса ему перерезали горло — с такой яростью, что голова почти отделилась от шеи. Я за свою жизнь посмотрелся на трупы, и вместе с Холмсом, и во времена моей военно-хирургической практики, но никогда не видел такой леденящей душу картины... Просто не укладывалось в голове, что кто-то может так обойтись с тринадцатилетним подростком.

— Грязная история, — сказал Лестрейд. — Что можете рассказать о нем, Холмс? Он работал на вас?

— Его звали Росс Диксон, — ответил Холмс. — Мне о нем известно очень мало, инспектор. Можете спросить о нем в Хэмурте, в мужской школе «Чорли Гранж», хотя, боюсь, они мало что смогут добавить. Он был сиротой, у него есть сестра, которая до недавнего времени работала в «Мешке с гвоздями», это паб в Ламбете. Может быть, вы ее там еще найдете. А тело вы осмотрели?

— Да. В карманах пусто. Но есть нечто странное, что вам стоит увидеть, хотя что это значит, известно одному Богу. Одно могу сказать — внутри у меня все перевернулось.

Лестрейд кивнул — один из полицейских опустился на колени и взял маленькую сломанную руку убитого. Отодвинул рукав — и мы увидели белую ленту, завязанную вокруг мальчишеского запястья.

— Ткань новая, — сказал Лестрейд. — Видно, что шелк хорошего качества. Смотрите — на ленте нет следов крови или грязи Темзы. Из этого следует, что ее надели мальчику на руку уже после убийства как некий знак.

— «Дом шелка»! — воскликнул я.

— Что это?

— Вы об этом слышали, Лестрейд? — спросил Холмс. — Вам это о чем-то говорит?

— Нет. «Дом шелка»? Это фабрика? Никогда не слышал.

— А я слышал. — Холмс вперился в пространство, в глазах читались ужас и самобичевание. — Белая лента, Ватсон. Она мне уже попадалась. — Он повернулся к Лестрейду. — Спасибо, что вызвали меня и обо всем сообщили.

— Я надеялся, что вы прольете свет на эту историю. Ведь вполне возможно, что тут есть и ваша вина.

— Вина? — Холмс дернулся, будто его ужалила пчела.

— Я предупреждал вас, что эта ваша дружба с мальчишками добром не кончится. Вы его наняли, пустили по следу матерого преступника. Вполне возможно, у него возникли свои идеи, которые и привели его к такому концу. Результат налицо.

Не могу сказать, намеренно ли Лестрейд провоцировал Холмса, но его слова подействовали — я видел, что творилось с Холмсом, когда мы возвращались на Бейкер-стрит. Он забился в угол двуколки и почти всю дорогу сидел молча, не желая встречаться со мной взглядом. Кожа на скулах натянулась, лицо еще больше удлинилось — можно было подумать, что его поразила какая-то страшная болезнь. Я не пытался вызвать его на разговор. Знал — мое утешение ему не требуется. Я просто наблюдал за ним и ждал, когда его гигантский интеллект осмыслит, какой трагический оборот приняло это дело.

— Возможно, Лестрейд прав, — сказал он наконец. — Я действительно пользовался моим подразделением секретной полиции с Бейкер-стрит, не особо заботясь о последствиях. Меня забавляло, что они выстраиваются передо мной в шеренгу, что я плачу им шиллинг-другой, но я никогда намеренно не подставлял их под удар, Ватсон. Вам это известно. Тем не менее меня обвиняют в дилетантстве, предлагают признать себя виноватым. На Виггинса, Росса и всех остальных мальчишек я не обращал никакого внимания, как не обращает на них внимания общество, которое вышвырнуло их на улицы, и мне никогда не приходило в голову, что весь этот ужас может быть следствием моих действий. Не перебивайте меня! Послал бы я мальчишку стоять одного в темноте возле гостиницы, будь это ваш или мой сын? И то, что произошло, не могло не произойти. Мальчик увидел, как в гостиницу вошел убийца. Мы оба заметили, что это привело его в сильное возбуждение. Но он все равно решил, что сможет извлечь из этой ситуации какую-то выгоду. За что и поплатился так жестоко. А виноват в этом я.

И все-таки! И все-таки! Каким образом в эту головоломку вписывается «Дом шелка», как понимать шелковую ленту вокруг детского запястья? Суть дела именно в этом, а вина опять лежит на мне. Меня предупредили! И это чистая правда! Скажу честно, Ватсон, иногда я задаю себе вопрос: а не отказаться ли мне от этой профессии, не попытать ли счастья на каком-нибудь другом фронте? У меня еще не пропало желание написать несколько монографий. Мне всегда были интересны пчелы. Исходя из результатов этого расследования, я не имею права называться сыщиком. Убили ребенка! Вы видели, как с ним обошлись убийцы. Как мне теперь жить?

— Мой дорогой друг...

— Ни слова больше. Я должен вам что-то показать. Меня предупредили, я мог это предотвратить...

Мы приехали к себе. Холмс ринулся в дом, перепрыгивая через две ступеньки. Я проследовал за ним куда медленнее: я ничего не сказал Холмсу, но моя рана болела гораздо сильнее, чем сразу после ее получения. Вскоре я добрался до гостиной — Холмс, схватив со стола какой-то конверт, держал его в руках. Одна из многих особенностей моего друга заключалась в том, что при всем крайнем беспорядке и даже хаосе, окружавшем его — кругом горы писем и документов, — он мог найти нужную бумагу в мгновение ока.

— Вот! — объявил он. — Сам конверт ни о чем не говорит. На нем написано мое имя, но адреса нет. Значит, его принесли прямо сюда. Тот, кто его принес, даже не пытался скрыть свой

почерк, и я, безусловно, смогу его узнать. Обратите внимание на закорючку в букве «с», как в греческой сигме. Эту закорючку я запомню.

— А что внутри? — спросил я.

— Посмотрите сами, — ответил Холмс и протянул мне конверт.

Я открыл его и с нескрываемой дрожью извлек кусочек белой шелковой ленты.

— Но что это значит, Холмс? — спросил я.

— Я задал себе этот же вопрос, когда получил письмо. Теперь я понимаю — это было предупреждение.

— Когда оно было послано?

— Семь недель назад. Я вел тогда странное дело, к которому имел отношение ростовщик, господин Джабез Вилсон, его пригласили вступить...

— В Союз рыжих! — перебил его я, потому что хорошо помнил это дело и имел удовольствие следить за ним вплоть до полного раскрытия.

— Именно. Там была трехсторонняя проблема, если вообще была, и когда принесли этот конверт, мысли мои были далеко. Я раскрыл конверт и попытался вникнуть в суть содержимого, но, будучи поглощен другим делом, отложил в сторону и сразу о нем забыл. Теперь, как видите, он изволил о себе напомнить.

— Но кто мог его послать? И зачем?

— Не представляю, но во имя убитого ребенка я обязательно это выясню. — Холмс протянул руку и выдернул у меня шелковую полоску. Обмотал ею свои худые пальцы и поднес к глазам — так изучают ядовитую змею. — Если кто-то решил бросить мне вызов, я его принимаю, — сказал он, стиснул пальцы с лентой в кулак и ударил воздух. — Увидите, Ватсон, они будут проклинать день, когда принесли мне конверт с этой лентой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ворон и два ключа

Салли на работу не вернулась — ни той ночью, ни на следующее утро. Удивляться было нечему: она напала на меня и, естественно, опасалась последствий. Кроме того, о смерти ее брата сообщили газеты, и, хотя его имя названо не было, она могла знать, что возле Саутваркского моста нашли именно его, потому что в те дни все обо всем узнавали быстро, особенно в бедных районах города. Дурные вести распространялись, как дым от пожара, просачивались в каждое битком набитое обиталище, в каждый занюханный подвал, мягко и настойчиво въедаясь во все, к чему они прикасались. Хозяин «Мешка с гвоздями» о смерти Росса уже знал — к нему успел нагряться Лестрейд, и при нашем появлении он был недоволен еще больше, чем в первый наш приход.

— У меня из-за вас и так хлопот полон рот — вам мало? — спросил он. — Девчонка, конечно, не ахти, но пара рук лишней не бывает, и мне жаль, что она смылась. Да и для дела моего ничего хорошего, когда тут полиция шастает. Послал Бог на мою голову.

— Ваши хлопоты — не из-за нас, господин Хардкасл, — ответил Холмс. Он успел прочитать имя хозяина — Эфраим Хардкасл — на табличке над дверью. — Ваши хлопоты уже были здесь, мы просто пришли по их следу. Наверное, вы были последним, кто видел мальчика в живых. Он вам ничего не сказал перед уходом?

— С чего он будет со мной разговаривать. Или я с ним?

— Но вы сказали, будто у него что-то было на уме.

— Ничего про это не знаю.

— Его замучили до смерти, господин Хардкасл, сломали все кости по одной. Я поклялся найти убийцу и передать его в руки правосудия. Мне это не удастся, если вы откажетесь помочь.

Хозяин медленно кивнул, потом, после паузы, заговорил — уже более взвешенно.

— Хорошо. Парень заявился три дня назад, рассказал какую-то сказку, мол, поругался с соседями и теперь надо где-то ненадолго приткнуться, пока не разберется, что к чему. Салли спросила моего согласия — я разрешил. Почему нет? Двор вы видели. Мусора столько, что ой-ой-ой, — пусть парень разгребает. В первый день он поработал, это точно, ближе к вечеру куда-то убежал, а потом вернулся шибко собой довольный.

— А сестра знала, чем он занимался?

— Может, и знала, но мне ничего не сказала.

— Прошу вас, продолжайте.

— Добавить-то особо нечего, господин Холмс. Потом я его видел только один раз — за несколько минут до того, как появились вы. Он заскочил в паб — я как раз разгружал бочонки с пивом — и спросил, который час... Совсем парень был необразованный, церковные часы прямо через дорогу прекрасно время показывают.

— И потом он отправился на какую-то встречу?

— Видимо, так.

— Наверняка. Зачем еще ребенку, такому, как Росс, знать время? Объяснение одно — ему было велено явиться в такое-то место в такой-то час. Вы сказали, что три дня он ночевал у сестры.

— Да, в ее комнате.

— Хотелось бы на нее взглянуть.

— Полиция там уже была. Они обыскали комнату и ничего не нашли.

— Я не полиция, — сказал Холмс и положил на стойку несколько шиллингов. — Компенсация за причиненные неудобства.

— Очень хорошо. Но на сей раз я ваших денег не возьму. Вы идете по следу чудовища, и будет вполне достаточно, если вы сдержите данное слово, найдете его и не позволите зверствовать впредь.

Он пустил нас внутрь, мы прошли по узкому коридору между пивной и кухней. Лестничный пролет шел вниз, к погребам, хозяин со свечой в руках завел нас в унылую комнатенку, что приткнулась под ними, — окон нет, пол из грубо сколоченных досок. Именно здесь Салли,

уставшая после тяжелого и долгого дня, оставалась наедине с собой — укрыться тонким одеялом и поспать на брошенном прямо на пол матрасе. В центре этого подобия ложа лежали два предмета — нож и кукла, которую она наверняка добыла в какой-нибудь куче барахла. Глядя на сломанные конечности и белое пятно кукольного лица, я не мог не подумать о брате Салли, которого выбросили на свалку точно так же, между делом. В углу стояли стул и маленький стол со свечой. Едва ли полицейский обыск затянулся — кроме куклы и ножа, у Салли ничего не было, если не считать имени.

Холмс внимательно оглядел комнатку.

— Зачем тут нож? — спросил он.

— Для защиты, — предположил я.

— Для защиты у нее было другое оружие, она носила его с собой, как вам прекрасно известно. Тот нож остался при ней. А этот совсем тупой.

— Украден с кухни, — пробурчал Хардкасл.

— По-моему, нам кое-что расскажет свеча. — Речь шла о незажженной свече, что стояла на столе. Холмс взял ее, опустил на корточки и заковылял по половицам. Я не сразу понял, что он движется по следу, который оставили почти не видимые глазу капельки расплавленного воска. Он, разумеется, заметил их сразу. Они привели его в дальний от кровати угол. — Она пришла сюда со свечой... Опять-таки зачем? Разве что... Ватсон, дайте нож.

Я выполнил просьбу, и Холмс ввел лезвие в трещину между двумя половицами. Одна из них двигалась свободно, с помощью ножа Холмс отжал ее, сунул руку внутрь и достал завязанный носовой платок.

— Господин Хардкасл, не сочтите за труд...

Хозяин поднес поближе зажженную свечу. Холмс развернул платок, и в свете мерцающего пламени нашим взорам предстали несколько монет: три фартинга, два флорина, крона, золотой соверен и пять шиллингов. Для двух сирот это было настоящее состояние, но кому из них принадлежали эти деньги?

— Это деньги Росса, — произнес Холмс, словно читая мои мысли. — Этот соверен дал ему я.

— Но, дорогой Холмс! Где доказательство, что это тот самый соверен?

Холмс поднес монету к свету.

— Дата та же самая. Посмотрите на рисунок. Святой Георгий скачет на лошади, а на ноге у него глубокая царапина. Я заметил ее, когда передавал монетку. Это часть гиней, которую Росс заработал в компании «внештатников». Но откуда остальные?

— Остальные ему дал дядя, — пробурчал Хардкасл. — Когда он пришел проситься на ночлег, то заявил, что готов заплатить за комнату. Я только посмеялся, а он сказал, что деньги ему дал дядя. Я ему все равно не поверил, велел расчистить двор — вот ночлег и отработает. Знай я, что у него такие запасы, предложил бы ему комнату наверху, вполне приличную.

— Так, кое-что становится понятным. Складывается осмысленная картинка. Парень решил воспользоваться сведениями, которые получил, стоя у гостиницы госпожи Олдмор. Он идет куда-то, заявляет о себе и выдвигает требования. Его приглашают на встречу... в определенном месте, в определенное время. Эта встреча стала для него роковой. По крайней мере, он предпринял меры предосторожности, оставил все свое богатство у сестры. Она спрятала монеты под половицу. Сейчас она наверняка в полном отчаянии: мы с вами, Ватсон, ее спугнули, и как ей теперь вернуть свое сокровище? Последний вопрос, господин Хардкасл, и мы вас оставим. Салли когда-нибудь говорила вам про «Дом шелка»?

— «Дом шелка»? Нет, господин Холмс. Никогда о нем не слышал. Что мне делать с монетами?

— Оставьте у себя на хранение. Девочка потеряла брата. Она потеряла все. Может быть, когда-то она вернется к вам за помощью, и по меньшей мере вы сможете вернуть ей эти деньги.

Распроставшись с хозяином «Мешка с гвоздями», мы пошли вдоль изгибавшейся Темзы в направлении Бермондси. Я поинтересовался у Холмса: он снова хочет навеститься в ту самую гостиницу?

— Не в гостиницу, Ватсон, — возразил Холмс, — но в те края. Надо найти источник богатства Росса. Скорее всего, тут и кроется причина его убийства.

— Но деньги ему дал дядя, — напомнил я. — И если его родители мертвы, кто поможет найти его родственников?

Холмс засмеялся.

— Ватсон, вы меня удивляете. Неужели вы не знакомы с языком, на котором говорит как минимум половина Лондона? Каждую неделю тысячи тружеников и сезонных рабочих навещают своих дядей — владельцев ломбардов. Именно там Росс и получил свой злосчастный доход. Вопрос в том, что он оставил в залог под эти флорины и шиллинги?

— И где он это оставил? — добавил я. — Только в этой части Лондона таких ломбардов сотни.

— Вы правы. С другой стороны, вспомните: Виггинс вел нашу загадочную жертву от ломбарда до самой гостиницы и сказал, что Росс и сам там частенько бывал. Там и надо искать его «дядю».

Ломбард — лоно утраченных иллюзий и несбывшихся грез! Каждый класс, каждая профессия, каждый социальный слой были представлены в этих плохо вымытых витринах: к стеклу, подобно бабочкам, были пришпилены самые разнообразные осколки человеческих жизней. Над входом в ломбард на проржавевших цепях висели три красных шара на синем фоне, они отказывались качаться на ветру, как бы подчеркивая незыблемость происходящего здесь: если владелец расстался со своей собственностью, назад ее уже не вернуть. Надпись под вывеской гласила: «Ссужаем деньги под залог: посуда, драгоценности, одежда, любая форма собственности», и даже клад Аладдина в подземелье едва ли мог сравниться с тем, что хранилось здесь. Гранатовые брошки, серебряные часы, китайские чашки и вазы, подставки для ручек, чайные ложки, книги — все это сражалось за место на полках с такими разрозненными предметами, как заводной солдатик и чучело сойки. Целая армия шахматных фигурок охраняла поле битвы, где на зеленом сукне были выложены кольца и браслеты. Какой работяга заложил стамеску и пилу, чтобы в выходной день порадовать себя пивом и колбасой? Какой девочке пришлось идти в церковь без своего воскресного платья, потому что ее родители хотели хоть что-то поставить на обеденный стол? В окне ломбарда можно было проследить, как человечество приходит в упадок. Но это же окно было пиршеством для глаз. Скорее всего, именно сюда наведывался Росс.

Я видел ломбарды в Вест-Энде и знал: обычно имеется боковая дверка, куда можно проникнуть незамеченным. Но здесь такой роскоши не было, жители Бридж-лейн особой изысканностью не отличались. Дверь была одна, она стояла открытой. Я прошел за Холмсом в окутанное полумраком помещение — там был всего один человек, он сидел, взгромоздившись на высокий табурет, и читал, держа книгу одной рукой, а другая лежала на стойке. Он медленно вращал пальцами, будто вертел на ладони какой-то невидимый предмет. Этому хрупкому узколицему человеку было с виду лет пятьдесят, на нем были застегнутая на все пуговицы рубашка, сюртук и шарф. Все его манеры говорили о дотошности и аккуратности, и в голову мне пришло сравнение с часовщиком.

— Чем могу помочь, господа? — поинтересовался он, едва поднимая глаза от страницы. Но он, видимо, успел окинуть нас оценивающим взглядом, когда мы входили, потому что сказал в продолжение: — Полагаю, вы пришли по официальному делу. Вы из полиции? Если это так, то помочь вам не смогу. О моих клиентах я не знаю абсолютно ничего. Это мое правило — вопросов не задавать. Если вы хотите что-то у меня оставить, я предложу вам достойную цену. В противном случае — всего вам наилучшего.

— Меня зовут Шерлок Холмс.

— Сыщик? Я польщен. Что же привело вас сюда, господин Холмс? Может быть, сапфировое ожерелье в золоте? Симпатичная штука. Я заплатил за него пять фунтов, но полиция его у меня забрала, так что ни о какой прибыли нет речи. А я вполне мог бы его продать за десять, представься мне такая возможность. Но жизнь есть жизнь. Всех нас ждет крах — кого-то раньше, кого-то позже.

Я знал, что по крайней мере частично он лжет. Сколько бы ни стоило ожерелье госпожи Карстерс, он заплатил бы Россу максимум несколько пенсов. Возможно, те самые фартинги, которые мы нашли в тайнике.

— Ожерелье нас не интересует, — сказал Холмс. — Равно как и человек, который его сюда принес.

— Оно и правильно, потому что американец, который его сюда принес, отправился на тот свет — так мне сказала полиция.

— Нас интересует другой ваш клиент. Мальчик по имени Росс.

— Я слышал, что Росс тоже оставил эту юдоль слез. Согласитесь, жуткое невезенье — потерять двух голубков сразу!

— Недавно вы заплатили Россу деньги.

— Кто вам это сказал?

— Вы это отрицаете?

— Не отрицаю, но и не подтверждаю. Просто говорю вам, что я занят и буду чрезвычайно благодарен, если вы оставите меня в покое.

— Как вас зовут?

— Рассел Джонсон.

— Замечательно, господин Джонсон. У меня к вам предложение. Я куплю у вас то, что принес вам Росс, и дам хорошую цену, но при одном условии — вы будете играть со мной в открытую. Мне о вас, господин Джонсон, известно очень многое, и если попытаетесь мне лгать, я это сразу увижу, вернусь с полицией и все равно заберу то, что мне нужно, а вы останетесь без прибыли.

Джонсон улыбнулся, но мне показалось, что в его взгляде сквозит раздражение.

— Обо мне, господин Холмс, вам не известно ровным счетом ничего.

— Вы полагаете? Пожалуйста: вы родом из богатой семьи, получили хорошее образование. Могли бы стать успешным пианистом, потому что таково было ваше желание. Но вас сгубила некая страсть, скорее всего к азартным играм, если точнее, к игре в кости. В этом году вы сидели в тюрьме за скупку краденого и причиняли хлопоты тюремным надзирателям. Вас продержали под замком почти три месяца, но в октябре отпустили, и сейчас торговля ваша идет бойко.

Впервые Джонсон отнесся с вниманием к словам Холмса.

— Кто вам все это рассказал?

— Мне не нужно ничего рассказывать, господин Джонсон. Все это до боли очевидно. Повторяю свой вопрос: что вам принес Росс?

Джонсон обдумал сказанное, потом неторопливо кивнул.

— Этот мальчик, Росс, пришел ко мне два месяца назад, — начал он. — В Лондон он только приехал, устроился в «Кингс Кросс», а сюда его привели другие беспризорники. Я мало что о нем помню, но накормлен и одет он был лучше остальных, а с собой принес брегет, наверняка украденный. Потом он заходил еще несколько раз, но ничего достойного больше не приносил. — Он подошел к шкафчику, порылся в нем и достал карманные часы с цепочкой, в золотой оправе. — Вот этот брегет, мальчику я дал за него пять шиллингов, хотя стоит он не меньше десяти фунтов. Платите столько, сколько заплатил я, — и он ваш.

— А взамен?

— Расскажите, откуда вам так много обо мне известно. Я знаю, что вы сыщик, но никогда не поверю, что вам достаточно одной мимолетной встречи — и вы можете, щелкнув пальцами, рассказать всю мою подноготную.

— Но это же так просто... Если я вам все объясню, вы огорчитесь, что сильно продешевили.

— А если не объясните, я потеряю сон.

— Хорошо, господин Джонсон. Ваша манера говорить со всей очевидностью выдает в вас человека образованного. Когда мы вошли, я сразу обратил внимание, что вы читаете письма Флобера к Жорж Санд в оригинале. Приличное знание французского может получить ребенок только из богатой семьи. Вы также проводили долгие часы за фортепьяно. Пальцы пианиста узнать несложно. Вы работаете здесь, а это значит, что в вашей жизни произошла какая-то катастрофа, которая привела к быстрой потере и богатства, и положения в обществе. Что с вами могло случиться? Выбор не так велик: алкоголь, наркотики, не исключен крах вашего дела. Но вы упомянули везенье, а своих клиентов называли голубками, а так часто называют тех, кто только что приобщился к азартным играм, и именно эти ассоциации приходят в голову. Кстати, у вас есть одна привычка. Вы вертите ладонь, как будто собираетесь бросить на стол кости.

— А тюремное заключение?

— Вас постригли, что называется, бобриком — это тюремная стрижка. Но она была сделана месяца два назад — волосы уже успели отрасти, стало быть, выпустили вас в сентябре. Мой вывод подтверждается и цветом вашей кожи. Последний месяц выдался необычайно жарким и солнечным, и понятно, что вы провели его на свободе. На обеих ваших кистях есть следы от наручников — значит, особым послушанием в тюрьме вы не отличались. Самое очевидное

преступление для хозяина ломбарда — это скупка краденого. Что касается этого конкретного ломбарда, сразу видно, что вы довольно долго отсутствовали — книги в витрине выгорели от солнечного света, на полках лежит слой пыли. При этом я вижу, что многие предметы — среди них ваш брегет — не запылены, то есть появились у вас недавно, значит, торговля в последнее время идет бойко.

Джонсон передал мне мой приз.

— Спасибо, господин Холмс, — сказал он. — Ваши выводы предельно точны. Я из родовитой семьи в Сассексе и когда-то действительно мечтал о карьере пианиста. Однако она не состоялась, и я подался в сферу права, где вполне мог преуспеть, — но это ведь скука смертная! Потом как-то вечером приятель отвел меня во франко-германский клуб на Шарлотт-стрит. Едва ли он вам известен. Ничего французского либо германского в нем нет. Заправляет этим заведением еврей. Неприметная дверь с ограждающей решеткой, покрашенные окна, темная лестница ведет в залитые светом комнаты наверху... Как только я все это увидел, судьба моя была предрешена. Именно этих ярких впечатлений так не хватало в моей жизни. Я заплатил вступительный взнос в два с половиной шиллинга — и попал в мир карт, рулетки и, разумеется, игральные кости. Я обнаружил, что рабочий день стал для меня невыносимой обузой, и я ждал наступления вечера, чтобы предаться его соблазнам. Меня окружали чудесные новые друзья, все они были рады меня видеть, и все они до одного были подсадными, то есть владелец заведения платил им за то, чтобы они соблазняли меня на игру. Иногда я выигрывал. Чаще проигрывал. В один вечер просадил пять фунтов, в другой десять. Что к этому добавить? Я стал халатно относиться к работе. Вскоре меня уволили. На остатки сбережений я купил эту халупу, полагая, что новое занятие, пусть низкое и презренное, займет меня без остатка. Где там! Я и сейчас хожу туда — из вечера в вечер. Не могу удержаться, и что меня ждет впереди, известно одному Богу. Мне стыдно подумать, что могли бы сказать обо мне нынешнем мои родители. К счастью, до этого дня они не дожили. Жены или детей у меня нет. Одно меня утешает — никому в этом мире до меня нет дела. А стало быть, и стыдиться мне нечего.

Холмс заплатил ему оговоренную сумму, и мы вернулись на Бейкер-стрит. Но если я и думал, что на этот день нашим праведным трудам пришел конец, я сильно ошибался. В кебе Холмс занялся изучением брегета. Это были часы прекрасной работы, с крошечным репетиром, белым эмалированным циферблатом в золотом футляре, производитель — женевская компания «Тушон». Других имен или надписей не было, но на оборотной стороне Холмс обнаружил гравюру: на скрещенных ключах сидела птица.

— Семейный герб? — предположил я.

— Ватсон, вы блистательны, — отозвался Холмс. — Мне кажется, вы попали в точку. Будем надеяться, моя энциклопедия позволит нам проникнуть в суть вопроса.

И правда, энциклопедия нам рассказала, что ворон и два ключа — это герб семьи Рейвеншо, одного из самых старинных родов в Британском королевстве, усадьба расположена в Глостершире, неподалеку от деревни Колн-Сент-Алдвин. Лорд Рейвеншо, министр иностранных дел в нынешнем правительстве, недавно скончался в возрасте восьмидесяти двух лет. Его сын, почтенный Алек Рейвеншо, был единственным наследником, и теперь ему достались и титул, и родовое поместье. Холмс поверг меня в состояние легкого шока, заявив, что мы должны немедленно выехать из Лондона. Но я слишком хорошо знал его и, в частности, свойственную ему непоседливость. Понятно, что отговаривать его было бесполезно. А уж о том, чтобы отпустить его одного, не могло быть и речи. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: свои обязанности биографа я выполнял с тем же усердием, с каким он проводил очередное расследование. Возможно, именно поэтому мы так легко находили общий язык.

Я быстро собрал вещи для ночлега вне дома, и к заходу солнца мы уже оказались в симпатичной гостинице, где нас ждал ужин из бараньей ноги в мятном соусе и пинты вполне приличного кларета. О чем мы говорили за ужином — не помню. Кажется, Холмс спрашивал меня о моей врачебной практике, а я, если не путаю, рассказал ему об интересной работе Мечникова — о теории клетки. Холмс всегда проявлял острый интерес к медицине и другим наукам, но, как я уже где-то писал, старался не перегружать свой мозг сведениями, не имевшими, по его мнению, материальной ценности. Не дай вам бог завести с ним разговор о политике или философии. Десятилетний ребенок расскажет вам больше. О том вечере могу только сказать, что разговор как-

то сам собой перешел на обсуждение дела, которое расследовал Холмс, и, хотя атмосфера была легкой и непринужденной — как обычно, когда мы коротали вечер вдвоем, — я понимал, что мой друг преследует определенную цель. На душе у него было беспокойно. Смерть Росса глубоко задела его и не позволяла расслабиться.

Еще перед завтраком Холмс послал свою карточку в Рейвеншо-холл с просьбой об аудиенции, и ответ не заставил себя ждать. У нового лорда Рейвеншо какие-то дела, не терпящие отлагательства, но он будет рад видеть нас в десять часов. Когда церковные часы начали отбивать десять, мы шли по подъездной дорожке к шикарному особняку эпохи королевы Елизаветы, выстроенному из котсуолдского камня и окруженному сверкавшими утренним морозцем лужайками. Наш друг, орел с двумя ключами, явил себя в резном орнаменте из камня возле главных ворот, а также над притолокой входной двери. От гостиницы мы пришли пешком, совершив приятную и не слишком долгую прогулку. Уже на подходе мы заметили экипаж. Вдруг из особняка торопливой походкой вышел мужчина, сел в него и захлопнул за собой дверцу. Кучер хлестнул лошадей, и через секунду экипаж, прогромыхав мимо нас, скрылся из виду. Но я успел узнать визитера.

— Холмс, — сказал я. — Я ведь знаю этого человека?

— Разумеется, Ватсон. Это господин Тобиас Финч, верно? Старший партнер в картинной галерее «Карстерс и Финч» на Элбмарл-стрит. Занятое совпадение, вам не кажется?

— Да, это весьма странно.

— Пожалуй, обсуждая интересующий нас вопрос, следует проявить деликатность. Если лорд Рейвеншо считает необходимым распродавать семейное наследство...

— Возможно, он хочет что-то купить.

— Не исключено.

Мы позвонили. Нам открыл лакей и провел нас через вестибюль в гостиную, размер которой сделал бы честь любому барону. На стенах из деревянных панелей висели семейные портреты, а потолок уходил в такую высь, что посетитель боялся поднять голос — вдруг ответом ему будет эхо? Многостворчатые окна выходили в сад, где благоухали розы, а за ним простирался олений заповедник. Несколько стульев и диванов располагались вокруг массивного каменного камина — на его перекладине был вырезан все тот же ворон, — в пламени потрескивали зеленоватые поленья. Возле камина, согревая руки, стоял лорд Рейвеншо. Мое первое впечатление о нем было не самым благоприятным. Грива серебристых волос зачесана назад, в румянном лице что-то отталкивающее. Глаза заметно выступали из глазниц, и мне тут же пришло в голову, что у него не все в порядке со щитовидной железой. На нем были жокейская куртка и кожаные сапоги, из-под мышки торчала рукоять кнута. Мы еще не успели представиться, а он уже всем своим видом показал, что его ждут другие дела.

— Господин Шерлок Холмс, — сказал он. — Да, да, кажется, я о вас слышал. Вы детектив? Не представляю, каким образом наши интересы могут пересекаться.

— У меня есть некий предмет, лорд Рейвеншо, который, как я полагаю, принадлежит вам.

Сесть нам не предложили. Холмс достал часы и передал их владельцу поместья.

Рейвеншо взял часы. Взвесил на руке, словно пытаюсь определить, действительно ли это его вещь. Постепенно выражение его лица изменилось — он вспомнил. Видимо, подумал, как эти часы попали к Холмсу. Лорд был, несомненно, рад, что его собственность нашлась. Он не произнес ни слова, но все чувства отразились на его лице так явно, что распознать их без особого труда сумел даже я.

— Что ж, я вам очень обязан, — произнес он наконец. — Я очень люблю эти часы. Мне подарила их сестра. Вот уж не рассчитывал, что увижу их снова.

— Мне хотелось бы знать, при каких обстоятельствах они пропали, лорд Рейвеншо.

— Это я помню точно, господин Холмс. Летом, в Лондоне. Я поехал в оперу.

— Месяц не вспомните?

— Июнь. Я вылез из экипажа, и в меня врезался уличный беспризорник. Лет двенадцати-тринадцати, не больше. Мне и в голову ничего не пришло, но во время антракта я решил взглянуть на часы — и только тогда понял, что меня ограбили.

— Часы очень красивые, понятно, что для вас они представляют большую ценность. Вы заявили о краже в полицию?

— Мне не очень ясен смысл ваших расспросов, господин Холмс. Откровенно говоря, меня вообще удивляет, что человек вашего положения самолично приезжает из Лондона, чтобы вернуть украденную вещь. Вы рассчитываете на вознаграждение?

— Отнюдь нет. Эти часы — улика в проводимом мною расследовании, и я надеялся, что вы сможете помочь.

— Боюсь, вынужден вас разочаровать. Больше мне ничего не известно. О краже я не заявлял, потому что воров и мошенников на улицах пруд пруди, полиция вряд ли сможет что-то сделать, а раз так, к чему тратить их время? Я очень благодарен вам, господин Холмс, за возвращенные часы и буду счастлив оплатить вам ваше время и расходы на дорогу. Думаю, это все, и я с удовольствием пожелаю вам всего наилучшего.

— Последний вопрос, лорд Рейвеншо, — невозмутимо произнес Холмс. — Когда мы прибыли, из дома вышел человек. К сожалению, мы с ним разминулись. Верно ли, что это был мой старый друг, господин Тобиас Финч?

— Друг?

Как и подозревал Холмс, лорд Рейвеншо не сильно обрадовался тому, что был замечен в обществе галериста.

— Знакомый.

— Коль скоро вы спросили — да, это был он. Я не люблю обсуждать семейные дела с посторонними, господин Холмс, но могу вам сказать: мой отец обладал жутким вкусом, и я намерен избавиться по крайней мере от части его коллекции. Я провел переговоры с несколькими галереями Лондона. «Карстерс и Финч» выглядит самой благоразумной.

— Господин Финч никогда не упоминал о «Доме шелка»?

Холмс задал вопрос, и в воздухе повисла тишина, которую нарушал лишь треск поленьев в камине.

— Вы сказали, господин Холмс, что у вас остался только один вопрос. Это уже второй, и мне кажется, что я терплю ваши неуместные реплики достаточно долго. Мне позвать слугу или вы уйдете сами?

— Был счастлив с вами познакомиться, лорд Рейвеншо.

— Весьма признателен, что вы вернули мои часы, господин Холмс.

Я был рад выйти на воздух, потому что среди этого великолепия и богатства чувствовал себя как в ловушке. Мы пошли к воротам, и Холмс ухмыльнулся:

— Вот вам и еще одна загадка, Ватсон.

— Откуда у него такая враждебность, Холмс?

— Я говорю о краже часов. Если их украли в июне, Росс тут ни при чем: как мы знаем, он в то время находился в мужской школе «Чорли Гранж». Если верить Джонсону, в ломбард часы попали несколько недель назад, в октябре. Что же с ними было целых четыре месяца? Если их украл все-таки Росс, почему так долго держал у себя?

Уже у самых ворот мы увидели у себя над головами черную птицу — не ворона, а ворону. Я проследил за ее полетом и перевел взгляд в сторону усадьбы. Я увидел лорда Рейвеншо, он стоял у окна и наблюдал за нашим уходом. Руки он держал на бедрах, а его круглые выпученные глаза неотрывно следили за нами. Я могу ошибаться, потому что мы ушли от усадьбы на достаточное расстояние, но мне показалось, что его лицо пылало ненавистью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Предупреждение

— Ничего не поделаешь, — сказал Холмс и с легким раздражением вздохнул. — Придется побеспокоить Майкрофта.

Впервые я встретился с Майкрофтом Холмсом, когда он обратился за помощью по просьбе своего соседа, переводчика с греческого, которого шантажировали какие-то два злодея. До тех пор я не имел ни малейшего понятия о том, что у Холмса есть брат на семь лет его старше. Как-то в моем сознании Шерлок Холмс не был связан никакими семейными узами. Может показаться странным, что человек, которого я вполне обоснованно считаю своим ближайшим другом и в чьем обществе я провел много сотен часов, никогда не рассказывал мне о своем детстве, о родителях, о месте, где он родился, вообще о чем-нибудь, имевшем отношение к его жизни до Бейкер-стрит. Разумеется, такова была его природа. Он никогда не отмечал свой день рождения, и эта дата мне стала известна только из некролога. Как-то он обмолвился, что его предки были поместными сквайрами, а один из его родственников был известным художником, но в общем он предпочитал делать вид, что никакой семьи у него не существовало и столь одаренный человек, как он, явился в наш бранный мир без постороннего вмешательства.

Когда я впервые услышал, что у Холмса есть брат, это как-то приблизило великого сыщика к роду человеческому — по крайней мере, до моей личной встречи с этим братом. Майкрофт во многих отношениях был не меньшим оригиналом, чем Холмс: холост, без родственных связей, живет в собственном маленьком мирке. Этот мирок преимущественно ограничивался клубом «Диоген» на Пэлл-Мэлл, там Майкрофта можно было найти ежедневно, с без четверти пять до восьми. Кажется, он и жил где-то неподалеку. «Диоген», как всем прекрасно известно, обслуживал самых нелюдимых и самых «неклубных» мужчин в Лондоне. Друг с другом никто не разговаривал. Можно сказать, разговоры там вообще не приветствовались, за исключением комнаты для посетителей, да и там течение беседы было очень вялым. Помню, как-то прочитал в газете, что местный привратник пожелал члену клуба доброго вечера — и был быстро уволен. Обеденная зала по теплу и живости атмосферы едва ли уступала монастырю траппистов, но пища, по крайней мере, была отменная — шеф-повар клуба был француз с именем. От еды Майкрофт получал явное удовольствие — одного взгляда на его дородную фигуру было достаточно, чтобы в этом убедиться. Так и вижу его втиснутым в кресло, слева на столике — бренди, справа — сигара. Встреча с ним всегда повергала меня в смущение, потому что я узнавал в нем, пусть мимоходом, некоторые черты моего друга: светло-серые глаза, тот же острый взгляд, как-то не вязавшийся с этой живой горой плоти. Тут Майкрофт поворачивал голову, и оказывалось, что перед тобой совершенно чужой человек, весь его облик словно предупреждал тебя: никакого панибратства. Иногда я задумывался: а какими мальчишками эти братья были в детстве? Дрались друг с другом, вместе читали, вместе пинали по двору мяч? Моя фантазия пасовала, потому что тот и другой выросли в таких взрослых, глядя на которых мысль о мальчишестве как-то не приходит в голову.

При первом упоминании Майкрофта Холмс сказал, что тот работает аудитором в нескольких государственных ведомствах. Но это оказалось правдой лишь наполовину: позже я узнал, что брат Холмса был фигурой куда более важной и влиятельной. Я, естественно, говорю о похищении из адмиралтейства чертежей засекреченной подводной лодки Брюса-Партиingtonа. Вернуть их поручили именно Майкрофту. Тогда Холмс мне и признался, что в правительственных кругах брат котируется очень высоко, он живое хранилище множества тайных фактов, и когда министерствам надо что-то узнать, за консультацией обращаются к нему. По мнению Холмса, избери брат карьеру сыщика, он был бы ему ровней и даже — как ни удивительно мне было слышать это признание — кое в чем бы Холмса переплюнул. Но Майкрофт Холмс страдал одним серьезным недостатком. Нега и лень настолько пропитали все его существо, что раскрыть даже самое простое преступление было выше его сил — он нипочем не сумел бы вспылать к нему интересом. Кстати, он еще жив. Когда я слышал о нем в последний раз, ему даровали титул рыцаря и звание почетного ректора одного известного университета, но с той поры он уже ушел в отставку.

— Он в Лондоне? — спросил я.

— Он редко бывает за его пределами. Я дам ему знать, что мы навестим его в клубе.

По сравнению с другими клубами на Пэлл-Мэлл «Диоген» был размером поменьше и архитектурным обликом напоминал венецианский дворец в готическом стиле — арочные окна с изысканным рисунком, маленькие балюстрады. Как следствие, изнутри дом выглядел довольно мрачно. Парадная дверь вела в атриум, который тянулся вверх по всей длине здания и венчался где-то в вышине куполообразным окном, но архитектор загромоздил это сооружение чрезмерным количеством галерей, колонн и лестниц, в результате лишь немного света пробивалось внутрь. Посетителей допускали только на первый этаж. По правилам клуба два дня в неделю они имели возможность в сопровождении члена клуба подняться в ресторанный зал этажом выше, но за семьдесят лет существования клуба такого не случилось ни разу. Майкрофт принял нас, как обычно, в комнате для посетителей — дубовые полки проседали под тяжестью мудрых томов, отовсюду на тебя смотрели мраморные бюсты, а через эркер открывался вид на Пэлл-Мэлл. Над камином висел портрет королевы, выполненный, как было известно, членом клуба. Королеву оскорбило, что кроме нее художник поместил на полотне бродячую собаку и картофелину, хотя лично мне символика обоих этих предметов всегда была непонятна.

— Дорогой Шерлок! — воскликнул Майкрофт, войдя в комнату своей утиной походкой. — Как дела? Вижу, похудел. Рад, что ты снова в своей обычной форме.

— А ты поправился после гриппа.

— Пустяшное недомогание. Мне очень понравилась твоя монография о татуировках. Видимо, писал поздними вечерами. Бессонница не мучает?

— Лето было чересчур теплым. Ты не говорил мне, что приобрел попугая.

— Позаимствовал. Доктор Ватсон, рад вас видеть. Вы с женой не виделись уже неделю, но надеюсь, что у нее все хорошо... Ты только что вернулся из Глостершира.

— А ты из Франции.

— Миссис Хадсон была в отъезде?

— На прошлой неделе вернулась. У тебя новая повариха.

— Превняя ушла.

— Из-за попугая.

— Она из тех, кому ничем не угодишь.

Этот обмен происходил с такой быстротой, что я чувствовал себя зрителем на теннисном матче, когда дергаешь головой то в одну, то в другую сторону. Майкрофт приглашающим жестом указал на диван, а собственную тушу разместил на кушетке.

— Я очень огорчился, когда узнал о смерти того мальчика, Росса, — сказал он, неожиданно посерьезнев. — Я ведь тебя отговаривал пользоваться услугами этих бродяжек, Шерлок. Надеюсь, он пострадал не из-за тебя.

— Говорить с определенностью пока рано. Ты читал, что пишут газеты?

— Разумеется. Расследование поручено Лестрейду. Он неплохой человек. Но что это за история с белой лентой? Она меня чрезвычайно беспокоит. Поскольку мальчика убивали долго и болезненно, мне кажется, что лента — это предупреждение. Основной вопрос, на который ты ищешь ответ: это предупреждение общего характера или оно предназначено лично тебе?

— Семь недель назад мне прислали кусочек белой ленты.

Холмс принес конверт с собой. Сейчас он достал его и передал брату, и тот внимательно его оглядел.

— Конверт мало о чем говорит, — заключил Майкрофт. — В твой почтовый ящик его положили поспешно: видишь, край поцарапан. Твое имя написано правой рукой, человеком образованным. — Он достал из конверта ленту. — Шелк индийский. Это ты и без меня понял. Он был под воздействием солнечного света — ткань немного ослабла. Длина ровно девять дюймов, это уже интересно. Ленту купили у шляпника, а потом разрезали на две части равной длины — один конец отрезан профессионально, острыми ножницами, а другой на скорую руку, ножом. Больше, пожалуй, мне добавить нечего, Шерлок.

— Я большего и не ждал, братец Майкрофт. Но не скажешь ли ты, что сия лента означает? Доводилось ли тебе слышать об организации, которая называется «Дом шелка»?

Майкрофт покачал головой.

— Никогда не слышал. Звучит как название магазина. Погоди-ка, мне кажется, в Эдинбурге был торговец мужской галантереей с такой фамилией. Может, ленту купили именно там?

— В данных обстоятельствах это маловероятно. Впервые эти слова мы услышали от девочки, которая, скорее всего, всю жизнь прожила в Лондоне. Они наполнили ее таким страхом, что она ударила доктора Ватсона, ранила ножом в грудь.

— Боже правый!

— Я также упомянул это название в разговоре с лордом Рейвеншо...

— Сын бывшего министра иностранных дел?

— Он самый. Он явно встрепнулся, хотя не хотел этого показать.

— Что ж, Шерлок, я наведу для тебя кое-какие справки. Сможешь заглянуть в это же время завтра? А я тем временем ухвачусь за этот след. — Он сгреб белую ленту пухлой рукой.

Но ждать целые сутки нам не пришлось — Майкрофт провел расследование быстрее. На следующее утро часов около десяти мы услышали перестук подъезжающих колес, и Холмс, стоявший у окна, выглянул наружу.

— Это Майкрофт! — вскричал он.

Я подошел к нему и увидел, как брату Холмса помогают выйти из ландо. Было ясно, что это невероятное событие, потому что Майкрофт никогда не навещал нас на Бейкер-стрит, ни раньше, ни потом. Холмс погрузился в молчание, лицо его заметно помрачнело, из чего я заключил: наши дела приняли поистине зловещий оборот — что еще могло стать причиной такого уникального визита? Пришлось подождать, пока Майкрофт поднимется к нам в комнату. Ступени перед входом были узкими и крутыми, вдвойне неудобными для человека его пропорций. Наконец он появился в дверном проеме, быстро огляделся и сел в ближайшее кресло.

— Здесь ты и живешь? — спросил он. Холмс кивнул.

— Именно так я себе это и представлял. Даже расположение камина — ты сидишь справа, а твой друг, разумеется, слева. Как странно мы обрастаем привычками, и как часто нами руководит окружающее пространство.

— Выпьешь чаю?

— Нет, Шерлок. Долго я не пробуду. — Майкрофт достал конверт и протянул его брату. — Этот конверт твой. Я тебе его возвращаю с советом, который ты, как я очень надеюсь, примешь к сведению.

— Прошу тебя, продолжай.

— У меня нет ответа на твой вопрос. Я понятия не имею, что такое «Дом шелка» или как его найти. Говорю тебе со всей искренностью: я предпочел бы, чтобы он находился где-нибудь далеко, тогда, возможно, у тебя было бы больше оснований принять то, что я сейчас скажу. Ты должен немедленно прекратить свое расследование. Никаких дальнейших расспросов. Забудь о «Доме шелка», Шерлок. Никогда больше не произноси этих слов.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

— Я знаю, что ты за человек. Именно поэтому я проехал через весь Лондон поговорить с тобой лично. Я понимаю, что мое предупреждение может тебя только раззадорить и превратить твои поиски в личный крестовый поход, но надеюсь, что мой приезд сюда подчеркивает серьезность того, о чем я говорю. Я мог бы подождать до вечера, а уж потом сообщить тебе, что мои расспросы ни к чему не привели, и ты стал бы искать дальше. Но я не могу так поступить, потому что знаю: ты подвергаешь себя серьезнейшей опасности, себя и доктора Ватсона. Я объясню тебе, что произошло после нашей встречи в «Диогене». Я поговорил с двумя знакомыми чиновниками из министерств. Сам я в то время полагал, что «Дом шелка» — это некая преступная группа, и надеялся услышать, что в полиции или разведке следят за ее деятельностью. Однако мои собеседники были бессильны мне помочь. По крайней мере, так они мне сказали.

Но следующий день преподнес мне весьма неприятный сюрприз. Когда сегодня утром я вышел из дому, меня ждал экипаж — отвезти в Уайтхолл. Там я встретился с человеком, чье имя назвать не могу, но оно тебе хорошо известно — он работает под непосредственным началом премьер-министра. Могу добавить, что этого человека я хорошо знаю и никогда не подвергал сомнению мудрость его суждений. Он встретил меня безо всякой радости и сразу же перешел к делу: почему я наводил справки о «Доме шелка», зачем мне это нужно. Признаюсь, Шерлок, его отношение было откровенно враждебным, и прежде чем ответить, я хорошенько подумал. Я

сразу же решил, что тебя называть не буду, — в противном случае вместо меня к тебе сейчас приехал бы кто-то другой. Впрочем, возможно, это ничего не меняет, потому что наши родственные связи всем известны и ты уже можешь быть под подозрением. Так или иначе, я сказал, что один из моих осведомителей упомянул «Дом шелка» в связи с убийством в Бермондси, и мне сделалось любопытно. Он спросил имя осведомителя, я назвал вымышленное и попытался создать впечатление, что дело пустяковое, а мои расспросы носили дежурный характер.

Он немного успокоился, но и дальше говорил осторожно, тщательно подбирая слова. Он сказал мне, что «Дом шелка» действительно является объектом полицейского расследования, именно по этой причине о моих расспросах ему было тотчас доложено. Дело находится в весьма деликатной стадии, и любое вмешательство извне может причинить непоправимый ущерб. Боюсь, тут нет ни одного слова правды, но я сделал вид, будто со всем согласен, и выразил сожаление, что мои случайные расспросы вызвали такой переполох. Мы еще несколько минут поговорили, обменялись любезностями, я снова попросил прощения за то, что отнял у этого господина столько времени, и откланялся. Но, Шерлок, дело в том, что политики столь высокого уровня умеют сказать много, не говоря почти ничего, и этому конкретному господину удалось сказать мне то, что я сейчас пытаюсь передать тебе. Оставь это дело! Смерть беспризорника при всей ее трагичности совершенно несущественна, если взглянуть на нее в более широком контексте. Чем бы ни был этот «Дом шелка», правительству о нем известно, оно этим вопросом занимается и придает ему большое значение, и ты даже не представляешь, какой ущерб можешь причинить своими действиями, источником какого скандала можешь стать, если не отступишься. Ты меня понимаешь?

— Более внятно и не скажешь.

— Ты примешь во внимание мои слова?

Холмс потянулся за сигаретой. Минуту подержал в руках, как бы размышляя, зажигать ее или нет.

— Обещать не могу, — сказал он. — Я считаю себя ответственным за смерть ребенка и ради его памяти должен сделать все, чтобы отдать убийцу — или убийц — в руки правосудия. Я лишь попросил его понаблюдать за постояльцем гостиницы. Но если мальчик волею обстоятельств оказался втянут в некий более серьезный заговор, тогда, боюсь, я просто обязан продолжать расследование.

— Я ожидал, Шерлок, услышать нечто подобное, и, видимо, эти слова делают тебе честь. Но вот что хочу добавить. — Майкрофт поднялся. Ему явно хотелось поскорее уйти. — Если ты сейчас отнесешься к моему совету с пренебрежением, продолжишь расследование и попадешь в итоге в беду — что вполне возможно, — ко мне можешь не обращаться, потому что я не смогу быть тебе полезным. Уже то, что я в открытую задавал вопросы по твоей просьбе, связывает мне руки. Еще раз прошу тебя — подумай хорошенько. Это не просто какая-то мелкая задачка для полицейского суда. Потревожишь не тех людей — и твоей карьере конец. А то и хуже.

Все слова были сказаны. Оба брата это поняли. Майкрофт чуть поклонился и вышел. Холмс наклонился над газогеном и зажег сигарету.

— Ну, Ватсон, — обратился он ко мне, — что скажете?

— Очень надеюсь, что слова Майкрофта вы примете к сведению, — отважился я.

— Уже принял.

— Этого я и боялся.

Холмс засмеялся.

— Вы же хорошо меня знаете, друг мой. Я сейчас должен вас оставить. Мне надо действовать стремительно, если хочу поспеть к вечернему выпуску.

Он решительно вышел из дому, оставив меня наедине с моими сомнениями. К обеду он вернулся, но есть не стал — верный признак того, что поиски вывели его на какой-то след. Сколько раз я видел его в таком состоянии. Он напоминал мне гончую, которая чует добычу и преследует ее. Как животное способно сосредоточить все свое существование на одной цели, так и Холмс целиком погружался в водоворот событий, и даже основные человеческие потребности — пища, вода, сон — отходили на второй план. Вечером принесли газету, и стало ясно, куда и зачем отлучался Холмс. Он поместил объявление в колонке «Разное»:

НАГРАДА 20 ФУНТОВ

за сведения о «Доме шелка». Полная конфиденциальность гарантирована.
Обращаться на Бейкер-стрит, 221-б.

— Холмс! — воскликнул я. — Вы сделали в точности то, от чего вас предостерегал брат. Если вы намерены продолжать расследование — а ваше желание именно таково, — по крайней мере, нужно было действовать осторожно.

— Осторожность нам не союзник, Ватсон. Пора перехватывать инициативу. Майкрофт живет в мире людей, которые шепчутся в полутемных комнатах. Посмотрим, каков будет ответ на легкую провокацию.

— Вы рассчитываете получить ответ?

— Поживем — увидим. По крайней мере, мы пришили к этому делу свою визитную карточку, и тут нет никакого вреда, даже если результат будет нулевым.

Именно так сказал Холмс. Но он тогда не имел представления о том, с какими людьми связался и на что они готовы пойти ради защиты своих интересов. Он шагнул в мир злодейства, от которого шел жуткий смрад, — и вред, худший из возможных, не заставил себя долго ждать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Блюгейт-Филдс

— Ага, Ватсон! Похоже, кто-то клюнул на живца, которого мы бросили наугад!

Так сказал Холмс через несколько дней, стоя утром у нашего эркера в халате, глубоко засунув руки в карманы. Я тут же подошел к другу и взглянул на Бейкер-стрит, по обеим сторонам которой сновали люди.

— Вы кого имеете в виду? — спросил я.

— А сами не видите?

— Вижу, что улица кишмя кишит людьми.

— Верно. Но в холодную погоду мало кому охота прохладжаться. А я вижу одного человека, который именно прохладжается. Вот! Он смотрит в нашу сторону.

Человек был закутан в пальто и шарф, носил широкополую шляпу, а руки держал под мышками — больше оттолкнуться было не от чего, и кроме того, что это мужчина, который застыл на месте и не знает, что делать дальше, я ничего не мог о нем сказать с какой-то степенью достоверности.

— Вы считаете, что он пришел к нам по объявлению? — спросил я.

— Мимо нашей двери он прошел второй раз, — отозвался Холмс. — Первый раз — пятнадцать минут назад — он шел со стороны Столичной железной дороги. Потом вернулся и с тех пор стоит как вкопанный. Хочет удостовериться, что за ним не следят. Ну наконец-то, решился!

Мы смотрели на него, чуть отойдя в глубь комнаты, чтобы не попасть в его поле зрения, и увидели, как он переходит дорогу.

— Через минуту будет здесь, — заключил Холмс и уселся в свое кресло.

Действительно, дверь вскоре открылась, и миссис Хадсон ввела нового посетителя. Тот стащил с себя шляпу, шарф и пальто, и нашим взорам предстал странного вида молодой человек, лицо и телосложение которого несли в себе столько противоречий, что даже Холмс вряд ли сумел бы дать ему внятную характеристику. Было видно, что он молод — не больше тридцати, — фигурой напоминал профессионального боксера, при этом успел облысеть, цвет лица был землистый, губы потрескались, в итоге он выглядел намного старше. Одежда дорогая и модная, но какая-то несвежая. Он явно нервничал, при этом смотрел на нас набычившись и даже агрессивно, видимо стараясь придать себе уверенности. Я стоял и ждал, когда он заговорит и мы сможем понять, кто к нам пришел: аристократ или головорез самого низкого пошиба.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Холмс, выказывая максимум благорасположения. — Вы какое-то время простояли на улице — надеюсь, не простудились. Горячего чаю?

— Лучше глоток рома, — последовал ответ.

— Ром не держим. Могу предложить бренди.

Холмс кивнул мне, я налил в бокал хорошую порцию бренди и протянул гостю. Тот выпил жидкость залпом. На щеках его появился легкий румянец, и он сел.

— Спасибо, — поблагодарил наш гость. Голос звучал грубовато, но выдавал человека образованного. — Я пришел за вознаграждением, хотя не должен был сюда идти. Если те, с кем я вынужден иметь дело, узнают о моем визите к вам, мне живо перережут глотку, но мне позарез нужны деньги, вот и вся история. Двадцать фунтов помогут мне на время отогнать демонов, а ради этого уже стоит рискнуть. Деньги у вас с собой?

— Вы получите их, когда мы получим интересующие нас сведения, — ответил Холмс. — Я Шерлок Холмс. А вы?

— Называйте меня Гендерсон, это не подлинное мое имя, но оно ничем не хуже другого. Понимаете, господин Холмс, я должен соблюдать осторожность. Вы поместили объявление, желая получить сведения о «Доме шелка», и с тех пор ваш собственный дом наверняка под наблюдением. Кто пришел, кто ушел — всех записывают. Вполне возможно, в один прекрасный день к вам придут и попросят список всех ваших посетителей. Прежде чем переступить порог

вашего дома, я замаскировался до неузнаваемости. И личность свою я тоже должен держать в секрете.

— Тем не менее вам придется кое-что о себе рассказать, иначе денег не получите. Вы учитель?

— С чего вы взяли?

— У вас манжета вымазана мелом, а на среднем пальце пятно от красных чернил.

Гендерсон — будем называть его так — едва заметно улыбнулся, показав частокол пожелтевших зубов.

— Извините, что вынужден вас поправлять, но вообще-то я чиновник портовой таможни, мелом приходится помечать ящики или мешки перед разгрузкой, а красными чернилами делать записи в книге учета. Раньше я работал на таможне в Чатеме, но два года назад перебрался в Лондон. Думал, переезд на новое место пойдет моей карьере на пользу, но куда там, едва свожу концы с концами. Что еще рассказать вам о себе? Родом я из Гемпшира, родители и по сей день там живут. Женат, хотя жену давно не видел. Я жалкая и презренная личность, иногда мне хочется обвинить в своих бедах весь свет, но в глубине души я знаю: во всем виноват я сам. Хуже того — пути назад нет. За двадцать фунтов я готов продать собственную матушку, господин Холмс. Если что, не остановлюсь ни перед чем.

— Какова же причина ваших невзгод, господин Гендерсон?

— Налъете еще бренди?

Я исполнил его просьбу, на сей раз он внимательно оглядел содержимое бокала.

— Опиум, — ответил он и опрокинул жидкость в себя. — Вот и вся моя тайна. Я пристрастился к опиуму. Сначала он мне просто нравился, а теперь я не могу без него жить. Вот вам моя история.

Жену я на время оставил в Чатеме, пока не обустроюсь, и снял жилье в Шадуэлле, поближе к моей новой работе. Вы знаете, что это за квартал? Естественно, там полно моряков, докеров, китайцев, индийцев и чернокожих. От пестроты так и рябит в глазах, а соблазнов куча, тут тебе и пабы, и танцевальные салуны — все условия, чтобы вытрясти у дурака его денежки. Мне было одиноко, я скучал по семье. Что тут скажешь? Глупый был, не устоял перед соблазном. Теперь какая разница? Год назад я заплатил мои первые четыре пенсы за катышек коричневого воска из аптечной банки. Цена показалась мне сущим пустяком. Что я тогда понимал? А удовольствие получил такое, какого в жизни не испытывал. Будто до этого вообще не жил на свете. Разумеется, я пришел туда снова. Первый раз вернулся через месяц, потом через неделю, потом вдруг обнаружил, что хожу туда каждый день и вообще хочу быть там ежечасно! Я больше не мог думать о работе. Начал там ошибаться, а когда меня критиковали, приходил в бессмысленную ярость. Подлинные друзья меня оставили. А друзья ложные склоняли к тому, чтобы я курил больше и больше. Скоро мои работодатели поняли, в каком состоянии я нахожусь, и пригрозили уволить, но мне уже было все равно. Я жажду опиума каждую минуту, когда не сплю, — даже сейчас. Последний раз я имел возможность покурить три дня назад. Дайте мне вознаграждение, и я снова смогу погрузиться в туман забвения.

Меня ужаснула эта исповедь, захлестнуло чувство жалости, но я видел: к моему сочувствию этот человек относится с презрением и даже отчасти гордится, что стал именно таким. Гендерсон, несомненно, был болен. Болезнь медленно подтачивала его изнутри, неся необратимые разрушения.

Вид у Холмса тоже был мрачный.

— Место, куда вы ходите за вашим наркотиком, это и есть «Дом шелка»? — спросил он.

Гендерсон рассмеялся.

— Неужели вы думаете, что я так боялся бы или принимал столько мер предосторожности, будь «Дом шелка» обычной курильней опиума? — воскликнул он. — Да вы знаете, сколько таких курилен в Шадуэлле и Лаймхаусе? Говорят, десять лет назад их было еще больше. Но и сейчас встань на развилку — наткнешься на курильню, в какую сторону ни пойдешь. Тут тебе и «У Мотта», и «У матушки Абдуллы», и «Местечко Крира», и «У Яхи». Я слышал, что купить это зелье можно и в ночных заведениях на Хеймаркете и Лестер-сквер — было бы желание.

— Так что же тогда «Дом шелка»?

— Давайте деньги!

Чуть поколебавшись, Холмс передал гостю четыре пятифунтовых банкноты. Гендерсон выхватил их из рук Холмса и бережно погладил. В глазах мелькнул тусклый огонек — это пробуждался неподвластный ему зверь, жившая в нем губительная страсть.

— Как думаете, откуда берется весь этот опиум, который продают в Лондоне, Ливерпуле, Портсмуте, других городах Англии, да, если на то пошло, и Шотландии, и Ирландии? Куда идут Крир или Яхи, когда их запасы подходят к концу? Где центр этой паутины, которая опутала всю страну? Вот и ответ на ваш вопрос, господин Холмс. Они идут в «Дом шелка»!

«Дом шелка» — это организованная преступная группа, она работает с размахом, и я слышал — правда, это только слухи, — что у нее есть покровители на самом верху, что в ее щупальца попали и министры, и полицейские чины. Речь, если угодно, идет о крупном бизнесе, на многие тысячи фунтов в год. Импорт-экспорт! Опиум поступает с Востока. Его привозят на центральный склад, а уже оттуда распределяют — естественно, по более высокой цене.

— Где он находится?

— В Лондоне. Точного места не знаю.

— Кто ведет бизнес?

— Не могу сказать. Понятия не имею.

— Ну, господин Гендерсон, тогда вы нам мало чем помогли. Где у нас гарантия, что вы вообще говорите правду?

— Я могу это доказать. — Он как-то неприятно закашлялся, и я вспомнил, что потрескавшиеся губы и пересохший рот — это симптомы закоренелого курильщика опиума. — В «Местечке Крира» я давний клиент. Раньше там заправляли китайцы со своими гобеленами и веерами, восточная публика там и сейчас бывает, лежат, скрючившись, на полу. Но за главного там теперь англичанин, ничем не хуже нас с вами, настолько порочный и немилосердный, что не дай бог с таким встретиться. Глаза чернющие, а голова — будто череп мертвеца. Будьте покойны, он вам улыбнется и назовет своим другом, когда принесете ему четыре пенсы, но если о чем-то его попросить или как-то перебежать дорогу — он, недолго думая, натравит на вас бандитов, а уж те вас отдубасят как следует, да еще и в канаву выкинут. При этом мы с ним более или менее ладим. Почему — не спрашивайте. У него есть кабинет за главной комнатой, иногда он меня туда приглашает покурить — не опиум, табак. Ему интересны мои рассказы о жизни в доках. У него я и услышал в первый раз про «Дом шелка». Товар ему приносят мальчишки, они же ищут для него новых клиентов на лесопилках или шахтах...

— Мальчишки? — перебил я. — А вы кого-то из них встречали? Росс вам не попадался?

— У них нет никаких имен, и зачем мне с ними разговаривать? Лучше послушайте, что я расскажу! Я был там несколько недель назад, и прибежал один паренек, видно, опоздал к сроку. Крир весь вечер пил, и настроение у него было ни к черту. Он схватил мальчишку за шиворот, стукнул его как следует, так что тот грохнулся оземь.

«Где был?» — спросил Крир.

«В 'Доме шелка'», — ответил тот.

«И что принес?»

Мальчик передал ему пакет и бочком выскользнул из комнаты.

«Что такое 'Дом шелка'?» — спросил я.

Тогда Крир и рассказал мне то, что я сейчас поведал вам. Он распустил язык исключительно благодаря виски, а когда закончил, понял, что наболтал лишнего, — тут-то и показал свое нутро. Открыл шкафчик рядом со своим столом, и не успел я и глазом моргнуть, как он навел на меня револьвер.

«Зачем тебе это знать? — закричал он. — Зачем ты спрашиваешь?»

«Да низачем, — заверил его я, вздрогнув и напугавшись одновременно. — Просто разговор поддержать, не более того».

«Разговор поддержать? Нечего тут поддерживать, друг мой. Кому-нибудь вякнешь хоть слово из того, что я тебе наговорил, — и выловят твои останки в Темзе. Понял? Я сам тебя убью, а не я, так они. — Потом он, видимо, передумал. Опустил револьвер, а когда заговорил снова, голос его звучал мягче. — Сегодня можешь выкурить свою трубку бесплатно, — сказал он. — Ты хороший клиент. Мы друг друга хорошо знаем. Я должен о тебе заботиться. Так что забудь все, что я тут говорил, и никогда об этом не вспоминай. Ясно?»

На том дело и кончилось. Я в самом деле об этой истории почти забыл, а когда прочитал ваше объявление, все в памяти и всплыло. Если он узнает, что я пришел к вам, свое слово сдержит — даже не сомневаюсь. Но раз вы ищете «Дом шелка», начинайте с его кабинета, потому что Крир может привести вас к цели.

— Где его найти?

— В Блюгейт-Филдс. Сам дом находится на углу Милуорд-стрит, невысокий такой, изрядно подкоптившийся домишко, над дверью — красный фонарь.

— Вы там сегодня будете?

— Я там бываю каждый вечер, а теперь, спасибо вашему благодению, денег мне хватит надолго.

— А этот человек, Крир, из своего кабинета выходит?

— Частенько. Народу в курильне битком, да и дым коромыслом. Он выходит подышать свежим воздухом.

— Тогда не исключено, что вечером увидимся. Если все пройдет хорошо и я найду что ищу, ваше вознаграждение вырастет вдвое.

— Только не говорите, что знаете меня. Никак на меня не реагируйте. А если что-то пойдет наперекосяк, на мою помощь не рассчитывайте.

— Понимаю.

— Тогда удачи вам, господин Холмс, и успеха — это я не о вас радею, а о себе.

Когда Гендерсон ушел, Холмс повернулся ко мне — глаза его искрились.

— Курильня опиума! Ведет дела с «Домом шелка»! Что скажете, Ватсон?

— Что это мне категорически не нравится, Холмс. Мой совет — нечего вам там делать.

— Бросьте! Уж о себе я как-нибудь позаботиться сумею. — Холмс подошел к своему столу, открыл ящик и вытащил револьвер. — Возьму с собой оружие.

— Тогда я еду с вами.

— Дорогой Ватсон, я никак не могу вам этого позволить. Я очень ценю вашу готовность помочь, но посмотрим правде в глаза: восточный Лондон, четверг вечером, курильня опиума — и тут заявляемся мы с вами! Сойти за местных клиентов нам никак не удастся.

— Тем не менее, Холмс, я настаиваю. Если хотите, внутрь заходить не буду. Найду место где-то поблизости. А если потребуется помощь, один выстрел — и я тут же буду рядом. Ведь у Крира наверняка своих головорезов хватает. Да и можно ли доверять Гендерсону? Где гарантия, что он вас не выдаст?

— Тут вы правы. Хорошо. Где ваш револьвер?

— При себе нет.

— Ничего, у меня есть запасной. — Холмс улыбнулся, он явно был в предвкушении удовольствия. — Нанесем визит в «Местечко Крира» и своими глазами посмотрим, что там творится.

Вечер снова выдался туманный, причем такого густого тумана в этом месяце еще не было. Я бы попытался отговорить Холмса ехать в Блюгейт-Филдс в такую погоду, имей я хоть малейшие шансы на успех, но по его бледному с орлиным профилем лицу видел: он утвердил для себя план действий и теперь его ничто не остановит. Я знал — хотя Холмс не говорил об этом вслух, — что им движет смерть ребенка, Росса. И пока он считает себя виновным в этой смерти хотя бы частично, он не успокоится, а все мысли о собственной безопасности будут без особых трудов отброшены.

Но вот экипаж привез нас в район Лаймхаус-Бейсин, мы вышли в аллею — и мне стало не по себе. Улицы были окутаны вязким и желтым туманом, приглушавшим все звуки. От него веяло жутью, он, словно хищный зверь, рыскал по темноте в поисках жертвы — а мы погружались в него, сами шли к нему в пасть. Мы прошли по аллее, зажатой между стенами из красного кирпича — они истекали влагой и поднимались так высоко, что без слабого отсвета луны было бы не видно неба. Поначалу мы не слышали ничего, кроме звука собственных шагов, но постепенно проход расширился, и с разных сторон эхо стало приносить ржание лошади, мягкий рокот парового двигателя, журчание воды, вопль напуганного ребенка — все эти звуки по-своему определяли поглотившую нас тьму. Мы шли вдоль канала. Перед нами прошуршала крыса или еще кто-то из

отряда ей подобных, соскользнула за край дорожки и бултыхнулась в черную воду. Залаяла собака. Мы прошли мимо привязанной к пирсу баржи — сквозь занавески на окнах пробивались лучики света, а из трубы валил дым. Сзади находился сухой док, там, подобно доисторическим скелетам, едва видимые, на привязи из канатов и снастей, ждали ремонта сбившиеся гуртом суда. Мы повернули за угол, и все это тут же утонуло в тумане, который занавесом упал у нас за спиной, — я обернулся и ничего не увидел, словно секунду назад вышел из ниоткуда. Полная пустота была и перед нами — если бы мы стояли на краю земли и намеревались шагнуть в никуда, картина была бы точно такой же. Но вдруг наш слух уловил резкие звуки фортепьяно — кто-то одним пальцем пытался подобрать мелодию. Откуда ни возьмись перед нами прямо из тьмы возникла женщина — помятое размалеванное лицо, безвкусная шляпка и шарф с перьями. Я уловил ее запах, напомнивший мне об умирающем в вазе цветке. Она хихикнула и тут же исчезла. Наконец впереди показались огни, это были окна паба. Именно оттуда и доносилась музыка.

Паб назывался «Роза и корона». Мы прочли название, только оказавшись непосредственно под вывеской. Это был странный домишко, кирпичную кладку там и сям скрепляли обшивные доски, но все равно он был какой-то скособоченный — того и гляди рухнет. И окна все перекошены. Дверь низкая — чтобы войти, нам пришлось бы пригнуться.

— Мы прибыли, Ватсон, — негромко произнес Холмс, и я увидел, как дыхание слетает с его губ клубочками пара. Он показал вперед. — Это Милуорд-стрит, а вон, как я понимаю, «Местечко Крира». Видите красный фонарь над дверью?

— Холмс, последний раз прошу вас: позвольте, я пойду с вами.

— Нет, нет. одному из нас лучше остаться снаружи: если окажется, что меня ждут, вам будет легче прийти мне на помощь.

— Думаете, Гендерсон рассказал нам сказку?

— Его история во всех отношениях показалась мне невероятной.

— Но тогда, Холмс, ради всего святого...

— Ватсон, мне нужно туда войти и самому во всем убедиться. А вдруг Гендерсон все-таки говорил правду? Если же это капкан — мы попадемся в него и посмотрим, куда это нас приведет.

Я открыл рот, чтобы возразить, но он продолжал:

— Дело это чрезвычайное, старина. Мы прикоснулись к верхушке айсберга, и, если хотим добраться до его основания, придется рисковать. Ждите меня ровно час. Предлагаю вам скоротать время в этом пабе, надеюсь, хоть какой-то уют вы там найдете. Если через час я не появлюсь — приходите за мной, но будьте крайне осторожны. А услышите выстрелы — являйтесь без промедления.

— Я все исполню, Холмс.

Он перешел дорогу и на мгновение скрылся из виду, растворившись во тьме и тумане, а меня одолевали самые дурные предчувствия. Он тут же возник на другой стороне улицы, остановился в дверном проеме, в отблеске красного фонаря. Где-то далеко церковные часы начали отбивать одиннадцать. С первым же ударом Холмс исчез.

Стоять на улице, даже в теплом пальто, не хотелось: холодно, время позднее, ты один, а квартал — настоящее дно, сплошь отбросы общества, а то и преступники. Я толкнул дверь «Розы и короны» и оказался в комнате, поделенной пополам узким баром: бочки эля, краны с ручками из крашеного фарфора, две полки с шеренгами бутылок. К моему удивлению, в этом ограниченном пространстве, презрев непогоду, собралось человек пятнадцать — двадцать. Они кучками сидели за столами, играли в карты, пили и курили. Воздух загустел от сигаретного и табачного дыма, свою лепту вносил и торф — в углу пыхла выдавшая виды чугунная печь. Если не считать нескольких свечей, она была единственным источником света в комнате, но, казалось, производила обратный эффект: ты глядел на красное мерцание за ее толстым стеклом и чувствовал, что огонь засасывает свет в себя, поглощает его, а потом выплевывает дым и золу в трубу, а оттуда — в черную ночь. Рядом с дверью стояло выдавшее виды пианино, за ним сидела женщина и лениво тыкала по клавишам. Именно эту «музыку» я слышал с улицы.

Я подошел к бару, и седовласый старик с катарактой на глазах за пару пенсов налил мне кружку эля, и я стоял возле стойки, не прикасаясь к напитку и стараясь отогнать мои самые дурные фантазии, не думать о Холмсе. Большинство мужчин в пабе были моряками или докерами, по преимуществу иностранцами — из Испании и с Мальты. Никто из них не обратил на меня ни

малейшего внимания, чему я был очень рад. Фактически они и друг с другом почти не разговаривали, какой-то звук в комнате исходил разве что от картежников. Я наблюдал за часами на стене, и мне казалось, что минутная стрелка намеренно тормозит свой ход, нарушая законы времени. Мне часто приходилось ждать, с Холмсом и без него, появления злодея — на болотах около Баскервилль-холла, на берегах Темзы или в садах пригородных усадеб. Но я никогда не забуду пятидесятиминутную вахту в этой жалкой пивнушке, шлепанье карт о стол, удары невпопад по клавишам разбитого пианино, темные лица, глядящие в свои кружки, будто там можно найти разгадку тайны бытия.

Ровно через пятьдесят минут — часы показывали без десяти двенадцать — ночную тишь внезапно разорвал звук двух выстрелов и почти тут же — пронзительный свисток полицейского и встревоженные голоса. Я мгновенно выскочил на улицу, едва не вышибив двери. Какой же я идиот, что пошел на поводу у Холмса, позволил ему втянуть нас в этот опасный замысел! Стрелял именно он, в этом нет сомнения. Но с какой целью? Предупредить меня? Или он действительно попал в беду и ему пришлось защищаться? Туман немного рассеялся, я метнулся через дорогу и подлетел ко входу в «Местечко Крира». Повернул рукоятку двери и, вытащив из кармана револьвер, ворвался в помещение.

В ноздри мне ударил сухой запах выгоревшего опиума, тут же защипало в глазах, а в голове возникла резкая проникающая боль, мне даже не хотелось дышать — я боялся, что и сам попаду под влияние этого наркотического вещества. Я стоял в промозглой и мрачной комнате, украшенной в китайском стиле: ковры с рисунком, красные бумажные фонари, шелковые ткани на стенах — все, как описал Гендерсон. Самого его видно не было. Четыре человека лежали, вытянувшись, на матрацах, перед ними на низких столиках стояли черные лакированные подносы и опиумные светильники. Трое из них не подавали признаков жизни и вполне могли быть трупами. Четвертый лежал, подперев подбородок рукой, и смотрел на меня замутненными глазами. Один матрац пустовал.

Навстречу мне бросился человек, и я сразу понял, что это сам Крир. Он был совершенно лыс, белая как бумага кожа туго обтягивала кости лица, черные глаза глубоко посажены — в итоге создавалось впечатление черепа покойника, а не головы живого человека. Он собрался открыть рот, спросить, какого черта мне здесь надо, но увидел мой револьвер и отпрянул.

— Где он? — вскричал я.

— Кто?

— Сами знаете кто!

За его спиной я увидел открытую дверь и коридор, освещенный газовым фонарем. Я боялся попасть под воздействие ядовитых испарений и, желая как можно скорее выбраться из этого жуткого места, кинулся мимо Крира в проход. Один из несчастных окликнул меня с матраца и протянул руку за милостыней, но я пробежал мимо. В дальнем конце коридора была еще одна дверь, видимо, через нее и вышел Холмс — вряд ли ему удалось выйти через главный вход. Я дернул дверь — и попал под струю холодного воздуха. Я был в тыльной части дома. Доносились какие-то крики, цоканье копыт и перестук экипажа, оглушал полицейский свисток. Я уже знал, что нас заманили в ловушку, что все пошло не так, как мы задумали. Но я не представлял, чего ждать. Где Холмс? Он ранен?

Я пробежал по узкой улочке, через арку, свернул за угол и попал на площадь. Там собралась небольшая толпа. Откуда она могла взяться в такой поздний час? Человек в вечернем костюме, констебль, еще двое. Все они смотрели на представшую их глазам картину, никто не смел сделать шаг вперед и взять инициативу в свои руки. Я растолкал их и увидел то, чего не забуду никогда...

На земле лежали две фигуры. Девушку я сразу узнал, и неудивительно, потому что несколько дней назад она пыталась меня убить. Это была Салли Диксон, старшая сестра Росса, работавшая в «Мешке с гвоздями». В нее выстрелили дважды: в грудь и в голову. Она лежала на булыжнике в луже жидкости, которая в темноте казалась черной, но я знал — это кровь. Я также знал человека, который без сознания лежал перед ней, вытянув руку, все еще сжимавшую револьвер, из которого застрелили девушку.

Это был Шерлок Холмс.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Под арестом

Эту ночь и ее последствия мне не забыть никогда.

Я пишу эти строки в полном одиночестве двадцать пять лет спустя, но помню все до мельчайших подробностей... Иногда кривое зеркало времени мешает мне вспомнить черты как друзей, так и недругов, но в данном случае достаточно только сморгнуть, пелена лет отступает, и я вижу всех их, словно это было вчера: Гарриман, Крир, Экленд и даже констебль... Как его звали? Перкинс! Правда такова, что я пережил с Шерлоком Холмсом множество приключений и частенько видел его в отчаянном положении. Несколько раз я считал, что он мертв. Что говорить, всего за неделю до описываемых событий я видел его в беспомощном бреду, якобы ставшим жертвой заразной болезни с острова Суматра. Был случай в Полдху-Бей, в Корнуолле: если бы я тогда не вытащил его из комнаты, он бы поддался безумию и пострадал от собственных рук. Помню, как мы с ним ждали развития событий в Сарри — и тут из тьмы выползла смертоносная болотная змея. Естественно, этот короткий список будет неполным, если не вспомнить состояние высшего отчаяния, ощущение пустоты, с какими я в одиночестве возвращался с Рейхенбахского водопада. Тем не менее все эти случаи меркнут перед событиями ночи в Блюгейт-Филдс. Бедный Холмс! Я вижу его как сейчас: он приходит в сознание и понимает, что окружен чужими людьми, арестован и не в состоянии объяснить ни себе, ни другим, что же именно произошло. Да, он сам сделал выбор, осознанно позволил себе попасть в ловушку. Но результат оставлял желать лучшего.

Констебль уже был на месте. Откуда он взялся — Бог ведает. Он был молод и заметно нервничал, но все-таки свои обязанности исполнял на уровне, достойном одобрения. Сначала он убедился, что девушка мертва, потом занялся моим другом. Выглядел Холмс ужасно. Кожа блее бумаги, глаза открыты, но казалось, он плохо видит... по крайней мере, меня он не узнал. Свой отрицательный вклад вносила и толпа, и я снова спросил себя: кто эти люди, что могло заставить их собраться здесь в такую ночь? Две женщины, похожие на жуткую каргу, которая прошла мимо нас возле канала, с ними два моряка, они заваливались друг на друга и явно набрались эля. Выпучив глаза, на происходящее смотрел негр. Рядом с ним стояли мальтийцы, которых я видел в «Розе и короне». Откуда-то взялись даже дети, босые и оборванные, — они глазели на происходящее, будто зрелище разыгрывалось в их честь. Я отмечал про себя все детали, как вдруг высокий краснолицый человек, элегантно одетый, принялся отдавать распоряжения, жестикулируя палкой.

— Арестуйте его, констебль! Я видел, как он застрелил девушку. Видел своими глазами. — Он говорил с сильным шотландским акцентом, который звучал здесь совершенно неуместно, словно шла пьеса, а он сидел в зале и вдруг без приглашения вылез на сцену. — Несчастный ребенок, упокой Господь ее душу. Безжалостный убийца!

— Кто вы? — спросил констебль.

— Меня зовут Томас Экленд. Я шел домой и видел, как все произошло.

Я не мог более стоять за кулисами, протолкался вперед и склонился над моим лишенным сознания другом.

— Холмс! — крикнул я. — Холмс, вы меня слышите? Ради бога, объясните, что произошло?

Но Холмс все еще был не в состоянии дать ответ, и я увидел, что на меня внимательно смотрит констебль.

— Вы знаете этого человека? — спросил он.

— Очень хорошо знаю. Это Шерлок Холмс.

— А вы?

— Я Джон Ватсон, врач. Позвольте мне осмотреть моего друга. При всей очевидности фактов смею вас заверить: ни к какому преступлению он не причастен.

— Неправда. Я видел, как он стрелял в девушку. Видел, как из его пистолета вылетела пуля. — Экленд выступил вперед. — Я тоже врач, — продолжал он, — и могу без колебаний сказать: этот

человек находится под воздействием опиума. Об этом говорят его глаза и дыхание. Нужно ли искать другой мотив для этого злодейского и бессмысленного преступления?

Неужели он прав? Холмс лежал, не в состоянии вымолвить ни слова. Он явно был в плену какого-то наркотического средства, а поскольку последний час он провел в «Местечке Крира», вполне резонно было предположить, что названный доктором наркотик и произвел такие разрушительные действия. И все-таки что-то в этом диагнозе меня не устраивало. С близкого расстояния я взглянул в глаза Холмсу — зрачки действительно были расширены, но в них явно не хватало неприятных огонечков, свойственных такому состоянию. Я нащупал пульс — слишком вялый, будто он только что проснулся после глубокого сна, а не вел напряженные и активные действия — сначала преследовал жертву, а потом и выстрелил в нее. И разве опиум стимулирует подобное? Опиум ведет к эйфории, полному расслаблению, свободе от физической боли. Но я в жизни не слышал, чтобы потребитель опиума совершал какое-то насилие. Пусть даже Холмс был в тисках глубочайшей паранойи, но какой мотив могло породить его смятенное сознание, чтобы убить ту самую девушку, которую он хотел найти и защитить? А она, кстати говоря, как здесь оказалась? Дальше: будь Холмс под воздействием опиума, разве он мог бы стрелять точно? Да он бы не смог даже направить оружие в нужную сторону. Я сейчас все это излагаю так, будто тщательно проработал все улики и долго их анализировал, но на самом деле эти выводы я сделал за секунду — сказался многолетний опыт работы доктором и близкое знакомство с обвиняемым.

— Вы прибыли сюда вместе с этим человеком? — спросил меня констебль.

— Да. Но на короткое время мы разлучились. Я был в «Розе и короне».

— А он?

— Он... — Я осекся. Говорить, где был Холмс, как раз и не надо. — Мой друг — известный сыщик, сейчас он проводит расследование. Можете проверить — его хорошо знают в Скотленд-Ярде. Свяжитесь с инспектором Лестрейдом, он все подтвердит. Я понимаю, что факты вроде бы очевидны, но происшедшему должно быть другое объяснение.

— Никакого другого объяснения быть не может, — вмешался доктор Экленд. — Он, пошатываясь, вышел из-за угла. Девушка на улице просила милостыню. Он достал пистолет и застрелил ее.

— На его одежде кровь, — согласился констебль, хотя говорил с некоторой неохотой. — Видимо, в момент убийства он был рядом с ней. Но когда я подошел, кроме них, здесь никого не было.

— Вы видели, как стреляли? — спросил я.

— Нет, но я был здесь через несколько мгновений. Никто с места происшествия не убежал.

— Он стрелял! — выкрикнул кто-то из толпы, и послышался одобрителный ропот, который поддержали и дети, просто в восторге оттого, что оказались свидетелями такого зрелища.

— Холмс! — воскликнул я, опустившись рядом с ним на колени и пытаясь поддержать руками его голову. — Вы можете сказать, что здесь произошло?

Холмс не ответил, и минуту спустя я понял, что появился еще один человек, он приблизился тихонько и теперь стоял надо мной, рядом с доктором-шотландцем.

— Пожалуйста, встаньте, — велел он голосом, холодным, как сама ночь.

— Этот человек — мой друг... — начал я.

— А это — место преступления, и вы не имеете права вмешиваться. Встаньте и отойдите. Спасибо. Так, если есть свидетели, оставьте фамилию и адрес работнику полиции. Если нет — расходитесь по домам. А вы, дети, идите отсюда, не то мне придется вас арестовать. Констебль! Как вас зовут? Перкинс? Вы здесь старший?

— Да, сэр.

— Это ваш участок?

— Так точно, сэр.

— Что ж, пока вы действовали относительно правильно. Можете сказать мне, что вы видели и что вам известно? Только покороче. Уж больно холодная ночь выдалась, чем раньше закончим, тем раньше ляжем спать. — Он стоял и молча внимал констеблю, тот излагал свою версию событий — можно сказать, ничего для себя нового я не услышал. — Очень хорошо, констебль Перкинс. Разберитесь со свидетелями. Занесите все подробности в свою книжечку. Дальше вести дело буду я.

Я еще не описал нового персонажа и затрудняюсь сделать это даже сейчас, просто-напросто потому, что это был человек-змея, каких, пожалуй, я больше в жизни не встречал: чересчур маленькие глазки, тонкие губы, кожа до того гладкая, что лишала лицо всякой выразительности. Наиболее яркой его чертой была густая грива волос совершенно неестественного белого цвета — можно сказать, что на самом деле волосы были бесцветными и никогда никаким цветом не обладали. При этом он вовсе не был стар — максимум тридцать или тридцать пять лет. Волосы решительным образом контрастировали с его нарядом: черное пальто, черные перчатки и черный шарф. Это не был человек крупных пропорций, но в нем чувствовалась сила, даже надменность: я ведь уже был свидетелем того, как он взял ситуацию в свои руки. Говорил он негромко, но в голосе звучали нотки, не оставлявшие сомнений: этот человек привык, чтобы ему повиновались. Но больше всего выбивало из колеи его умение ускользать, подобно ртути, уходить от эмоционального контакта с кем бы то ни было. Именно поэтому мне пришло в голову сравнение со змеей. С первой же секунды общения я почувствовал, что он извивается вокруг меня, словно рептилия. Это был человек, который смотрел сквозь тебя, мимо тебя, но на тебя — никогда. В жизни не встречал человека, который так владел бы собственным пространством, окружал себя миром, вторгаться в который остальным не полагалось — им не было там места.

— Значит, вы — доктор Ватсон? — спросил он.

— Да.

— А это Шерлок Холмс! Хм, сомневаюсь, что об этом случае мы прочтем в ваших знаменитых записках, разве что под заголовком «Приключения тронувшегося умом курильщика опиума». Ваш коллега был вечером в «Местечке Крира»?

— Он проводил расследование.

— А в помощь, судя по всему, призвал трубку и иглу. Я бы сказал, весьма нетрадиционный метод поиска. Вы свободны, доктор Ватсон. Едва ли вы можете быть здесь полезным. Да, симпатичная история! Девочке всего шестнадцать или семнадцать лет.

— Ее зовут Салли Диксон. Она работала в пабе под названием «Мешок с гвоздями», в Шордитче.

— То есть нападавший ее знал?

— Господин Холмс на нее не нападал!

— Вы хотите, чтобы мы в это поверили. К сожалению, есть свидетели, у которых другая точка зрения. — Он перевел взгляд на шотландца. — Вы доктор?

— Да, сэр.

— И вы видели, что здесь произошло?

— Я уже все рассказал констеблю, сэр. Девочка просила милостыню на улице. Этот человек вышел из того дома. Мне показалось, что он пьян либо не в себе. Он пошел за девочкой на эту площадь и застрелил ее из револьвера. Яснее не бывает.

— Как вы считаете, господин Холмс способен отправиться со мной в полицейский участок в Холборн?

— Идти он не может. Но ехать в кебе — вполне.

— Кеб сейчас подъедет. — Человек с белесыми волосами, который до сих пор мне не представился, неторопливо подошел к Холмсу — тот все еще лежал на земле, хотя немного пришел в чувство и пытался взять себя в руки. — Вы меня слышите, господин Холмс?

— Да.

Наконец-то он произнес первое слово.

— Меня зовут инспектор Гарриман. Вы арестованы за убийство этой девушки, Салли Диксон. Вы можете ничего не говорить, если не желаете, но все, что вы сейчас скажете, я запишу, и ваши слова будут потом использованы как улика. Вы понимаете?

— Но это чудовищно! — вскричал я. — Уверяю вас, Шерлок Холмс к этому убийству не имеет никакого отношения! Ваш свидетель лжет. Это какой-то сговор...

— Вас могут арестовать за то, что вы мешаете отправлять правосудие, и привлечь к суду за клевету. Если вы этого не хотите, предлагаю вам проявить здравый смысл и помолчать. Вы сможете высказаться, когда дело будут рассматривать в суде. А пока еще раз прошу вас — отойдите в сторону и не мешайте работать.

— Вы разве не знаете, кто этот человек, сколько он сделал для полиции Лондона и даже всей страны?

— Я прекрасно знаю, кто он, но при сложившихся обстоятельствах это ничего не меняет. Есть убитая девушка. Орудие убийства — в руке господина Холмса. Есть свидетель. Для начала этого более чем достаточно. Сейчас почти полночь, и я не могу препираться с вами до утра. Хотите пожаловаться на мое поведение — вот утром и жалуйтесь. Я слышу, что подъезжает кеб. Вашего друга мы поместим в камеру, а несчастного ребенка — в морг.

Что я мог сделать? Вернулся констебль Перкинс и с помощью доктора-шотландца поднял Холмса на ноги и увел прочь. Орудие убийства он завернул в тряпицу и забрал с собой. В последнюю минуту, когда Холмса сажали в кеб, мой друг повернул голову, и наши взгляды встретились — я испытал хоть какое-то облегчение, потому что в его глазах появилось осмысленное выражение, видимо наркотик, который он принял — или который ему ввели — начал терять силу. Появилось еще несколько полицейских, Салли накрыли одеялом, положили на носилки и унесли. Доктор Эклэнд обменялся рукопожатием с Гарриманом, передал ему свою карточку и ушел. Не успел я опомниться, как остался один, к тому же во враждебной, не сулящей ничего хорошего части города. Я вдруг вспомнил, что в кармане пальто у меня лежит револьвер, которым меня вооружил Холмс. Пальцы сомкнулись на рукоятке, и в голову пришла безумная мысль: надо было взять на мушку Гарримана и всех остальных и спасти Холмса, вытащить его отсюда. Но ни ему, ни мне такая попытка пользы бы не принесла. Есть другие способы дать отпор... С этой мыслью, все еще сжимая в руке холодную сталь, я быстро направился к дому.

На следующее утро ко мне явился посетитель. Это был именно тот человек, которого я очень хотел видеть: инспектор Лестрейд. Он застал меня за завтраком, войдя в комнату широким шагом, и я решил было, что он принес хорошие вести: Холмса отпустили, скоро он будет здесь. Но выражение его лица повергло мои надежды в прах. Лестрейд был мрачен, не улыбочив, вид у него был помятый: либо он встал в жуткую рань, либо вообще не ложился. Не спрашивая разрешения, он тяжело опустился в кресло, и у меня мелькнула мысль: а хватит ли у него сил подняться?

— Позавтракаете, инспектор? — осмелился предложить я.

— Это будет очень любезно с вашей стороны, доктор Ватсон. Мне явно нужно подкрепиться. Что за история! Просто в голове не укладывается! Не кто-нибудь, а сам Шерлок Холмс! Неужели эти люди забыли, сколько раз он выручал Скотленд-Ярд? И вот они обвиняют его в убийстве! Но факты, доктор Ватсон, не в его пользу. Не в его пользу!

Я налил ему чаю в чашку, которую миссис Хадсон поставила для Холмса, — она, естественно, не знала, что произошло прошлой ночью. Лестрейд смачно отхлебнул.

— Где Холмс? — спросил я.

— Отвезли на Бау-стрит.

— Вы его видели?

— Меня к нему не пустили! Как только я узнал, что случилось, не мешкая помчался туда. Но этот Гарриман... редкая птица! Почти все мы в Скотленд-Ярде — кто примерно в одном звании — друг с другом запанибрата, все свои. Он — ни в коем случае. Гарриман всегда держится особняком. Друзей нет, семьи, насколько я знаю, тоже. Работник он хороший, надо отдать ему должное, но при том, что мы ходим по одним коридорам, я за все время сказал ему несколько слов — и ничего не услышал в ответ. Сегодня утром я на него наткнулся и попросил разрешения повидать Холмса, чтобы хоть как-то ему помочь, но он просто прошел мимо. Какую-то вежливость можно было проявить? Но вот такой экземпляр. Сейчас он допрашивает Холмса. Кажется, все отдал бы, чтобы оказаться с ними в одной комнате — наверняка там разворачивается битва титанов! Как я понимаю, для себя Гарриман уже все решил, но, разумеется, это полная чушь, поэтому я пришел к вам: может быть, свет на эту историю прольете вы? Вы были там вчера вечером?

— Был в Блюгейт-Филдс.

— Правда ли, что господин Холмс посетил курильню опиума?

— Он был там, но вовсе не для того, чтобы предаваться пороку.

— Нет?

Лестрейд перевел взгляд на каминную полку, на марокканскую шкатулку, в которой лежал шприц для подкожных инъекций. Интересно, откуда он знает, что Холмс изредка позволяет себе подобное?

— Вы слишком хорошо знаете Холмса, чтобы сомневаться в моих словах, — упрекнул его я. — Он продолжает расследовать смерть человека в кепке и смерть мальчика, Росса. По этой причине он и оказался в Восточном Лондоне.

Лестрейд достал записную книжку и открыл ее.

— Наверное, доктор Ватсон, вам стоит рассказать мне, далеко ли вы с Холмсом продвинулись в вашем расследовании. Если мне предстоит встать на его защиту, — а баталия, вполне возможно, предстоит нешуточная, — чем больше я буду знать, тем лучше. Пожалуйста, выкладывайте все без утайки.

События развивались по странному сценарию, потому что Холмс всегда считал полицию своим конкурентом и при нормальных обстоятельствах не стал бы знакомить ее с результатами своего расследования. Но в данном случае у меня не было выбора: пришлось рассказать Лестрейду обо всем, что произошло до и после убийства мальчика, начиная с нашего визиту в мужскую школу «Чорли Гранж», после чего на нашем пути возникла Салли Диксон и «Мешок с гвоздями». Я рассказал, как она набросилась на меня, как мы нашли украденные карманные часы, как неудачно побеседовали с лордом Рейвеншо, как Холмс решил дать объявление в вечерних газетах. Наконец, я описал визит человека, назвавшегося Гендерсоном, который в итоге и навел нас на «Местечко Крира».

— Он работает в портовой таможне?

— Так он сказал, Лестрейд, но боюсь, что это вымысел, как и все, что он наговорил.

— Вполне возможно, что он ни в чем не виноват. Значит, вам неизвестно, что произошло в «Местечке Крира»?

— Верно, меня там не было, но там не было и Гендерсона, и само его отсутствие вызывает мое беспокойство. Моя оценка происшедшего: Холмса заманили в ловушку, чтобы обвинить в преступлении и таким образом положить конец его расследованию.

— Но что это за «Дом шелка»? Что за тайна такая, которую нужно сохранить любыми средствами?

— Не знаю.

Лестрейд покачал головой.

— Я, доктор Ватсон, человек практический и скажу, что вы уж слишком далеко забрались от исходной точки, когда был найден покойник в гостиничном номере. Как мы знаем, человека этого звали Килан О'Донахью, это первостатейный бандит и грабитель банков из Бостона, приехал в Англию, чтобы отомстить галеристу из Уимблдона, господину Карстерсу. Какая связь между ним и смертью двух детей, белой ленточкой, таинственным Гендерсоном и всем прочим?

— Именно это и пытался выяснить Холмс. Я могу его увидеть?

— Делом занимается Гарриман, и пока Холмсу не предъявят официальное обвинение, поговорить с ним не удастся. Сегодня во второй половине дня его повезут в полицейский суд.

— Мы должны быть там.

— Разумеется. Вы понимаете, доктор Ватсон, что на этом этапе свидетелей защиты вызывать не будут, но я все равно постараюсь обелить его и дать ему положительную характеристику.

— Они будут держать его на Бау-стрит?

— Пока да, но если судья решит, что основания заводить дело есть — а в таком решении я не сомневаюсь, — Холмса переведут в тюрьму.

— В какую?

— Не могу сказать, доктор Ватсон, но сделаю все, что в моих силах, чтобы ему помочь. Может, и у вас есть к кому обратиться за помощью? Такие господа, как вы, должны иметь влиятельных друзей, тем более что многие дела, к которым вы имели отношение, были весьма деликатны по своей природе. Может быть, среди клиентов господина Холмса есть кто-то, к кому можно обратиться в трудную минуту?

Мне тут же пришел в голову Майкрофт. В своем рассказе я по понятным причинам его не упомянул, но думал о нем еще до того, как Лестрейд начал говорить. Согласится ли он встретиться со мной? Он ведь предупредил брата в этой самой комнате и ясно дал понять: если тот оставит

без внимания его предупреждение, быть полезным он не сможет. Но для себя я все равно решил наведаться в клуб «Диоген» снова, как только представится возможность. Но придется подождать решения полицейского суда. Лестрейд поднялся.

— Я заеду за вами в два часа, — сказал он.

— Спасибо, Лестрейд.

— Пока благодарить не за что, доктор Ватсон. Возможно, я ничем не смогу помочь. Ведь дело-то с виду — проще не бывает. — Я вспомнил, что вчера инспектор Гарриман сказал мне примерно это же. — Гарриман хочет отдать Холмса под суд за убийство, и, мне кажется, готовиться надо к худшему.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Улики по делу

Бывать в полицейском суде мне раньше не доводилось, но когда я в обществе Лестрейда приближался к этому солидному и даже суровому зданию на Бау-стрит, меня не отпускало странное ощущение, будто все это мне знакомо, вызвали меня сюда абсолютно правильно, иначе не могло и быть. Видимо, мое состояние отражалось на моем лице, потому что Лестрейд смотрел на меня с тоскливой улыбкой.

— Не ожидали, что окажетесь в таком месте, доктор Ватсон?

Я ответил, что он просто прочитал мои мысли.

— Подумайте о том, сколько народу прошло этим путем благодаря вам — вам с господином Холмсом, разумеется.

Он был совершенно прав. Здесь завершился процесс, который мы так часто начинали, отсюда дорога вела уже к Центральному уголовному суду, а порой и к виселице. Сейчас моя писательская карьера подошла к концу, и в голову порой приходит любопытная мысль: все мои записки до единой завершались разоблачением или арестом негодяев. А что же дальше? Я почти всегда полагал, что их дальнейшая судьба моим читателям неинтересна... Я списывал их со счетов, будто они для того и родились, чтобы причинить кому-то вред, но вот их преступления раскрыты — и они переставали быть людьми с бьющимся сердцем и надломленной душой. Я никогда не задумывался над тем, какие страх и боль охватывают этих людей, когда они проходят через эти створчатые двери, идут по мрачным коридорам. Проливал ли кто-нибудь из них слезы раскаяния, молился ли за спасение души? Боролся ли до конца или сдавался на милость судьбы? Меня это не беспокоило. Мое повествование текло по другому руслу.

Но, вспоминая этот стылый декабрьский день, когда Холмсу самому пришлось столкнуться с силами, которые он так часто вызывал к действию, я готов сказать, что был к этим людям несправедлив, даже к такому жестокому злодею, как Калвертон Смит, или такому вероломному проныре, как Джонас Олдакр. Я писал то, что сегодня принято называть детективными рассказами. Мне повезло — мой детектив был самым выдающимся. Но в некотором смысле он был сформирован мужчинами, да и женщинами, которые ему противостояли, а я отмахнулся от них с чрезмерной легкостью. Я входил в здание полицейского суда, и все они всплыли в моем сознании, я словно слышал, как они окликают меня: милости просим, теперь вы — один из нас.

А вот и зал судебных заседаний: квадратная комната без окон, деревянные скамьи и перегородки, дальнюю стену украшает королевский герб. Здесь заседает мировой судья, чопорный старец, в его облике тоже есть что-то деревянное. Перед ним огороженный помост, именно сюда приводят заключенных, одного за другим, процедура быстрая и однообразная, и, по крайней мере, стороннему наблюдателю картина может показаться почти монотонной. Мы с Лестрейдом явились заранее, сели на места для публики вместе с другими зрителями и наблюдали, как фальшивомонетчик, взломщик и мошенник были оставлены до суда под стражей. И все же мировому судье было не чуждо сострадание. Дело подмастерья, который устроил пьяный дебош в день своего восемнадцатилетия, судья вообще не стал рассматривать, велел занести подробности в книгу отказов в возбуждении дела — и отпустил парня на все четыре стороны. Двух детей, не старше восьми-девяти лет, обвиненных в попрошайничестве, решили через службу полицейских судов передать для опеки либо в Общество по защите беспризорников, либо в приют доктора Барнардо, либо в Школьное общество лондонских кварталов. Было странно услышать здесь название последнего из трех заведений — организации, под началом которой работала «Чорли Гранж», где мы с Холмсом недавно побывали.

Все шло своим чередом, но вот Лестрейд толкнул меня в бок, и я увидел, что в зале суда возник новый центр притяжения. Появились несколько полицейских и чиновников, она заняли свои места. Судебный пристав, пухлый и похожий на филина человек в черных одеяниях, подошел к судье и стал что-то ему шептать. На одну из скамей, чуть поодаль друг от друга, сели два знакомых мне человека. Один — доктор Экленд, другой — краснолицый, видимо, он был в толпе

возле «Местечка Крира», но тогда не произвел на меня особого впечатления. За ними, вытирая вспотевшие руки, сидел сам Крир (его мне показал Лестрейд). Я сразу понял, что все они — свидетели.

Тут ввели Холмса. На нем была та же одежда, в какой его арестовали, и он был до такой степени не похож на себя, что при других обстоятельствах я мог бы подумать: он нарочно изменил облик, чтобы сбить меня с толку, ведь такой номер он проделывал неоднократно. Было видно, что он провел бессонную ночь. Его подвергли длительному допросу, и мне даже не хотелось думать, какие унижения, так хорошо знакомые рядовым преступникам, пришлось ему пережить. Он и в лучшие времена был худощав, но сейчас выглядел абсолютно изможденным... Однако по пути на скамью подсудимых он обернулся и глянул на меня — в глазах его я увидел живой огонек, из чего заключил, что бой отнюдь не проигран, ведь Холмс умел собирать волю в кулак и бывал наиболее опасен именно тогда, когда шансы на успех, казалось бы, минимальны. Сидевший рядом со мной Лестрейд выпрямил спину и что-то буркнул про себя. Он был сердит и полон негодования — переживал за Холмса, открывшись мне с неожиданной стороны.

Появился барристер, эдакий округлый коротышка, с пухлыми губами и тяжелыми веками, и скоро стало ясно, что он взял на себя роль обвинителя, хотя так и хотелось назвать его инспектором манежа: он манерничал, переигрывал и судебное слушание превратил в цирк.

— Обвиняемый — хорошо известный сыщик, — начал он. — Господин Шерлок Холмс приобрел известность благодаря напечатанным о нем рассказам, которые при всей их сенсационности и поднятой вокруг них шумихе лишь частично отражают истину. — При этих словах я рассвирепел и даже хотел заявить протест, но Лестрейд подался вперед и мягко похлопал меня по руке. — При этом нельзя отрицать, что некоторые не самые способные сотрудники Скотленд-Ярда считают себя перед господином Холмсом в долгу, потому что время от времени он помогал им в их расследовании намеками или аналитическими выкладками, что давало положительный результат. — Теперь нахмурился уже Лестрейд. — Но даже лучшие из нас находятся во власти демонов. В случае господина Холмса это опиум, который и превратил его из друга закона в худшего из правонарушителей. Не подлежит сомнению, что вчера в одиннадцать вечера он вошел в курительню опиума в Лаймхаусе, именуемую «Местечко Крира». Мой первый свидетель — владелец этого заведения, Исайя Крир.

Крир занял место для дачи свидетельских показаний. Давать присягу в ходе подобных слушаний не требуется. Я видел только его затылок, бледный и безволосый, который переходил в шею таким образом, что понять, где начинается одно и кончается другое, было почти невозможно. Ведомый прокурором, он рассказал следующую историю.

Да, обвиняемый пришел в его заведение — частное и вполне законное, милорд, где господа могут предаться своей привычке в обстановке уюта и безопасности, — едва пробило одиннадцать. Говорить почти ничего не говорил. Попросил дозу дурманящего средства, заплатил и тотчас принялся курить. Через полчаса попросил повторить. Господин Крир успокоился, что господин Холмс — имя-то я узнал уже потом, а так, уважаемый суд, я его раньше и в глаза не видел — может разбушеваться, начнет буйнить. Господин Крир сказал, что принимать вторую дозу едва ли будет разумно, но джентльмен стал решительно настаивать, и, чтобы избежать сцены и не нарушать покоя, каким заведение славится, он исполнил требование в обмен на оплату. Господин Холмс выкурил вторую трубку и возбудился до такой степени, что Криру пришлось послать мальчика за полицейским — что, если он и вправду начнет куролесить? Он пытался господина Холмса урезонить, как-то утихомирить, но где там! Бешено вращая глазами и не владея собой, господин Холмс вдруг заявил, что в комнате собрались его враги, они его преследуют, его жизнь в опасности. Вытащил револьвер — ну уж тут господин Крир попросил его выйти из помещения.

— Я боялся за свою жизнь, — объяснил он суду. — Только об одном и думал: пусть уйдет побыстрее. Теперь вижу, как был неправ, — надо было, наоборот, удержать его внутри, пока не прибыла помощь в лице констебля Перкинса. Ведь когда я выпустил господина Холмса на улицу, он совершенно лишился рассудка. Как говорится, не ведал, что творит. Мне, ваша честь, такое поведение видеть не впервой. Совсем люди голову теряют. Это все от наркотика — побочное явление. Точно могу сказать: когда господин Холмс пристрелил несчастную девочку, он думал, что перед ним какое-то жуткое чудовище. Знай я, что он вооружен, нипочем не дал бы ему снадобье, помоги мне Господи!

Такой ход событий был полностью подтвержден вторым свидетелем, краснолицым человеком, на которого я уже обратил внимание. Он был анемичен, с чрезмерно изысканными манерами, эдакий гротескный аристократ, с узким носом, который вдыхал воздух простого городского квартала с явным презрением. Ему было не больше тридцати лет, одежда соответствовала самой последней моде. Никаких откровений не последовало, он почти слово в слово повторил то, что сказал Крир. Он лежал на матрасе в другой части комнаты и, хотя пребывал в весьма расслабленном состоянии, готов поклясться, что полностью осознавал происходившее рядом.

— К опиуму я обращаюсь время от времени, — заключил он. — На несколько часов он позволяет мне забыть треволения и обязанности, каких хватает в моей жизни. Ничего постыдного я в этом не вижу. Я знаю многих, кто принимает настойку опия в тиши своего жилища по этой же причине. Я не вижу тут большого отличия от табака или алкоголя. Правда, — заметил он с ударением, — надо знать меру.

И только когда судья спросил для протокола его имя, молодой человек произвел в зале суда фурор.

— Я — лорд Хорас Блэкуотер.

Судья внимательно взглянул на него.

— Правильно ли я понимаю, сэр, что вы — член семьи Блэкуотеров из Галламшира?

— Да, — ответил молодой человек. — Граф Блэкуотерский — мой отец.

Я был удивлен не меньше остальных. Отпрыск одного из старейших родов в Англии — в какой-то убогой курильне в Блюгейт-Филдс? Это просто поражало воображение, даже шокировало. В то же время было ясно: такие показания заметно прибавят веса обвинению против моего друга. Свою версию событий излагает не какой-то там неотесанный моряк или шарлатан. Показания давал человек, для которого само признание визита в «Местечко Крира» могло быть равносильно краху.

К счастью для него, в зале не было журналистов — ведь это был всего-навсего полицейский суд. Можно не добавлять, что в этом смысле повезло и Холмсу. Сэр Хорас сел на свое место, а по залу прокатился ропот — люди пришли сюда развлечься, и столь пикантная подробность была для них настоящим угощением. Мировой судья перекинулся несколькими словами с одетым в черное приставом, а давать свидетельские показания вышел Стэнли Перкинс, которого я видел прошлым вечером. Перкинс стоял навывтяжку, держа у бока свой шлем, словно это была его голова, а сам он — призрак лондонского Тауэра. Рассказ его был короток, впрочем, за него уже и так почти все рассказали. К нему подбежал мальчик, посланный Криром, и попросил прийти в дом на углу Милуорд-стрит. Он был на пути туда, как вдруг услышал два выстрела и поспешил на Коппергейт-сквер, где и обнаружил мужчину, лежавшего без сознания с револьвером в руке, и девочку в луже крови. Он сразу приступил к исполнению своих обязанностей, тем временем стал собираться народ. Было ясно, что девочке помощь уже не требуется. Дальше он рассказал, что на месте происшествия появился я и опознал человека без сознания как Шерлока Холмса.

— Я ушам своим не мог поверить, — признался он. — Ведь про некоторые подвиги господина Шерлока Холмса я читал, и вдруг такое... Просто уму непостижимо.

На смену Перкинсу пришел Гарриман, легко узнаваемый по белой гриве. Говорил он взвешенно, тщательно подбирая слова, каждое било в точку, и фантазия подсказывала, что свою речь он репетировал несколько часов — вполне возможно, именно так и было. Говорил он с нескрываемым презрением в голосе. Казалось, главная цель его жизни — добиться для моего друга тюремного заключения и даже казни.

— Позвольте рассказать суду о том, где я был вчера вечером. — Так он начал. — В связи с ограблением банка я оказался на Уайт-Хорс-роуд, это совсем недалеко от места преступления. Я уже собирался уходить, как вдруг услышал выстрелы, свисток констебля и повернул в южном направлении — посмотреть, могу ли я быть полезен. На месте я увидел, что там уже работает констебль Перкинс, он прекрасно справлялся со своими обязанностями. Я буду рекомендовать констебля Перкинса на повышение по службе. Именно он сообщил мне, кем является человек, который сейчас стоит перед вами. Как вы уже слышали, у господина Шерлока Холмса есть определенная репутация. Думаю, что многие из его поклонников будут разочарованы, когда узнают, что истинная природа этого человека, губительное пристрастие к наркотикам и

убийственные последствия этой страсти оказались весьма далеки от вымысла, который, будучи положенным на бумагу, доставлял всем нам такое удовольствие.

Господин Холмс убил Салли Диксон — это совершенно очевидно. Даже его биографу, наделенному недюжинной фантазией, не удастся посеять сомнения в душах его читателей. На месте преступления я лично видел, что оружие в его руке было еще теплым, на рукаве его были черные пятна от пороха, а на пальто — несколько пятнышек крови, они могли туда попасть только в одном случае — он стоял в непосредственной близости от девушки, когда ее застрелили. Господин Холмс был в полудреме, он пытался выйти из опиумного транса и почти не понимал, сколь ужасную вещь совершил. Я говорю «почти не понимал», но это вовсе не значит, что он был вообще не в курсе случившегося. Он знал, что виновен, ваша честь. Он не пытался как-то защититься. Когда я сказал ему, что он арестован, он не стал убеждать меня, что подлинные обстоятельства как-то отличаются от описанных мною.

И только сегодня утром, проспав восемь часов и приняв холодный душ, он придумал какую-то невероятную историю, из которой следует, что он невиновен. Он сказал мне, что прибыл в «Местечко Крира» не по велению своего неукротимого аппетита, а в интересах проводимого им расследования, поделиться со мной подробностями которого он отказался. Якобы некий человек, известный ему как Гендерсон, направил его в Лаймхаус в поисках ключа к разгадке, но сведения оказались ложными: он угодил в ловушку и едва пересек порог курильни, как на него напали и силой заставили принять наркотик. Лично мне кажется странным, что человек по доброй воле приходит в курильню опиума, а потом жалуется, что ему дали наркотик. Господин Крир всю свою жизнь продает наркотические вещества людям, которые хотят их купить, и трудно себе представить, что в этом конкретном случае он решил угостить посетителя бесплатно. Но мы знаем, что все это от начала до конца — ложь. Мы уже выслушали показания уважаемого свидетеля, который видел: господин Холмс выкурил одну трубку, а затем потребовал другую. Господин Холмс также заявил, что убитая девушка ему знакома, что она тоже была частью его загадочного расследования. Эти его показания я готов принять. Вполне возможно, что он встречал ее раньше и, находясь в состоянии горячки, принял ее за какого-то матерого преступника. Другого мотива для убийства у него просто не было.

Мне остается только добавить, что теперь господин Холмс утверждает: он жертва заговора, а заговорщики — это я, констебль Перкинс, Исайя Крир, лорд Хорас Блэкуотер и, очень возможно, даже вы, ваша честь. Я бы назвал это бредом сумасшедшего, но дело обстоит хуже. Речь идет о намеренной попытке обелить себя, устранить последствия того состояния, в которое он вверг себя вчерашним вечером. К несчастью для господина Холмса, у нас есть еще один свидетель, который видел момент самого убийства. Не сомневаюсь, что его показания поставят в этих слушаниях финальную точку. Со своей стороны могу сказать, что за пятнадцать лет службы в лондонской полиции я еще не встречал случая, где улики были бы столь явными и убедительными, а виновный столь очевиден.

Я почти ожидал, что он раскланяется. Но он лишь уважительно кивнул судье и занял свое место.

Последним свидетелем был доктор Томас Эклэнд. В темноте и суматохе вчерашней ночи я его почти не разглядел, но теперь видел его прямо перед собой: малопривлекательный человек с ярко-рыжими кудрями (в Союз рыжих его бы приняли с превеликим удовольствием), неровными барашками они спадали с вытянутой головы, а темные веснушки создавали впечатление кожного заболевания. Чахлые усики, вытянутая шея, водянистые голубые глаза. Не исключено, что, описывая его внешность, я сгущаю краски, но я испытывал глубокое и необъяснимое отвращение к человеку, чьи слова доказывали вину моего друга с окончательной неопровержимостью. Я сейчас возвращаюсь к официальному протоколу слушания и соответственно даю точное изложение произнесенного: какие вопросы Эклэнду задавали, как он на них отвечал, — тогда никто не скажет, что в собственных интересах я извратил истину.

ПРОКУРОР. Сообщите, пожалуйста, суду ваше имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Томас Эклэнд.

ПРОКУРОР. Вы из Шотландии?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, но сейчас живу в Лондоне.

ПРОКУРОР. Если можно, доктор Экленд, вкратце расскажите о вашей карьере.

СВИДЕТЕЛЬ. Я родился в Глазго и изучал медицину в тамошнем университете. Диплом врача получил в 1867 году. Я стал читать лекции в Королевской школе медицины в Эдинбурге, а потом получил ставку на кафедре клинической медицины в Эдинбургской королевской детской лечебнице. Пять лет назад, когда умерла жена, перебрался в Лондон: меня пригласили заведовать Вестминстерской больницей, где я сейчас и работаю.

ПРОКУРОР. Вестминстерская больница обслуживает бедные слои населения и финансируется на средства граждан, верно?

СВИДЕТЕЛЬ. Да.

ПРОКУРОР. И вы лично, как я понимаю, внесли щедрый вклад в ремонт и расширение этой больницы.

СУДЬЯ. Господин Эдвардс, если не возражаете, перейдем к делу.

ПРОКУРОР. С удовольствием, ваша честь. Доктор Экленд, пожалуйста, расскажите суду, как вы оказались в районе Милуорд-стрит и Коппергейт-сквер вчера вечером?

СВИДЕТЕЛЬ. Я навещал пациента. Это добросовестный труженик, из бедной семьи, он выписался из больницы, но его состояние продолжало меня беспокоить. Я прибыл к нему поздно, потому что задержался на обеде в Королевском обществе медиков. Из его дома я вышел в одиннадцать, намереваясь прогуляться до Холборна, где обитаю. Но я заблудился в тумане и совершенно случайно оказался на этой самой площади незадолго до полуночи.

ПРОКУРОР. Что же вы увидели?

СВИДЕТЕЛЬ. Я видел все, от начала до конца. Я увидел девочку, плохо одетую для этой немилосердной погоды, лет четырнадцати-пятнадцати. Страшно даже представить, что она делала на улице в столь поздний час, — ведь известно, что в этом квартале правит порок. Когда я ее увидел, руки ее были подняты, а черты лица выражали ужас. Она произнесла два слова: «Прошу вас!..» Потом раздались два выстрела, и она упала на землю. Я сразу понял, что она мертва. Вторая пуля попала в голову и убила ее наповал.

ПРОКУРОР. Вы видели, кто стрелял?

СВИДЕТЕЛЬ. Поначалу нет. Было очень темно, увиденное меня потрясло, я решил, что тут бродит какой-то сумасшедший — кому еще придет в голову стрелять в беззащитного ребенка? Тут я заметил фигуру неподалеку, человек держал в руке револьвер, который еще дымился. На моих глазах он застонал и упал на колени. Потом, потеряв сознание, растянулся на земле.

ПРОКУРОР. Вы сейчас видите этого человека?

СВИДЕТЕЛЬ. Да. Вот он передо мной, на скамье подсудимых.

По залу снова пронесся ропот, всем зрителям, как и мне, стало ясно: эти показания — самые губительные. Сидевший рядом Лестрейд притих и поджал губы — я понял, что его вера в Холмса, принесшая ему столько пользы, изрядно пошатнулась. А что же я? Признаюсь, я был в смятении. По идее невозможно было представить, что мой друг убил ту самую девочку, с которой больше всего хотел поговорить, — ведь была вероятность, что Салли Диксон узнала от своего брата нечто, способное привести нас к «Дому шелка». Кстати, очень интересно было бы узнать, что она вообще делала на Коппергейт-сквер. Может, ее поймали и держали под замком еще до того, как к нам пришел Гендерсон? А он просто заманил нас в ловушку, предполагая завершить дело именно таким образом? Такое объяснение казалось мне единственно логичным. В то же время я вспомнил не раз слышанные слова Холмса: отбрось невозможное, и что останется, каким бы невероятным оно ни казалось, будет правдой. Можно отбросить показания Исаяи Крира — такого человека ничего не стоит подкупить, он скажет все, что от него потребуют. Но совершенно невозможно или по меньшей мере абсурдно полагать, что видный врач из Глазго, старший полицейский чин из Скотленд-Ярда и сын графа Блэкуотерского, представитель английской аристократии, собрались вместе, чтобы без видимой причины сфабриковать показания и обвинить в преступлении человека, которого они никогда прежде не видели. Именно перед таким выбором я оказался. Либо все четверо лгут, либо Холмс под воздействием опиума действительно совершил жуткое преступление.

Но судью подобные сомнения не терзали. Выслушав показания, он попросил книгу обвинений, занес туда имя и адрес Холмса, возраст и само выдвинутое против него обвинение.

Сюда же были вписаны имена и адреса прокурора и его свидетелей, а также перечень вещей, найденных у заключенного. (Он включал в себя пару очков-пенсне, моток бечевки, кольцо с печаткой, изображавшей герб герцога Кассель-Фельштинского, два окурка, завернутых в страницу из лондонской «Корн серкулар», пипетку, несколько греческих монет и кусочек берилла. По сей день мне интересно, что обо всем этом подумали власти.) Холмсу, за все время слушания не произнесшему ни слова, было сказано, что он останется под стражей до решения коронерского суда, который состоится в начале следующей недели. А потом начнется судебный процесс. На этом слушание было закрыто. Мировой судья торопился — ему предстояло рассмотреть еще несколько дел, а за окном уже начинало темнеть. Я смотрел, как Холмса выводят из зала суда.

— Идемте, Ватсон! — сказал Лестрейд. — Живее, у нас мало времени.

Я вышел за ним из зала, спустился на один лестничный пролет и попал в подвальный этаж. Комфортом там и не пахло, даже стены были выкрашены в зловещий цвет, изрядно облупились и имели убогий вид. Возможно, этаж был спроектирован специально для заключенных, мужчин и женщин, которым пришлось распрощаться с обычным миром наверху. Лестрейд, естественно, здесь бывал. Он быстро провел меня по коридору, и мы оказались в вытянутой комнате, выложенной белым кафелем, с одним окном и скамьей, которая тянулась по всей длине помещения. Скамью делили деревянные перегородки, и, сидя здесь, ты был изолирован и не мог общаться с теми, кто сидел по другую сторону. Я сразу понял — это был тюремный зал ожидания. Возможно, здесь до слушания держали Холмса.

Едва мы вошли, у двери возникло какое-то движение — и в сопровождении человека в форме появился Холмс. Я бросился к нему и даже был готов его обнять, но сдержался — для него это было бы еще одним звеном в цепи испытанных им унижений. Но когда я обратился к нему, голос мой предательски задрожал:

— Холмс! У меня просто нет слов. Несправедливый арест, такое обращение с вами... просто не укладывается в голове.

— Да, все это чрезвычайно интересно, — откликнулся он. — Здравствуйте, Лестрейд. Забавно развиваются события, да? Что вы об этом скажете?

— Не знаю, что и думать, господин Холмс, — пробормотал Лестрейд.

— Ну, к этому нам не привыкать. Наш друг Гендерсон устроил нам хорошенькую свистопляску, а, Ватсон? Не будем забывать, что чего-то подобного я и ожидал, будем считать, что Гендерсон сослужил нам добрую службу. Я и раньше подозревал, что мы натолкнулись на заговор, который не ограничивается убийством в гостиничном номере. Теперь я в этом уверен.

— Какой толк от этой уверенности, если вас посадят в тюрьму и нанесут разрушительный удар по репутации? — ответил я.

— Думаю, моя репутация сама о себе позаботится, — сказал Холмс. — Если меня повесят, Ватсон, вам придется убедить ваших читателей, что произошло большое недоразумение.

— Вы, конечно, можете шутить, господин Холмс, — вмешался Лестрейд с досадой в голосе. — Но хочу вас предупредить — у нас очень мало времени. А улики против вас, если говорить прямо, неопровержимые.

— Что думаете о свидетелях, Ватсон?

— Не знаю, Холмс, что сказать. Друг друга они, судя по всему, не знают. Родом из совершенно разных мест. И в то же время дают одну и ту же картину происшедшего.

— Надеюсь, мое слово для вас значит больше, чем слово нашего друга Исаяи Крира?

— Естественно.

— Тогда знайте: то, что я рассказал инспектору Гарриману, полностью соответствует действительности. При входе в курильню опиума меня встретил Крир — как нового клиента, скажем так, радушно, но не без осторожности. На матрацах в полузабытыи — или делая вид — лежали четверо, один из них действительно был лорд Хорас Блэкуотер, хотя, конечно, тогда я его не знал. Я дал понять, что пришел за четырехпенсовой порцией радости, и Крир предложил пройти в его кабинет и там с ним расплатиться. Чтобы не вызывать подозрений, я согласился, но едва переступил порог комнаты, как на меня набросились двое, схватили за шею, связали руки.

Одного из них, Ватсон, мы знаем. Гендерсон, собственной персоной! Другой был бритоголовый, с плечами и бицепсами борца, настоящий силач. Я не мог и шевельнуться. «Очень неразумно, господин Холмс, встревать в дела, которые вас не касаются, и неразумно полагать, что

вы можете тягаться с людьми, которые куда сильнее вас», — сказал Гендерсон или что-то в этом роде. В это же время ко мне подошел Крир, в руке его был стаканчик с отвратительно пахнущей жидкостью. Это было какое-то дурманящее зелье, и его влили мне между губ, я ничего не мог поделаться — трое против одного. Вытащить оружие я не мог. Средство подействовало почти немедленно. Комната поплыла перед глазами, ноги совершенно обмякли. Эти трое отпустили меня — и я рухнул на пол.

— Мерзавцы! — вскричал я.

— А дальше? — спросил Лестрейд.

— Больше ничего не помню — пришел в себя, когда рядом оказался Ватсон. Видимо, мне дали очень сильное средство.

— Все это замечательно, господин Холмс. Но как объяснить показания доктора Экланда, лорда Хораса Блэкуотера и моего коллеги Гарримана?

— Они сговорились.

— Но зачем? Все они — люди непростые.

— Именно. Будь они простыми, я был бы более склонен им поверить. Вас не удивляет, что три таких замечательных представителя рода человеческого выплыли из тьмы в одно и то же время?

— Но в логике им не откажешь. Ни одного сомнительного слова в суде не прозвучало.

— Нет? Позволю себе с вами не согласиться, Лестрейд, я насчитал несколько. Возьмем для начала милейшего доктора Экланда. Он сказал, что было слишком темно и он не мог видеть, кто стрелял, но тут же добавил, что увидел дымок из моего револьвера, — это вас не удивляет? Какое-то уникальное у него зрение. Теперь Гарриман. Есть смысл уточнить, было ли ограбление банка на Уайт-Хорс-роуд. Прямо какое-то указание свыше.

— Что вы имеете в виду?

— Если бы я собрался грабить банк, я бы подождал до полуночи, когда народ совсем разойдется с улиц. К тому же я предпочел бы районы побогаче: Мэйфейр, Кенсингтон, Белгравия, — там местным жителям есть что нести в банк, соответственно есть что украсть.

— А что скажете про Перкинса?

— Констебль Перкинс — единственный честный свидетель. Ватсон, если вас не затруднит...

Но Холмсу не удалось закончить: в дверях появился готовый метать громы и молнии Гарриман.

— Какого дьявола здесь творится?! — вскричал он. — Почему заключенный не на пути в камеру? Кто вы, сэр?

— Я инспектор Лестрейд.

— Лестрейд! Я вас знаю. Но это дело веду я. Почему вы вмешиваетесь?

— Господин Шерлок Холмс мне очень хорошо известен...

— Господин Шерлок Холмс известен очень многим. Мы всех их будем сюда приглашать для близкого знакомства? — Гарриман повернулся к полицейскому, который вывел Холмса из зала суда и теперь стоял неподалеку, явно чувствуя себя неловко. — Полицейский! Я запишу вашу фамилию и номер — будете наказаны. А сейчас отведите господина Холмса на задний двор, там его ждет полицейский транспорт, чтобы перевезти на новое место жительства.

— Куда именно? — спросил Лестрейд.

— Он будет содержаться в исправительном доме в Холлоуэе.

При этих словах я побелел: любой лондонец знал, в каких условиях содержатся заключенные в этой мрачной и внушительной крепости.

— Холмс! — крикнул я. — Я вас навещу...

— Как ни печально, я вынужден возразить: пока идет расследование, принимать посетителей господин Холмс не сможет.

Что еще оставалось нам с Лестрейдом? Оказывать сопротивление Холмс не пытался. Полицейский подошел к нему, помог подняться и вывел из комнаты. Гарриман проследовал за ними, и мы остались вдвоем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Яд

О смерти Салли Диксон и судебном слушании написали все газеты. Одна статья сейчас лежит передо мной, бумага изрядно поистерлась от времени, и кажется, в ней вот-вот появятся дыры.

Два дня назад на Коппергейт-сквер, неподалеку от реки и Лаймхаус-Бейсин, было совершено серьезное и омерзительное преступление. Вскоре после полуночи констебль Перкинс, патрулировавший квартал, услышал выстрел и поспешил к источнику шума. Он не успел спасти жертву, шестнадцатилетнюю девушку, она работала в лондонском пабе и жила неподалеку. Следствие установило, что она возвращалась домой и неожиданно подверглась нападению человека, только что вышедшего из курительни опиума, какими славится этот район. Этим человеком оказался Шерлок Холмс, детектив-консультант, который тут же был взят полицией под стражу. Свою причастность к преступлению он отрицает, но против него дали показания несколько весьма уважаемых свидетелей, включая доктора Томаса Экленда из Вестминстерской больницы и лорда Хораса Блэкуотера, которому принадлежит тысяча акров земли в Галламшире. Господина Холмса поместили в исправительный дом в Холлоуэе, и вся эта прискорбная история — лишнее свидетельство того, что бичом нашего общества являются наркотики; она ставит под вопрос законность существования курилен, этих рассадников порока, в которых можно свободно приобрести смертоносное зелье.

Могу не уточнять, что читать эти строки наутро в понедельник после ареста Холмса было чрезвычайно неприятно. Некоторые положения этого отчета были весьма сомнительны. «Мешок с гвоздями» находился в Ламбете. С чего репортер взял, что Салли Диксон возвращалась домой? Любопытно, что пребывание самого лорда Хораса в «рассаднике порока» было оставлено без внимания.

Выходные пришли и ушли — что мне было делать эти два дня? Только нервничать и ждать новостей. Я послал в Холлоуэй свежий комплект одежды и пищу, но дошла ли передача до Холмса, я не знал. Майкрофт никак себя не проявил, хотя пропустить статьи в газетах он не мог, к тому же я послал в «Диоген» несколько сообщений. Я не знал, как быть: негодовать или тревожиться? С одной стороны, его молчание было неучтивым и даже вызывающим — конечно, мы ослушались и сделали именно то, чего он просил не делать, но он все равно без колебаний мог бы воспользоваться своим влиянием, учитывая серьезность положения, в каком оказался его брат. Но я помнил слова Майкрофта: «Я ничем не смогу вам помочь»... Что же это за «Дом шелка» такой, способный связать по рукам и ногам человека, имеющего влияние в коридорах власти?

Я уже решил прогуляться к клубу и предстать перед Майкрофтом лично, как вдруг зазвонил дверной звонок, и после небольшой паузы миссис Хадсон вошла в сопровождении очень красивой и чрезвычайно обаятельной женщины, одетой с простой элегантностью. Я был так погружен в собственные мысли, что не сразу узнал госпожу Кэтрин Карстерс, жену уимблдонского галериста, чей визит к нам и положил начало цепи неприятных событий. На самом деле, увидев ее, я затруднился увязать обстоятельства, то есть не мог объяснить, каким образом шайка ирландских бандитов в американском городе, уничтожение четырех полотен Джона Констебла и пальба, открытая агентами Пинкертон, могли привести нас к нынешнему положению дел. Это был настоящий парадокс. С одной стороны, труп в частной гостинице госпожи Олдмор стал отправным пунктом для дальнейших событий, с другой стороны, он не имел с этими событиями ничего общего. Вероятно, тут во мне берет верх писатель, но вполне можно сказать, что два моих повествования каким-то образом переплелись воедино и персонажи из одного взяли и перекочевали в другое. Вот до какой степени я пришел в смятение, когда увидел госпожу Карстерс. Да, это именно она стояла передо мной, я тупо смотрел на нее — и вдруг она разрыдалась.

— Дорогая госпожа Карстерс! — воскликнул я, вскакивая на ноги. — Прошу вас, не надо так огорчаться. Садитесь. Налить вам воды?

Она не могла вымолвить ни слова. Я подвел ее к креслу, она достала платок и промокнула им глаза. Я налил воды и принес ей, но она жестом отказалась.

— Доктор Ватсон, — пробормотала она наконец. — Вы должны простить меня за этот визит.

— Что вы! Я очень рад вас видеть. Просто, когда вы вошли, я был погружен в свои мысли, но сейчас, поверьте, я в вашем полном распоряжении. Есть ли у вас новости из Риджуэй-холла?

— Есть. Жуткие новости. А господина Холмса нет?

— Разве вы не слышали? Не читали газеты? Она покачала головой.

— Новости меня не интересуют. Муж не хочет, чтобы я читала газеты.

Я хотел показать ей статью, которую только что прочел, но передумал.

— Боюсь, господин Шерлок Холмс вышел из строя, — сказал я. — На некоторое время.

— Тогда я пропала. Мне просто не к кому больше обратиться. — Она опустила голову. — Эдмунд не знает, что я пришла к вам. Если честно, он был категорически против. Но клянусь, доктор Ватсон, я просто сойду с ума. Неужели этот кошмар, разрушающий нашу жизнь, никогда не кончится?

Она снова начала плакать, а я беспомощно сидел и ждал, пока она успокоится.

— Может, стоит рассказать, что вас сюда привело? — предложил я.

— Я расскажу. Но сможете ли вы помочь? — Внезапно она оживилась. — Конечно! Вы же доктор! Доктора к нам уже приходили. Столько, что и не перечесать. Но, может быть, вы посмотрите на то, что происходит, по-другому. Вдруг вы все поймете?

— Ваш муж заболел?

— Не муж. Золовка, Элиза. Помните ее? Когда вы познакомились, она уже жаловалась на головную боль, еще какие-то боли, но с тех пор ее состояние внезапно ухудшилось. Эдмунд считает, что она умирает и ей ничем нельзя помочь.

— Почему вы решили прийти за помощью сюда?

Госпожа Карстерс выпрямилась в кресле. Она вытерла глаза, и мне вдруг открылась ее сила духа, которую я отметил при нашей первой встрече.

— Мы с золовкой недолюбливаем друг друга, — сказала она. — Не буду этого скрывать. С самого начала она считала меня авантюристкой, вонзившей когти в ее брата, когда он пребывал в состоянии глубокой подавленности, охотницей за чужим состоянием, только и мечтавшей на ее брате нажиться. А я, между прочим, привезла сюда свои деньги, и немаленькие. Я, между прочим, вернула Эдмунду здоровье на борту «Каталонии». Кем бы я ни была, Элиза и ее матушка с самого начала меня возненавидели, с самого начала меня отвергли. Понимаете, Эдмунд всегда принадлежал им — младший брат, преданный сын, им невыносимо было думать, что кто-то еще может сделать его счастливым. И в смерти своей матери Элиза обвиняет меня. Представляете? Пламя вырвалось из газовой горелки, трагический несчастный случай, а она вбила себе в голову, что ее мама покончила жизнь самоубийством, лишь бы не видеть меня новой хозяйкой в их доме. Возможно, у них обеих помутился рассудок. Я не смею сказать это Эдмунду, но это правда. Почему они не могли смириться с тем, что он любит меня, почему не могли за нас порадоваться?

— А это новое заболевание?..

— Элиза считает, что ее травят ядом. Мало того, она убеждена, что это моих рук дело. Не спрашивайте, почему она в этом убеждена. Я же говорю — помутнение рассудка!

— Вашему мужу об этом известно?

— Конечно! Она обвинила меня в его присутствии! Бедный Эдмунд! Я никогда не видела мужа таким смущенным. Он не знал, как реагировать. Что будет с ее рассудком, если он возьмет мою сторону? Эдмунд был совершенно подавлен, но едва мы остались одни, он кинулся ко мне, умоляя его простить. Элиза больна, в этом нет сомнений. Эдмунд считает, что ее навязчивые мысли — следствие этой болезни. Вполне возможно, он прав. Но все равно для меня это положение стало невыносимым. Пищу для нее теперь готовят отдельно, и Кирби несет ее прямоком из кухни в ее комнату, ни на секунду не выпуская из поля зрения. Фактически Эдмунд ест из той же тарелки, что и она. Он делает вид, что составляет ей компанию, но по сути выполняет те же функции, что и дегустатор в Древнем Риме. Может, мне следует его за это поблагодарить. Вот уже неделю он ест все, что и она, и прекрасно себя чувствует, а ей становится

все хуже. Если я добавляю ей в пищу сонную одурь, почему же эта отравка действует так избирательно? Это настоящая загадка.

— А в чем причину ее болезни видят доктора?

— Они в полном замешательстве. Сначала они решили, что это диабет, потом заражение крови. Теперь они опасаются худшего и лечат ее от холеры. — Она опустила голову, а когда подняла снова, глаза ее были полны слез. — Скажу вам жуткую вещь, доктор Ватсон. Иногда я хочу, чтобы Элиза умерла. Я никогда не желала смерти другому человеку, даже моему бывшему мужу в минуты его пьяного буйства. Но порой я думаю: если Элиза уйдет, по крайней мере нас с Эдмундом оставят в покое. Разлучить нас — вот мечта всей ее жизни.

— Вы хотите, чтобы я съездил с вами в Уимблдон? — спросил я.

— Вы поедете? — Глаза ее загорелись. — Эдмунд не хотел, чтобы я встречалась с Шерлоком Холмсом. По двум причинам. С его точки зрения, деловые отношения между ним и вашим коллегой завершены. Человек из Бостона, который его преследовал, мертв, а значит, никаких действий больше не требуется. И если я приведу в дом детектива, Элиза, по его мнению, лишний раз убедится в своей правоте.

— А вы что считаете?

— Я надеялась, что господин Холмс докажет мою невиновность.

— Если вам станет легче на душе, я готов вас сопроводить, — сказал я. — Но имейте в виду, я всего лишь врач общей практики, мой врачебный опыт ограничен, хотя длительное общение с Шерлоком Холмсом научило меня подмечать необычное, и, возможно, я увижу нечто, ускользнувшее от внимания других докторов.

— Правда, доктор Ватсон? Я буду вам очень благодарна. Временами я чувствую себя совершенно чужой в этой стране, и какое благо, что можно рассчитывать на чью-то поддержку.

Мы вышли вместе. Я не собирался покинуть Бейкер-стрит, но было ясно, что сидение в четырех стенах вряд ли что-то даст. Лестрейд по моей просьбе пытался что-то сделать, но разрешение посетить Холмса в Холлоуэе пока получено не было. Майкрофт в «Диогене» появится только ближе к вечеру. И, несмотря на сказанное госпожой Карстерс, тайна человека в кепке была далека от разрешения. Будет интересно снова встретиться с Эдмундом Карстерсом и его сестрой... Конечно, я плохая замена Холмсу, но вдруг удастся увидеть или услышать что-то, способное пролить свет на происшедшее и ускорить освобождение моего друга.

Поначалу Карстерс не обрадовался, когда я появился в вестибюле его дома с изысканными картинами и негромко тикающими часами. Он собирался ехать на обед и был одет со всей тщательностью: сюртук, серый сатиновый шейный платок, до блеска начищенные туфли. Цилиндр и трость лежали на столике у двери.

— Доктор Ватсон! — воскликнул он и повернулся к жене. — Кажется, мы договорились, что прибегать к услугам Шерлока Холмса больше не будем?

— Я не Холмс, — уточнил я.

— Это верно. Я только что прочитал в газете, что господин Холмс попал в пренеприятную историю.

— Он расследовал дело, которое к его двери принесли вы.

— Но это дело завершено.

— Вынужден с вами не согласиться.

— Будет тебе, Эдмунд, — вмешалась госпожа Карстерс. — Доктор Ватсон был настолько добр, что приехал сюда со мной из Лондона. Он согласился осмотреть Элизу и высказать свое авторитетное мнение.

— Элизу осмотрели уже несколько докторов.

— Еще одно мнение лишним не будет. — Госпожа Карстерс взяла мужа за руку. — Ты не представляешь, в каком я состоянии последние несколько дней. Прошу тебя, дорогой. Пусть доктор ее осмотрит. Может быть, ей полегчает, хотя бы потому, что кто-то выслушает ее жалобы.

Карстерс смягчился. Похлопал жену по руке.

— Хорошо. Но прямо сейчас не получится. Сестра поднялась поздно, и я слышал, что она принимает ванну. С ней Элси. Пока она приведет себя в надлежащий вид, пройдет не меньше получаса.

— С удовольствием подожду, — сказал я. — Пока есть время, если не возражаете, я бы осмотрел кухню. Коль скоро ваша сестра настаивает, что в пищу ей что-то подмешивают, есть смысл посмотреть, где эту пищу готовят.

— Разумеется, доктор Ватсон. Извините, что был груб. Господину Холмсу я желаю всего наилучшего, а вас рад видеть. Просто этому кошмару не видно ни конца ни края. Сначала Бостон, потом моя несчастная мама, потом убийство в гостинице и вот теперь Элиза. Только вчера я приобрел работу гуашью рубенсовской школы, прекрасная работа — Моисей на Красном море. И сейчас я думаю: а вдруг на меня наслали проклятия, как на египетского фараона?

Мы спустились вниз, в большую и довольно просторную кухню, до того заполненную всякими кастрюлями и сковородками, дымящимися котлами и столами для резки и рубки, что складывалось впечатление активной деятельности, хотя деятельность была сведена почти к нулю. В комнате находились трое. Одного я узнал сразу. Это был дворецкий Кирби, который в свое время пустил нас в Риджуэй-холл. Он сидел за столом и намазывал хлеб маслом. Маленькая рыжеволосая толстушка стояла у плиты и помешивала суп, и аромат говядины и овощей распространялся по комнате. Третьим был молодой проныра, он сидел в углу и лениво протирал ножи и вилки. Кирби с нашим появлением поднялся, а парень остался сидеть, поглядывая через плечо, будто вошли какие-то незваные гости, не имевшие права его беспокоить. Этому длинноволосому блондину с девичьим лицом было лет восемнадцать-девятнадцать. Я вспомнил, как Карстерс говорил Холмсу и мне, что под лестницей у них работает племянник жены Кирби, Патрик, — видимо, это он и был.

Карстерс представил меня.

— Это доктор Ватсон, он пытается определить, чем больна моя сестра. Он задаст вам несколько вопросов — постарайтесь ответить на них как можно откровеннее.

Я навязчиво вторгся в кухню, но совершенно не знал, что говорить, и начал с поварахи, которая из троих казалась наиболее открытой для беседы.

— Вы миссис Кирби? — спросил я.

— Да, сэр.

— Всю еду готовите вы?

— Да, сэр, мы с мужем готовим всю еду на этой кухне. Патрик чистит картошку, помогает мыть посуду, если есть настроение, но вся пища проходит через мои руки, и если что-то в этом доме отравлено, доктор Ватсон, здесь вы отраву не найдете. Моя кухня безукоризненна, сэр. Раз в месяц мы делаем тут полную чистку с карболкой. Можете пройти в буфетную, если желаете. Все на своих местах, свежего воздуха в достатке. Продукты покупаем неподалеку, ничего несвежего сюда не попадает.

— Прошу прощения, сэр, но причина болезни госпожи Карстерс не в еде, — пробормотал Кирби, бросив взгляд на хозяина дома. — Господин Карстерс ест то же самое, а чувствует себя хорошо.

— Если позволите сказать, в этом доме творится что-то странное, — заявила миссис Кирби.

— Что вы хотите этим сказать, Маргарет? — спросила госпожа Карстерс.

— Точно сама не знаю, мадам. Ничего не хочу сказать. Но мы все страшно тревожимся за бедную мисс Карстерс, и с этим домом явно что-то не так, но что бы это ни было, моя совесть чиста, а если кто с этим не согласен, я завтра же соберу вещи и уеду.

— Никто вас не обвиняет, миссис Кирби.

— Она права. С этим домом что-то не так.

Это впервые заговорил племянник Кирби, и его акцент напомнил мне слова Карстерса о его ирландском происхождении.

— Вас зовут Патрик, верно? — спросил я.

— Верно, сэр.

— Откуда вы родом?

— Из Белфаста, сэр.

Наверняка это было чистым совпадением, но Рурк и Килан О'Донахью тоже были из Белфаста.

— Вы здесь давно, Патрик? — решил уточнить я.

— Два года. Приехал чуть раньше госпожи Карстерс. — И парень ухмыльнулся, будто отпустил какую-то шутку для своих.

Это было совершенно не мое дело, но он вел себя — сидел на стуле развалившись, говорил развязным тоном — нарочито неуважительно, и я поразился, что Карстерс такое ему позволяет. Жена его не была столь терпимой.

— Как ты смеешь так с нами разговаривать, Патрик! — возмутилась она. — Если тебе есть что сказать, говори прямо, без намеков. Если тебе тут не нравится, ты волен уехать.

— Вполне нравится, госпожа Карстерс, и никуда особенно я ехать не собираюсь.

— Какая наглость! Эдмунд, ты скажешь ему что-нибудь?

Карстерс помедлил, но тут паузу прервал резкий звонок. Кирби взглянул на ряд колокольчиков, висевших на дальней стене.

— Это мисс Карстерс, сэр, — сказал он.

— Наверное, закончила с купаньем, — предположил Карстерс. — Можем к ней подняться. Или у вас есть другие вопросы, доктор Ватсон?

— Нет, — ответил я.

Несколько заданных мной вопросов оказались совершенно бесполезными, и я внезапно пал духом — мне пришло в голову, что, будь на моем месте Холмс, он бы, наверное, уже нашел ключ к разгадке. Какой он сделал бы вывод, глядя на молодого слугу из Ирландии и его непонятные отношения со своими хозяевами? Что особенного увидел бы в этой комнате? «Ватсон, вы смотрите, но не наблюдаете». Он произносил эту фразу не один раз, и сейчас я, как никогда, был с ней согласен. На столе лежит кухонный нож, на плите бурлит суп, с крючка в буфетной свисает пара фазанов, Кирби смотрит себе под ноги, его жена стоит, держа руки на фартуке, Патрик продолжает улыбаться... Все это сказало бы Холмсу больше, чем мне? Безусловно. Покажите Холмсу каплю воды, и он убедит вас в существовании Атлантического океана. Покажите ее мне — и я стану искать кран. Вот в чем было главное наше отличие.

Мы пошли по лестнице до самого верха. По дороге нам встретилась девушка, она несла таз и два полотенца. Это была Элси, служанка. Голову она держала книзу, и на ее лице я не прочитал ровным счетом ничего. Она проскользнула мимо нас и исчезла.

Карстерс тихонько постучал в дверь и вошел в спальню сестры — проверить, готова ли она меня принять. Я и Кэтрин Карстерс ждали снаружи.

— Я вас оставлю, доктор Ватсон, — сказала она. — Если я войду, зюловка только огорчится. Пожалуйста, дайте мне знать, если заметите что-то, имеющее отношение к ее болезни.

— Конечно.

— Еще раз спасибо, что приехали. Мне легче на душе оттого, что вы — мой друг.

Она удалилась, и тут же Карстерс открыл дверь и пригласил меня войти. Я вошел в тесноватую, шикарную меблированную комнату с маленькими окнами, встроенную в свес крыши; занавески наполовину задернуты, в камине горел огонь. Вторая дверь открывалась в смежную туалетную комнату, откуда явственно доносился запах лаванды. Элиза Карстерс полулежала на подушках, укутанная шалью. Я сразу заметил, что со времени нашего прошлого визита ее здоровье сильно ухудшилось. Вид у нее был утомленный и измученный, так часто выглядели мои самые тяжелые пациенты, глаза излучали жалобный свет над крутыми утесами, в которые превратились ее скулы. Она причесалась, но волосы все равно в беспорядке спадали на плечи. Руки ее, как у покойницы, лежали на простыне прямо перед ней.

— Доктор Ватсон! — приветствовала она меня скрипучим голосом. — Почему вы решили меня навестить?

— Об этом меня попросила ваша невестка, мисс Карстерс, — ответил я.

— Моя невестка хочет моей смерти.

— У меня не сложилось такого впечатления. Позвольте мне взять вашу руку и проверить пульс.

— Берите что угодно. У меня все равно ничего не осталось. А после того как я умру — помяните мое слово, — Эдмунд будет следующим.

— Перестань, Элиза! Что ты говоришь! — отругал ее брат.

Я нащупал ее пульс — он бился быстро, ее тело боролось с недугом. Кожа приобрела голубоватый оттенок, что вместе с другими известными мне симптомами позволяло предположить: диагноз холеры вполне мог соответствовать истине.

— У вас бывают рези в желудке? — спросил я.

— Да.

— А суставы ноют?

— Я чувствую, как гниют мои кости.

— За вами следят врачи. Какие лекарства они вам прописали?

— Сестра пьет настойку опия, — сказал Карстерс.

— Вы принимаете пищу?

— Пища меня и убивает!

— Вы должны есть, мисс Карстерс. От голодания вы еще больше ослабеете. — Я отпустил ее руку. — Я мало что могу вам предложить. Открывайте окно, чтобы давать доступ свежему воздуху. Чрезвычайно важна гигиена тела.

— Я принимаю ванну каждый день.

— Советую каждый день менять одежду и постельное белье. Но прежде всего вы должны есть. Я был у вас на кухне и видел, что пищу готовят как должно. Вам нечего бояться.

— Меня пытаются отравить.

— Если тебя пытаются отравить, значит, и меня тоже! — воскликнул Карстерс. — Прошу тебя, Элиза! Где твой здравый смысл?

— Я устала. — Больная откинулась на подушки и закрыла глаза. — Спасибо, что навестили меня, доктор Ватсон. Открыть окно и поменять белье! Видно, что в своей профессии вы один из лучших!

Карстерс вывел меня из комнаты, и, по правде говоря, я почувствовал облегчение. Элиза Карстерс и в первую нашу встречу была груба и высокомерна, а болезнь только усугубила эти черты ее характера. У дверей мы с Карстерсом попрощались.

— Спасибо за визит, доктор Ватсон, — сказал он. — Я понимаю, какие силы привели мою дорогую Кэтрин к вашим дверям, и очень надеюсь, что господин Холмс выпутается из положения, в котором оказался.

Мы пожали друг другу руки. В последнюю минуту я вдруг вспомнил:

— Есть один вопрос, господин Карстерс. Умеет ли ваша жена плавать?

— Что? Какой удивительный вопрос? Зачем вам это знать?

— У меня есть свои методы...

— Что ж, на самом деле Кэтрин вообще не умеет плавать. Она боится моря и сказала мне, что не войдет в воду ни при каких обстоятельствах.

— Спасибо, господин Карстерс.

— Всего доброго, доктор Ватсон.

Дверь закрылась. Я получил ответ на вопрос, который интересовал Холмса. Теперь осталось понять, зачем этот вопрос был задан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Во мглу

Когда я вернулся, меня ждала записка от Майкрофта. Он будет в «Диогене» ближе к вечеру и с удовольствием встретится со мной, если я появлюсь в это время. Поездка в Уимблдон и обратно меня здорово измотала — в придачу к бурным событиям последних дней. Увы, стоит мне перенапрячься, полученные в Афганистане раны дают о себе знать. Но все равно я решил, что поеду, как только переведу немного дух. Холмс подвергается суровым испытаниям, тут некогда думать о собственном благополучии. К тому же вполне возможно, что второй раз Майкрофт не соблаговолит меня принять, — его дородность вполне может соперничать с капризностью. Гигантская тень этого человека витала над властями предрержащими. Я съел приготовленный миссис Хадсон поздний ланч, вздремнул в своем кресле, потом взял кеб и отправился на Пэлл-Мэлл — небо уже темнело.

Майкрофт снова принял меня в комнате для посетителей, но на сей раз был более сдержан и официален, чем во время нашего последнего визита вместе с Холмсом. Он перешел к делу безо всяких обиняков.

— Дела обстоят плохо. Очень плохо. Почему брат пришел ко мне за советом, которому не захотел следовать?

— Думаю, ему больше требовались сведения, нежели совет, — предположил я.

— Верное замечание. Но поскольку я мог ему дать только одно, но не другое, было бы разумно с его стороны отнестись к моим словам внимательней. Я сказал ему, что ни к чему хорошему его поиски не приведут, но такова его природа, упрямство свойственно ему с молодости. Всегда был импульсивен. Это же говорила и наша матушка — она боялась, что в один прекрасный день он попадет в беду. Вот бы посмеялась, узнав, что он сделал карьеру сыщика!

— Вы ему поможете?

— Мой ответ вам уже известен, доктор Ватсон, я его дал вам при нашей последней встрече. Я ничего не смогу сделать.

— Вы позволите, чтобы его повесили за убийство?

— До этого не дойдет. Не может прийти. Я уже провожу закулисную работу и, хотя и сталкиваюсь с попытками помешать и напустить тумана — а их на диво много, — могу сказать, что до этого не дойдет. Он слишком хорошо известен среди публики, у которой есть вес в обществе.

— Его держат в Холлоуэе.

— Знаю, за ним там хорошо присматривают — по крайней мере, насколько это возможно в таком мрачном месте.

— Что можете сказать об инспекторе Гарримане?

— Хороший сотрудник полиции, человек честный, в послужном списке ни пятнышка.

— А другие свидетели?

Майкрофт прикрыл глаза, приподнял голову, словно дегустировал хорошее вино. Так он взял паузу на размышление.

— Я знаю, доктор Ватсон, на что вы намекаете, — сказал он наконец. — И можете поверить, несмотря на безрассудное поведение Шерлока, его благополучие мне дорого, и я пытаюсь разобраться в том, что произошло. Я уже израсходовал немало собственных средств, чтобы понять, кто такие доктор Томас Эклэнд и лорд Хорас Блэкуотер, и должен с сожалением сказать, что, насколько я понимаю, тот и другой абсолютно безукоризненны, оба из хороших семей, оба холосты, оба богаты. Клубными интересами они не связаны. Они не учились в одной школе. Почти всю жизнь жили на удалении не менее ста миль друг от друга. Кроме того, что оба случайно оказались в один и тот же вечер в Лаймхаусе, их не связывает ничто.

— Если не считать «Дома шелка».

— Именно.

— А что это такое, вы мне не скажете.

— Не скажу, потому что не знаю. Именно по этой причине я предупредил Шерлока держаться от этой истории подальше. Если есть нечто, братство или общество, внутри правительства, и от меня это скрывают, и тайна столь велика, что при одном ее упоминании меня немедленно вызвали в Уайтхолл, — мои инстинкты говорят мне: надо отвернуться и посмотреть в другую сторону, но уж никак не печатать дурацкое объявление в национальных газетах! Я сказал брату все, что мог сказать... наверное, даже больше, чем имел право.

— Что же будет? Вы позволите, чтобы его отдали под суд?

— Что я позволю или чего я не позволю, к делу отношения не имеет. Боюсь, уровень моего влияния вы переоцениваете. — Из кармана жилетки Майкрофт извлек коробочку из черепашьего панциря и достал из нее понюшку табаку. — Я могу выступить в его защиту, не более и не менее. Могу выступить его представителем. Могу и свидетелем. — Видимо, на лице моем отразилось разочарование, потому что Майкрофт отложил табак в сторону, поднялся и подошел ко мне. — Не переживайте, доктор Ватсон, — посоветовал он. — Мой брат — человек необычайных возможностей, и даже в этот мрачный час он может здорово вас удивить.

— Вы съездите к нему? — спросил я.

— Думаю, что нет. Такой визит приведет его в смущение, да и мне будет неловко, а польза будет нулевая. А вот вы ему скажите, что были у меня и я делаю все, что в моих силах.

— Мне не разрешают с ним встретиться.

— Обратитесь с повторным прошением завтра. В конце концов они просто должны вас к нему допустить. У них нет причин вам отказывать. — Он проводил меня до двери. — Моему брату повезло, что у него есть такой стойкий союзник, равно как и замечательный биограф, — заметил он.

— Надеюсь, я еще не поставил точку в его приключенческой саге.

— До свидания, доктор Ватсон. Мне не хотелось бы вести себя с вами невежливо, поэтому буду весьма признателен, если вы меня больше не беспокоите — за исключением, разумеется, чрезвычайных обстоятельств. Всего вам наилучшего.

Я возвращался на Бейкер-стрит с тяжелым сердцем: Майкрофт проявил еще меньше желания помочь, чем я от него ожидал. Какие же обстоятельства он готов считать чрезвычайными, если не нынешние? По крайней мере, он обещал похлопотать, чтобы меня допустили к Холмсу, так что мой визит хоть в чем-то оказался полезным. У меня болела голова, боль пульсировала в локте и плече — силы были на исходе. Но оказалось, что день еще не закончен. Я вышел из кеба и направился к хорошо знакомой двери — и вдруг дорогу мне перегородил крепко сбитый невысокий брюнет в черном пальто, он буквально навис надо мной с тротуара.

— Доктор Ватсон? — спросил он.

— Да?

Я хотел быстрее попасть домой, но крепыш занял все пространство передо мной.

— Я попросил бы вас, доктор, проехать со мной.

— По какому делу?

— По делу, которое имеет отношение к вашему другу, господину Шерлоку Холмсу. Никаких других дел и быть не может.

Я присмотрелся к нему повнимательней, и увиденное совершенно меня не вдохновило. С первого взгляда я бы принял его за лавочника, может быть, за моряка или даже гробовщика — было в его лице что-то нарочито скорбное. Тяжелые брови, свисавшие с верхней губы усы. Черные перчатки и шляпа-котелок. По тому, как он стоял, покачиваясь на носках, я так и ждал — вот сейчас он выхватит из кармана рулетку и начнет меня обмерять. Только с какой целью? Сшить мне новый костюм или сколотить гроб?

— Что вам известно о Холмсе? — спросил я. — Что у вас за сведения, которыми вы не можете поделиться со мной здесь?

— Лично у меня, доктор Ватсон, нет вообще никаких сведений. Я лишь выполняю поручение человека, у которого эти сведения есть, я его покорный слуга, и он послал меня сюда передать вам: он просит вас приехать.

— Куда приехать? Кто он?

— К сожалению, отвечать на эти вопросы я не уполномочен.

— Тогда, боюсь, вы попусту тратите время. Сегодня у меня нет желания снова куда-то ехать.

— Вы не поняли, сэр. Джентльмен, на которого я работаю, не приглашает вас приехать. Он требует, чтобы вы приехали. Мне неприятно вам об этом говорить, но он не привык, чтобы ему отказывали. Я бы сказал, что ваш отказ будет ужасной ошибкой. Взгляните вниз, сэр. Видите? Не пугайтесь. Уверяю, вам ничто не угрожает. Прошу вас проследовать за мной...

Я в изумлении отпрянул: глянув вниз, как он сказал, я увидел в его руке револьвер, направленный мне в живот. Достал ли он его во время нашего разговора, держал ли с самого начала — сказать не берусь, но он словно провернул малоприятный трюк, и оружие появилось почти из воздуха. Видно было, что к револьверу ему не привыкать. Если револьвер впервые попадает к тебе в руки, ты держишь его совсем не так, как держит бывалый стрелок. К какой категории относился человек, взявший меня на мушку, было ясно с одного взгляда.

— Вы же не будете стрелять в меня посреди улицы, — сказал я.

— Наоборот, доктор Ватсон, именно это мне и велено сделать, если вы станете упираться. Но давайте будем откровенны друг с другом: охоты убивать вас у меня не больше, чем у вас — охоты умирать. Возможно, вам будет легче, если я скажу — и готов в этом поклясться, — что мы не собираемся причинять вам вред, хотя в данную минуту вам может казаться иначе. Но через некоторое время вам все объяснят, и вы поймете, зачем нужны такие меры предосторожности.

У него была необычайная манера выражаться: подобострастная, но чрезвычайно угрожающая. Он показал револьвером на черный экипаж, запряженный двумя лошадьми, которых придерживал кучер. Это была карета с окнами из матового стекла, и я подумал, что человек, который хочет со мной встретиться, может сидеть внутри. Я подошел и открыл дверцу. Внутри никого не было, убранство салона было богатым.

— Нам далеко ехать? — поинтересовался я. — Домовладелица ждет меня к ужину.

— Там, куда мы едем, вас накормят лучше. Чем быстрее вы сядете, тем быстрее мы отправимся в путь.

Неужели он застрелил бы меня перед входом в собственное жилище? Склонен думать, что да. Было в нем нечто неумолимое. Садясь в экипаж, я тем не менее понимал: возможно, сейчас меня увезут — и больше никто никогда меня не увидит. Что, если этого человека прислали те же люди, которые убили Росса и его сестру, которые так ловко вывели из игры Холмса? Я заметил, что стенки экипажа были обиты шелком — не белым, а жемчужно-серым. Но тут же вспомнил услышанное: у хозяина есть кое-какие сведения. Как ни посмотри, получалось, что выбора у меня нет. Я забрался в карету. Мой спутник влез следом и закрыл дверь, и тут я понял, что в одном отношении свалал дурака. Мне-то казалось, что матовое стекло нужно для того, чтобы никто не мог заглянуть в экипаж снаружи. А оказалось наоборот — я ничего не вижу изнутри.

Мой сопровождающий сел напротив, кучер тут же прошелся по спинам лошадей кнутом — и мы тронулись. Я видел только преходящее мерцание газовых фонарей, но и оно исчезло, как только мы выехали за городскую черту в северном, как мне показалось, направлении. На сиденье для меня лежало одеяло, и я укрыл им колени — декабрьскими вечерами всегда холодно. Мой спутник молчал и, кажется, даже заснул, голова склонилась вперед, а револьвер, вроде бы, безнадзорно лежал на коленях. Но когда примерно через час я попытался открыть окно — вдруг по местности догадаюсь, где мы находимся, — он встрепенулся и покачал головой, будто журил непослушного ребенка.

— Доктор Ватсон, честное слово, я был о вас лучшего мнения. Мой хозяин предпринял серьезные меры для того, чтобы его адрес остался вам неизвестен. Он человек, склонный к уединению. Так что прошу вас, держите руки при себе, а окно пусть остается закрытым.

— Нам еще долго ехать?

— Ровно столько, сколько понадобится.

— А имя у вас есть?

— Есть, сэр. Но, боюсь, разглашать его я не уполномочен.

— Что вы можете мне сказать о вашем работодателе?

— Я могу говорить о нем без умолку, сэр, хоть всю дорогу до Северного полюса. Это замечательный человек. Но ему не понравится, если я познакомлю вас с его биографией. Сами ведь знаете: меньше знаешь — крепче спишь.

Поездка превратилась для меня в настоящее мучение. Я видел, что мы в пути уже два часа, но не имел никакого представления о том, в какую сторону мы едем и далеко ли мы от Лондона, —

мне вдруг пришло в голову, что, вполне возможно, мы нарезаем круги и пункт назначения совсем недалеко. Раз или два экипаж менял направление — меня немного покачивало в сторону. В основном колеса катились по гладкому покрытию, но иногда нас слегка подбрасывало, видимо, мы съезжали на мощеную дорогу. В какую-то минуту над нами промчался паровоз. Надо полагать, мы находились под мостом. В остальном меня окутывала мгла, она была повсюду, и в конце концов я задремал. Проснулся я оттого, что мы внезапно остановились, а мой спутник навис надо мной, открывая дверцу экипажа.

— Мы идем прямо в дом, доктор Ватсон, — сказал он. — Таковы мои инструкции. Прошу вас, не мешкайте снаружи. Ночь холодная и отвратительная. Так что, если не пойдете прямо в дом, это для вас чистая смерть.

Я мельком глянул на массивный недружелюбный дом — фасад задрапирован плющом, сад зарос сорняками. Возможно, это Хэмпстед или Гэмпшир. Территория обнесена высокими стенами, ворота из кованого железа уже успели за нами закрыться. Само здание напомнило мне аббатство — зубчатые окна, горгульи, над крышей торчит башня. Все окна верхнего этажа утопали во мраке, в нижних комнатах кое-где горел свет. Дверь под портиком была распахнута, но никто не спешил оказать мне радушный прием, хотя едва ли слово «радушие» было применимо к такому месту даже в солнечный летний день. Подталкиваемый моим попутчиком, я быстро вошел в дом. Он хлопнул дверью за моей спиной — и звук эхом покатился по мрачным коридорам.

— Сюда, сэр.

Он взял лампу, и я пошел за ним по проходу, мимо окон с витражами, стен из дубовых панелей, картин, до того темных и выцветших, что без рам я вообще мог бы их не заметить. Мы подошли к двери.

— Вам сюда. Я скажу ему, что вы приехали. Он скоро появится. Ничего не трогайте. Никуда не ходите. Проявите сдержанность!

Дав это странное указание, он ушел тем путем, каким пришел.

Я оказался в библиотеке. В очаге из камня тлели дрова, на каминной полке горели свечи. Центр комнаты занимали круглый стол и кресла из темного дерева, горело еще несколько свечей. Два окна были плотно зашторены, на голом деревянном полу лежал толстый ковер. В библиотеке, наверное, было несколько сотен книг. Полки тянулись от пола до потолка — немалое расстояние, — перед ними стояла лестница на колесах, чтобы перевозить ее вдоль книжных стеллажей. Владелец этого дома — кем бы он ни был — наверняка неплохо ориентировался во французском, итальянском и немецком, потому что все три языка были широко представлены в библиотеке — естественно, наряду с английским. Его интересы охватывали физику, ботанику, философию, геологию, историю и математику. Беллетристики, насколько я понял, не было. Подбор книг, скажу честно, напомнил мне о Шерлоке Холмсе, ибо довольно точно отражал его пристрастия. Архитектура комнаты, форма камина, богато украшенный потолок — все это говорило о том, что дом построен в эпоху короля Якова Первого. Выполняя данные мне указания, я сел в одно из кресел и протянул руки к огню. Я был рад, что есть возможность согреться, — несмотря на одеяло, я продрог до крайности.

Напротив двери, в которую я вошел, была еще одна; она внезапно открылась, и на пороге возник человек, до того высокий и худой, что словно не вписывался в проем, — кажется, чтобы войти, ему пришлось пригнуться. На нем были темные брюки, турецкие тапочки и бархатная домашняя куртка. Он почти полностью облысел, лоб высокий, глаза глубоко посаженные и запавшие. Движения плавные, руки, похожие на палки, скрещены на груди и вцепились друг в друга, словно он хотел не дать себе развалиться. Я заметил, что за библиотекой находится химическая лаборатория — именно там он чем-то занимался, пока я его ждал. За его спиной просматривался длинный стол, заваленный какими-то трубками, ретортами, бутылочками, баллонами для кислот, шипело несколько горелок Бунзена. От самого хозяина сильно пахло химикатами, но, хотя мне было интересно, что за эксперименты он там ставит, я решил, что лучше не спрашивать.

— Доктор Ватсон, — начал он, — прошу прощения за то, что заставил вас ждать. Одно деликатное дельце требовало моего внимания, но сейчас я его плодотворно завершил. Вам предложили вина? Нет? К своим обязанностям Андервуд относится весьма добросовестно, в этом

нет сомнения, но особой деликатностью не отличается. К сожалению, в моей работе иногда выбирать не приходится. Полагаю, во время долгой поездки он проявлял о вас должную заботу.

— Он даже не считал нужным представиться.

— Ну, это не удивительно. Я тоже не намерен сообщать вам свое имя. Но уже поздно, а у нас с вами серьезное дело. Надеюсь, вы отужинаете со мной.

— Я не привык ужинать с людьми, которые скрывают от меня собственное имя.

— Я вас понимаю. Но примите во внимание вот что: в этом доме с вами может случиться что угодно. Если я скажу, что вы полностью в моей власти, это может прозвучать глупо и мелодраматично, но дело обстоит именно так. Вы не знаете, где мы находимся. Никто не видел, как вы сюда приехали. Если вы не выйдете за стены этого дома, мир останется в полном неведении. Поэтому из вариантов, которыми вы располагаете, приятный ужин в моем обществе — это самое предпочтительное. Пища бесхитростная, зато вино отменное. Стол накрыт в соседней комнате. Прошу вас, идемте за мной.

Он вывел меня в коридор — напротив оказалась столовая, под которую, кажется, было отведено целое крыло дома. На одном конце располагался помост для музыкантов, на другом — огромных размеров камин. Все расстояние между ними занимал длинный обеденный стол, где легко могло поместиться человек тридцать, и я явственно представил себе, как в безвозвратно ушедшие времена тут собиралась большая семья с друзьями, играла музыка, потрескивали поленья в камине, а слуги бесконечной чередой подносили и уносили всё новые блюда. Но сегодня зала была пуста. Одиноким абажур отбрасывал пятно света на холодную нарезку, хлеб, бутылку вина. Видимо, нам с хозяином дома предстояло трапезничать вдвоем, и я занял свое место слегка подавленный, об аппетите не было и речи. Он сел в торец стола, ссутулившись и даже сгорбившись в кресле, явно не предназначенном для человека с такой нескладной фигурой.

— Меня часто посещало желание познакомиться с вами, доктор Ватсон, — заговорил хозяин дома, накладывая себе пищу. — Вам будет приятно услышать, что я — ваш большой поклонник и у меня есть все до одной ваши «Записки». — Он принес с собой журнал «Корнхилл мэгэзин» и раскрыл его на столе. — Я только что прочел ваш рассказ «Медные буки» — написано мастерски. — Несмотря на причудливые обстоятельства этого вечера, я испытал некоторое удовлетворение, потому что сам был доволен тем, как закончилась эта история. — Судьба мисс Вайолет Хантер не была мне особенно интересна, — продолжал он. — А Джеффо Рукасл был скотиной, каких еще надо поискать. Девушка оказалась на диво легковверной — это меня поразило. Но, как всегда, больше всего меня захватило ваше описание господина Шерлока Холмса и его методов. Жаль, что вы не привели семь разных объяснений совершенного преступления, которые он вам изложил. Это позволило бы читателям лучше постичь суть истории. Но и так вы сделали достоянием общественности работу выдающегося ума, и мы вам за это благодарны. Вина?

— Спасибо.

Он разлил вино по бокалам, потом продолжил:

— Жаль, что Холмс не посвятил себя целиком правонарушениям подобного рода, а именно преступлениям бытового свойства, где мотивы могут быть самыми незначительными, а жертвами вообще можно пренебречь. Рукасла за его роль в этом деле даже не арестовали, хотя и сильно изуродовали.

— Самым жутким образом.

— Что ж, это само по себе достаточное наказание. А вот когда ваш друг нацеливает свое внимание на вещи более серьезные, на деловые предприятия, организованные людьми вроде меня, тут он преступает черту и становится бельмом на глазу. Опасаюсь, что недавно он совершил именно это, и если будет упорствовать, нам, вполне возможно, придется встретиться, а такая встреча, смею вас заверить, совершенно не в его интересах.

В голосе его появились нотки, заставившие меня содрогнуться.

— Вы не сказали мне, кто вы, — заметил я. — Может быть, объясните, чем вы занимаетесь?

— Я математик, доктор Ватсон. Нимало не лгая себе, могу сказать: мою работу по биному Ньютона изучают в большинстве университетов Европы. А еще вы наверняка определили бы меня как преступника, хотя мне хочется думать, что преступление я превратил в науку. Сам я стараюсь не обгагрять руки кровью. Это — удел таких, как Андервуд. Можно сказать, что я — мастер

абстрактного мышления. Ведь преступление, в наиболее чистой форме — это абстракция, как музыка. Я делаю оркестровку. Остальные исполняют свои партии.

— Чего же вы хотите от меня? Зачем вы меня сюда привезли?

— Помимо удовольствия пообщаться с вами? Я хочу вам помочь. А если точнее — и я сам себе удивляюсь, произнося эти слова, — я хочу помочь господину Шерлоку Холмсу. Очень жаль, что он не обратил на меня внимания два месяца назад, когда я послал ему некий памятный подарок — приглашение изучить дело, из-за которого у него сейчас возникли такие неприятности. Наверное, мне следовало выразить свою мысль с большей определенностью.

— Что же вы ему послали? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Кусочек белой ленты.

— Вы связаны с «Домом шелка»!

— Не имею с ним ничего общего! — Впервые в его голосе зазвучали сердитые нотки. — Не огорчайте меня, пожалуйста, своими дурацкими умозаключениями. Оставьте их для ваших книг.

— Но что это такое, вы знаете.

— Я знаю все. Мне становится известно обо всех злодеяниях, крупных и мелких, какие происходят в Англии. У меня есть агенты во всех городах, на всех улицах. Они — мои глаза. Которые никогда не мигают. — Я молчал, давая ему возможность продолжать, но он решил сменить курс. — Вы должны дать мне обещание, доктор Ватсон. Поклянитесь всем, что для вас свято, что никогда не расскажете Холмсу или кому-то еще об этой встрече. Никогда о ней не напишете. Никогда на нее не сошлетесь. Если вам станет известно мое имя, вы сделаете вид, что слышите его впервые в жизни и оно вам ни о чем не говорит.

— Откуда вы знаете, что я такое обещание сдержу?

— Потому что вы — человек слова.

— А если я откажусь?

Он вздохнул.

— Имейте в виду, что жизнь Холмса в большой опасности. Мало того: если вы откажетесь выполнить мои указания, Холмс в течение двух суток будет мертв. Помочь вам могу только я, но для этого вы примете мои условия.

— Если так — я согласен.

— Вы клянетесь?

— Да.

— Чем?

— Моим браком.

— Этого мало.

— Моей дружбой с Холмсом.

Он кивнул.

— Кажется, мы друг друга поняли.

— Так что же такое «Дом шелка»? Где мне его найти?

— Ответить на эти вопросы я не могу. Хотел бы ответить, но, боюсь, Холмсу предстоит добраться до истины самому. Почему? Во-первых, я знаю, что он — человек исключительных способностей, и мне интересно изучать его методы, следить за работой его ума. Чем больше я о нем знаю, тем меньше опасений он мне внушает. Но есть и еще один вопрос, более принципиального свойства. Я назвал себя преступником, но что, собственно говоря, это значит? Всего лишь то, что есть некие правила жизни в обществе, которые я рассматриваю как помеху и предпочитаю их игнорировать. Уверяю вас: многие уважаемые банкиры и юристы скажут вам то же самое. Это всего лишь вопрос степени. Но я не животное, доктор Ватсон. Я не убиваю детей. Я считаю себя цивилизованным человеком, и в обществе есть другие правила, на мой взгляд, незыблемые.

Итак, что должен сделать такой, как я, когда он сталкивается с группой людей, чье поведение — чьи преступления — выходят за рамки допустимого? Я могу сказать вам, кто эти люди и где их найти. Я мог бы давным-давно известить полицию. Увы, такой поступок нанес бы существенный ущерб моей репутации в глазах многочисленных подручных, у которых в отличие от меня нет особых проблем с нравственностью. Есть такая вещь, как закон преступного мира, и многие известные мне преступники относятся к нему очень серьезно. И я, в общем-то, склонен с ними

согласиться. Кто дал мне право судить коллег по преступному миру? Мне бы совершенно не хотелось, чтобы они судили меня.

— Но вы послали Холмсу намек.

— Я действовал под влиянием минуты, что для меня крайне необычно и показывает, до какой степени я раздражен этой историей. Но все равно это был некий компромисс, самое малое, что я мог сделать при сложившихся обстоятельствах. Если бы Холмс пошел по этому следу, я утешал бы себя тем, что послал всего лишь намек и особой вины на мне нет. Если бы, наоборот, он решил оставить мое предупреждение без внимания — что ж, моя совесть перед преступным миром осталась бы чиста. При этом скажу так: вы не представляете, как меня огорчило, что он выбрал именно второй курс действия, а точнее, бездействия. Я искренне убежден, что без «Дома шелка» мир стал бы намного лучше. Я не теряю надежду, что этот гнойник будет прорван. Поэтому я и пригласил вас сюда.

— Вы не можете дать мне сведения. Что же вы можете мне дать?

— Могу дать это. — Он толкнул что-то по столу в мою сторону. Я посмотрел вниз и увидел небольшой металлический ключ.

— Что это? — спросил я.

— Ключ от его камеры.

— Что? — Я чуть не рассмеялся. — Вы хотите, чтобы Холмс бежал? В этом заключается ваш грандиозный замысел? Вы хотите, чтобы я помог Холмсу бежать из Холлоуэя?

— Я не понимаю, доктор Ватсон, почему эта идея вызывает у вас смех. Могу вас заверить, что приемлемых вариантов просто нет.

— Есть коронерский суд. Он все расставит по местам.

Лицо моего собеседника потемнело.

— Вы до сих пор не понимаете, с кем связались, мне даже начинает казаться, что я попусту трачу с вами время. Говорю вам со всей ясностью: живым из исправительного дома Шерлок Холмс не выйдет. Коронерский суд назначен на четверг, но Холмса там не будет. Его враги этого не допустят. Они намерены убить его, пока он находится в тюрьме.

Меня охватил ужас.

— Но как?

— Этого я сказать не могу. Отравят, задушат — это самое простое, но можно организовать какой угодно несчастный случай. Смерть будет выглядеть естественной, можете не сомневаться. Но верьте мне — приказ уже отдан. Время его истекает.

Я взял ключ.

— Как он к вам попал?

— Это не имеет значения.

— Тогда скажите, как ему это передать. Ведь меня к нему не пустят.

— Это уже зависит от вас. Я больше ничего сделать не могу, иначе я себя просто раскрою. На вашей стороне инспектор Лестрейд. Поговорите с ним. — Внезапно он поднялся и оттолкнул свой стул от стола. — Думаю, мы уже все друг другу сказали. Чем быстрее вы вернетесь на Бейкер-стрит, тем быстрее начнете обдумывать ваши последующие действия. — Он немного смягчился. — Добавлю одно: вы не представляете, какое удовольствие я получил от знакомства с вами. Скажу честно: я завидую Холмсу, что у него есть такой преданный биограф. У меня тоже есть несколько историй, которые могут быть интересны читателю. Не могу ли и я воспользоваться вашими услугами? Нет? Ну, это так, мимолетная мысль. Но, если вынести эту встречу за скобки, я, вполне возможно, могу оказаться персонажем каких-то ваших записок. Надеюсь, вы не будете ко мне несправедливы.

Это были последние слова, услышанные мною от него. Видимо, он подал сигнал с помощью какого-то скрытого устройства, потому что дверь тут же открылась и появился Андервуд. Я осушил свой бокал — подкрепить силы перед дальней дорогой. Потом взял ключ и поднялся.

— Спасибо, — сказал я.

Он не ответил. У двери я оглянулся. Хозяин дома сидел один в торце громадного стола и при свете свечи ковырял пищу вилкой. Дверь закрылась. С тех пор я его больше не видел, если не считать встречи мимоходом на вокзале «Виктория» год спустя.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тюрьма Холлоуэй

Мое возвращение в Лондон было в некотором роде более мучительным, чем отъезд. Тогда я, по сути, считал себя пленником, попавшим в руки людей, которые могли причинить мне вред, ехал куда-то в неизвестном направлении, а поездка могла затянуться на всю ночь. Сейчас я знал, что еду домой, выдержать мне надо лишь пару часов, но о душевном спокойствии не могло быть и речи. Холмса должны убить! Некие загадочные силы вступили в сговор и отправили Холмса за решетку, но им этого мало — их насытит только его смерть! Данный мне металлический ключ я стискивал так крепко, что, наверное, мог бы сделать дубликат с оттиска на ладони моей руки. Я думал только об одном: добраться до Холлоуэя, предупредить Холмса о готовящемся покушении и помочь ему немедленно бежать. Но как я до него доберусь? Инспектор Гарриман ясно дал понять: он сделает все, чтобы не позволить нам встретиться. С другой стороны, Майкрофт сказал, что я могу к нему снова обратиться «при чрезвычайных обстоятельствах», — вот эти обстоятельства и возникли. Но как далеко простирается его влияние? Когда он проведет меня в исправительный дом, не будет ли слишком поздно?

Эти мысли терзали меня, а отвлекаться было не на что: напротив молча сидел Андервуд и смотрел на меня со злобным прищуром, по ту сторону матовых окон царил мгла, и казалось, что поездка будет длиться вечность. Хуже того, что-то мне опять подсказывало, что меня попросту дурят. Кучер нарочно делает круги, чтобы увеличить расстояние между Бейкер-стрит и удивительным особняком, куда меня пригласили на ужин. Особенно досаждали мысли о том, что, будь на моем месте Холмс, он бы свел воедино все разнородные звенья: звон церковного колокола, гудок паровоза, запах застоявшейся воды, меняющуюся поверхность под колесами экипажа, даже направление стучавшего в окна ветра — и в итоге составил бы подробную карту поездки. Но для меня эта задача была непосильной, и я просто ждал, когда появится мерцание газовых фонарей, а значит, мы въедем в город. Еще через полчаса лошади замедлили ход, а потом резко остановились — наше путешествие подошло к концу. Андервуд, как я и ожидал, распахнул дверцу, и на другой стороне улицы я увидел хорошо знакомый мне дом.

— С благополучным возвращением, доктор Ватсон, — сказал он. — Еще раз прошу меня извинить, что причинил вам неудобства.

— Я не скоро вас забуду, господин Андервуд, — ответил я.

Он поднял брови.

— Хозяин назвал вам мое имя? Любопытно.

— Может быть, и вы назовете его имя?

— Нет, сэр. Я всего лишь маленькое пятнышко на холсте. Моя жизнь имеет малую цену в сравнении с величием моего хозяина, но она мне все-таки дорога, и я пока не хочу, чтобы она прервалась. Так что доброй вам ночи.

Я ступил на землю. Андервуд подал сигнал кучеру, и экипаж с дребезжанием отбыл. Я подождал, пока он скроется из виду и поспешил в дом.

Но отдохнуть в ту ночь мне не пришлось. У меня в голове уже созрел план, как безопасно передать ключ Холмсу и предупредить о грозящей ему опасности, даже если в Холлоуэй меня не пустят, чего я сильно боялся. Я уже понял, что пытаться известить его письмом бесполезно. Мы окружены врагами, и мое письмо, скорее всего, будет перехвачено. А если они узнают, что мне известны их намерения, это может только подхлестнуть их и свой удар они нанесут быстрее. Зато я могу послать ему закодированное сообщение. Но как дать ему понять, что записка зашифрована? Теперь ключ. Как его передать лично в руки Холмсу? Я окинул взглядом комнату и нашел ответ: та самая книга, которую мы с Холмсом обсуждали несколько дней назад, «Муки человеческие» Уинвуда Рида. Послать другу книгу для чтения, пока он томится под замком, — что может быть естественнее? Что может быть невиннее? Книга в кожаном переплете, довольно толстая. Внимательно ее оглядев, я пришел к выводу, что ключ можно засунуть в пространство

между корешком и сплетенными страницами. Что я и сделал, после чего взял свечу и тщательно залил ключ воском с двух сторон, фактически приклеил его к обложке. Открывалась книга нормально, и ничто не наводило на мысль, что в нее что-то вложено. Я взял ручку и написал на переднем развороте имя, Шерлок Холмс, а чуть ниже и адрес: Бейкер-стрит, 122-б. Человеку непосвященному покажется, что все здесь на своих местах, Холмс же сразу узнает мою руку и увидит, что номер нашего дома содержит ошибку. Наконец я открыл страницу 122 и с помощью карандаша поставил несколько крошечных точек, почти невидимых для невооруженного глаза, под некоторыми буквами текста, и получилось сообщение:

ВАМ УГРОЖАЕТ БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ. ВАС ХОТЯТ УБИТЬ. ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ КАМЕРЫ КЛЮЧОМ. ЖДУ. ДВ.

Довольный проделанной работой, я наконец отправился спать, но меня мучили тревожные образы: девочка Салли лежит на улице в луже крови, белая лента обвязана вокруг кисти убитого мальчика, человек с куполообразным лбом нависает надо мной с другого конца длинного стола.

На следующий день я проснулся рано и сразу же послал записку Лестрейду с просьбой срочно организовать мне доступ в Холлоуэй, как бы ни возражал инспектор Гарриман. К моему удивлению, я быстро получил ответ: я могу быть в тюрьме в три часа, Гарриман закончил предварительное расследование, а коронерский суд состоится в четверг, то есть еще через два дня. Поначалу я решил, что это хорошая новость. Но потом мне в голову пришло более зловещее объяснение. Если Гарриман входит в число заговорщиков, как предполагал Холмс и что следовало из его поведения да и самого внешнего облика, вполне возможно, что он отошел в сторону по другой причине. Человек, угощавший меня ужином, донес до меня серьезную мысль: предстать перед судом Холмсу не позволят. Что, если убийцы готовят удар и Гарриману об этом прекрасно известно?

Утренние часы я провел в томительном ожидании и уехал с Бейкер-стрит задолго до назначенного времени, соответственно на Кэмден-роуд я прибыл, когда часы пробили половину третьего. Кучер высадил меня у ворот и, несмотря на мои протесты, спешно уехал, и я остался стоять, окруженный промозглым туманом. Винить кучера я не мог. Около такого места нормальный христианин по своей воле задерживаться не будет. Тюрьма была выстроена в готическом стиле из крупного кентского песчаника. С первого взгляда она напоминала приземистый и жутковатый замок из детской сказки, написанной, чтобы потрафить какому-нибудь маленькому злодею. Она состояла из нескольких башенок и труб, флагштоков и зубчатых стен, а в небо, почти пронзая облака, взмывала одинокая башня. Разбитая и сдобренная грязью дорога вела к главному входу, один вид которого отбивал у посетителей всякую охоту сюда приходить: массивные деревянные ворота, стальные опускающиеся решетки, обрамленные с обеих сторон голыми и высохшими деревьями. Все сооружение окружала кирпичная стена футов пятнадцати высотой, но над ней просматривался один из корпусов с двумя рядами маленьких зарешеченных окон, чья строгая упорядоченность наводила на мысль о пустоте и убогости жизни тех, кому пришлось оказаться внутри. Тюрьма была выстроена у подножия холма, и за ней виднелись радующие глаз пастбища и склоны, уходившие вверх к Хайгейту. Но это был уже другой мир, задник от другого спектакля, который опустили на сцену по ошибке. Тюрьма Холлоуэй стояла на бывшем кладбище, и дыхание смерти и распада все еще витало над этим местом, проклятием нависая над его обитателями, а тех, кого судьба пока уберегла, предупреждала: держитесь отсюда подальше. Получасовое ожидание в этой гнетущей полутьме далось мне нелегко — мое дыхание прямо у рта подхватывал морозец, а холод настойчиво поднимался от земли по ногам. Наконец я прошел вперед, прижимая к груди книгу со спрятанным в корешке ключом. Я вошел в тюрьму, и мне вдруг пришло в голову: если у меня найдут ключ, это жуткое место вполне может стать моим домом. Скажу честно, что в обществе Шерлока Холмса я нарушал закон по крайней мере трижды, всегда действуя из благих побуждений, но сейчас моя преступная деятельность достигла наивысшей точки. Как ни странно, я совсем не нервничал. Как-то не думал о том, что всякое может случиться. Все мои мысли были сосредоточены на попавшем в беду друге.

Я постучал в незаметную дверь рядом с воротами, и ее почти тут же открыл на удивление добродушный и даже общительный тюремщик, одетый в темно-синие блузу и брюки, на широком кожаном ремне висела связка ключей.

— Заходите, сэр. Заходите. Нынче внутри приятнее, чем снаружи, а такое, по правде говоря, случается не часто.

Он запер за нами дверь, и мы пошли через двор ко вторым воротам, поменьше, которые, однако, не уступали по надежности первым. Меня встретила гробовая тишина — в этом было что-то зловещее. На ветке сидела всклокоченная черная ворона — других признаков жизни не было. Свет быстро угасал, но фонари пока не зажгли, и у меня было чувство, что я попал в царство теней, в мир, начисто обесцвеченный.

Мы вошли в коридор, на одной стороне которого была открытая дверь, — через нее меня и провели в маленькую комнату, там стоял стол, два стула, одинокое окно выходило прямо на кирпичную стену. Сбоку — шкафчик, на крючках болталось примерно пятьдесят ключей. Прямо передо мной висели большие часы, секундная стрелка двигалась как-то задумчиво, делая паузу перед каждым шажочком, словно подчеркивая, как медленно тянется время для всех, кого угораздило сюда попасть. Под часами сидел человек. Он был в той же форме, что и встретивший меня работник, но с позолоченной отделкой на фуражке и плечах, что говорило о его высоком ранге. Он был в возрасте, с бобриком седых волос и суровым взглядом. Увидев меня, он с трудом поднялся и вышел из-за стола.

— Доктор Ватсон?

— Да.

— Меня зовут Хокинс. Я начальник тюрьмы. Вы пришли навестить господина Шерлока Холмса?

— Да. — Я произнес это слово, и меня внезапно охватил страх.

— К сожалению, вынужден сообщить вам, что утром он заболел. Уверяю вас, мы сделали все возможное, чтобы создать ему условия, подходящие для столь известного человека, хотя его обвиняют в очень серьезном преступлении. Его поместили отдельно от других преступников. Я лично навещал его несколько раз и имел удовольствие с ним разговаривать. Заболел он внезапно, ему сразу же была оказана медицинская помощь.

— Что с ним?

— Не представляем. Он пообедал в одиннадцать и вскоре позвонил в звонок, прося о помощи. Мои люди нашли его на полу камеры — он лежал, корчась от боли.

Сердце мое сковало холодом. Именно этого я и опасался.

— Где он сейчас? — спросил я.

— В лазарете. У нашего врача, доктора Тревелияна, есть несколько комнат, которые он держит на крайний случай. Осмотрев господина Холмса, он попросил перевести его туда.

— Я должен сейчас же его видеть, — заявил я. — Я сам медик...

— Конечно, доктор Ватсон. Я ждал вас, чтобы отвести туда.

Но выйти мы не успели — за нашими спинами я уловил какое-то движение, и человек, которого я знал более чем хорошо, преградил нам дорогу. Если инспектор Гарриман уже знал о болезни Холмса, эта новость его не сильно удивила. Наоборот, вид у него был апатичный, он прислонился к дверному косяку и, казалось, сосредоточил все свое внимание на золотом кольце, украшавшем его средний палец.

— Что тут такое, Хокинс? — спросил он. — Шерлок Холмс заболел?

— Seriously заболел, — объявил Хокинс.

— Какая жалость! — Гарриман выпрямился. — А вы уверены, что он не симулирует? Утром я его видел — он был в добром здравии.

— Его осмотрели мой врач и я. Уверяю вас, сэр, он в тяжелом состоянии. Мы как раз идем к нему.

— Тогда я пойду с вами.

— Я вынужден возразить...

— Господин Холмс — мой заключенный, я расследую его дело. Можете возражать сколько вам угодно, но будет по-моему.

Он улыбнулся дьявольской улыбкой. Хокинс глянул на меня, и я понял — человек он порядочный, но спорить не смеет.

Втроем мы двинулись в недра тюрьмы.

Я был в таком состоянии, что почти не помню деталей, но какое-то впечатление осталось: тяжелые каменные плиты, ворота, которые скрипели и громыхали, когда их отпирали, а потом запирали за нами, зарешеченные окна, маленькие и высокие, чтобы заключенный ничего не видел... и бесконечные двери, одна за другой, все одинаковые, за каждой — исковерканная человеческая судьба. В тюрьме было на удивление тепло, а запах представлял собой странную смесь из овсяной каши, поношенной одежды и мыла. На пересечениях тюремных коридоров мы встретили несколько охранников, но заключенных не видели, за исключением двух стариков, тащивших корзину с бельем.

— Кто-то на прогулочном плацу, кто-то трудится, — ответил Хокинс на не заданный мной вопрос. — Здесь день начинается и заканчивается рано.

— Если Холмса отравили, его нужно немедленно отправить в больницу, — сказал я.

— Отравили? — Гарриман меня услышал. — Кто говорил об отравлении?

— Доктор Тревельян подозревает серьезное пищевое отравление, — отозвался Хокинс. — Он хороший человек. Все, что в его силах, он наверняка сделал...

Мы дошли до конца центрального блока — отсюда, подобно лопастям ветряной мельницы, отходили четыре основных крыла — и оказались, видимо, в зоне отдыха: йоркширский камень, высокий потолок, винтовая лестница из металла, наверху галерея по всей длине помещения. Над нашими головами висела сетка на случай, если найдутся желающие бросить что-нибудь сверху. Несколько человек в серой армейской форме сидели за столом и раскладывали в стопки детскую одежду.

— Это для детишек больницы Святого Эммануила, — объяснил Хокинс. — Мы ее здесь шьем.

Мы прошли через арку, поднялись по покрытым ковриком ступенькам. Я уже полностью потерял ориентировку и знал, что самому мне дорогу к выходу не найти. Я думал о ключе, он ведь при мне, спрятан в книге. Даже если я смогу передать его Холмсу, какой от этого прок? Ему нужна дюжина ключей плюс подробная карта. Впереди появились две двери со стеклянными панелями. Их тоже нужно было отпереть. Вот они распахнулись, и мы попали в совершенно пустую, но очень чистую комнату. Окон не было, но с потолка струился свет, а на двух столах в центре комнаты горели свечи — без них было бы темно. Тут же, в два ряда по четыре, стояло восемь коек — покрывала в сине-белую клетку, полосатые ситцевые наволочки. Мне сразу вспомнился мой полевой госпиталь, я часто видел там, как люди умирали, соблюдая дисциплину и не жалуясь, словно на поле боя. Только две койки были заняты. На одной лежал ссохшийся лысый человек, чей взор уже был обращен в мир иной. На другой койке лежало нечто мелкое и скрюченное, но это никак не мог быть Шерлок Холмс — не соответствовал по размеру.

От стола, за которым он работал, навстречу нам поднялся человек в заплатанном и потертом сюртуке. Мне сразу же показалось, будто я его знаю, а сейчас могу сказать, что и в имени его прозвучало что-то знакомое. Бледный, изможденный, рыжеватые бакенбарды словно увядали на щеках, массивные очки. Я бы дал ему лет сорок с небольшим, но жизнь основательно его потрепала и превратила в нервного ссохшегося старика. Тонкими белыми руками он сжимал собственные кисти. Он что-то писал, когда мы вошли, и ручка его текла — на указательном и большом пальцах я увидел чернильные пятна.

— Господин Хокинс, — обратился он к начальнику тюрьмы. — У меня нет для вас новостей, могу лишь сказать, что опасаюсь худшего.

— Это доктор Ватсон, — представил меня Хокинс.

— Доктор Тревельян. — Он пожал мне руку. — Рад познакомиться, хотя предпочел бы для знакомства более приятные обстоятельства.

Я был уверен, что мы встречались. Но по тому, как он обратился ко мне, по твердому рукопожатию, я понял: он хочет, чтобы сложилось впечатление, будто мы видим друг друга впервые.

— Пищевое отравление? — задал вопрос Гарриман. Он не считал нужным представиться.

— Я совершенно убежден, что это какой-то яд, — ответил доктор Тревельян. — А уж как он был введен, судить не мне.

— Введен?
— Все заключенные в этом крыле едят одно и то же. А заболел только он.
— Вы намекаете на злой умысел?
— Я сказал то, что сказал, сэр.
— Не верю ни на секунду. Скажу вам, доктор, что чего-то в этом роде я ожидал. Где господин Холмс?

Тревельян помедлил, и начальник тюрьмы шагнул вперед.

— Доктор Тревельян, это инспектор Гарриман. За вашего пациента отвечает он.

— Пока пациент в моем лазарете, за него отвечаю я, — возразил доктор. — Вы, конечно, можете увидеть его, правда, я попросил бы его не беспокоить. Я дал ему снотворное, вполне возможно, он спит. Он в отдельной комнате. Я решил, что его лучше поместить подальше от других больных.

— Тогда не будем тратить времени.

— Риверс! — Тревельян окликнул худощавого с округлыми плечами парня, который незаметно подметал пол в углу. На нем была форма скорее санитаря, нежели заключенного. — Ключи...

— Сейчас, доктор Тревельян.

Риверс проковылял к столу, взял связку ключей и подошел к арочной двери в дальней части комнаты. Видимо, у него была хромота — одну ногу он приволакивал. Угрюмый, неотесанный, рыжие патлы спадали на плечи. Он остановился у двери и неторопливо вставил ключ в скважину.

— Риверс — мой помощник, — негромко пояснил Тревельян. — Человек хороший, хоть и простоват. По ночам за порядком в лазарете следит он.

— С Холмсом он общался? — спросил Гарриман.

— Риверс вообще мало с кем общается, господин Гарриман. Да и Холмс, как попал сюда, не произнес ни слова.

Наконец Риверс повернул ключ. Я услышал характерный щелчок. Снаружи также было два засова, которые пришлось отодвинуть, — и мы увидели комнатку, почти монашескую келью, с тусклыми стенами, квадратным оконцем, кроватью и туалетом.

На кровати никого не было.

Гарриман ринулся вперед. Скинул на пол покрывало. Спрятаться было негде. Решетка на окне была не тронута.

— Это еще что за шутки? — взревел он. — Где он? Куда вы его девали?

Я сделал шаг вперед и заглянул внутрь. Сомневаться не приходилось. Камера была пуста. Шерлок Холмс исчез.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Исчезновение

Гарриман подскочил и едва не рухнул на доктора Тревельяна. Хладнокровие, которое он так тщательно в себе взращивал, на сей раз его оставило.

— Вы что, шутки шутить вздумали? — закричал он. — Что за балаган?

— Но я понятия... — пробормотал обескураженный доктор.

— Прошу вас держать себя в руках, инспектор Гарриман.

Перехватывая инициативу, начальник тюрьмы встал между инспектором и доктором.

— Господин Холмс был в этой комнате?

— Да, сэр, — ответил Тревельян.

— Она была заперта и закрыта снаружи на задвижки, как мы только что видели?

— Именно так, сэр. В соответствии с правилами тюрьмы.

— Кто видел Холмса последним?

— Должно быть, Риверс. По моей просьбе он отнес ему кружку с водой.

— Отнести я отнес, да он не взял, — пробурчал санитар. — И сказать ничего не сказал. Лежал себе и лежал.

— Спал? — Гарриман подошел к доктору Тревельяну вплотную, их разделяло несколько дюймов. — Значит, Холмс, говорите, болен? А может, как я и подозревал с самого начала, просто прикидывался? Сначала чтобы попасть сюда, а потом улучшить минуту и улизнуть отсюда?

— Что он был болен, не вызывает сомнений, — ответил Тревельян. — По крайней мере, его сильно лихорадило, зрачки были расширены, на лбу выступил пот. Я могу это засвидетельствовать, потому что осматривал его лично. А выйти отсюда, как вы предполагаете, он просто не мог. Господи, да вы посмотрите на эту дверь! Она была заперта снаружи. Есть только один ключ, он всегда лежит на моем столе. Так ведь еще засовы — Риверс их отодвинул при вас! Даже если с помощью каких-то диковинных и необъяснимых средств ему бы удалось выбраться из камеры — куда он пойдет? Для начала ему нужно пересечь эту палату — но я весь день сидел за своим столом. Дверь, через которую вошли вы троим, была заперта. А сколько еще замков и засовов по дороге к главным воротам? Вы хотите сказать, что он обернулся привидением и прошел через все двери?

— Выйти из тюрьмы Холлоуэй практически невозможно, это верно, — согласился Хокинс.

— Да, отсюда не сбежать, — пробормотал Риверс и как-то ухмыльнулся, будто удачно пошутил. — Но коли тебя зовут Вуд — тогда другое дело. Он-то сегодня отсюда выбрался. Понятно, не на своих двоих, зато никому в голову не пришло его спрашивать, куда это он собрался да когда вернется.

— Вуд? Какой еще Вуд? — спросил Гарриман.

— Джонатан Вуд был сегодня в нашем лазарете, — ответил Тревельян. — Только едва ли это тема для насмешек, Риверс. Ночью он скончался, около часа назад его унесли отсюда в гробу.

— В гробу? Вы хотите сказать, что из этой комнаты недавно вынесли гроб?

Инспектор пытался увязать факты, и я вместе с ним понял: вот он, очевидный, если не единственный путь к бегству. Гарриман повернулся к санитару:

— Когда вы носили Холмсу воду, гроб стоял здесь? — спросил он.

— Видать, что так.

— Вы оставляли Холмса одного, хотя бы на несколько секунд?

— Нет, сэр. Ни на секунду. Глаз с него не спускал. — Санитар переступил с ноги на ногу. — Разве что к Коллинсу подошел, когда у того припадок случился.

— Что вы такое говорите, Риверс? — изумился Тревельян.

— Я открыл дверь. Заглянул. Он крепко спал на койке. Тут Коллинс зашелся кашлем. Я кружку поставил и бегом к Коллинсу.

— А дальше? Холмса вы потом видели?

— Нет, сэр. Я Коллинсом занялся. А уж потом вернулся и запер дверь.

В комнате повисла тишина. Мы стояли и смотрели друг на друга, словно ждали, кто же осмелится открыть рот первым. Им оказался Гарриман.

— Где гроб? — воскликнул он.

— Должны были вынести наружу, — ответил Тревельян. — Там ждет фургон, чтобы отвезти к гробовщику, в Масвелл-Хилл. — Он схватил свое пальто. — Возможно, мы еще успеем. Если фургон не уехал, мы его перехватим.

Обратный путь к воротам тюрьмы мне не забыть никогда. Хокинс шел первым, рядом с ним, задыхаясь от ярости, Гарриман. Вторая пара — Тревельян и Риверс. Я замыкал шествие, сжимая в руке книгу с заветным ключом. Какая смехотворная идея! Даже если бы я и передал ключ моему другу в придачу с лестницей и мотком веревки, в одиночку ему отсюда нипочем не выбраться. Мы сами двигались к выходу только благодаря Хокинсу, непрерывно подававшему сигналы охране. Двери отпирались и распахивались одна за другой. Никто не вставал у нас на пути. Обрато мы шли другой дорогой, на сей раз мимо прачечной — заключенные корпели возле гигантских кадок, — а потом и котельной, с котлами и спиральными металлическими трубами, отсюда шло тепло на обогрев тюрьмы. Наконец мы пересекли заросший травой дворик и оказались, как я понял, у бокового входа. Только здесь охранник попытался преградить нам дорогу и потребовал пропуска.

— Не будьте идиотом! — рявкнул Гарриман. — Вы что, собственного начальника тюрьмы не узнаете?

— Откройте ворота, — распорядился Хокинс. — Мы не можем терять ни минуты!

Охранник исполнил приказ, и мы впятером оказались на улице.

При всей стремительности нашего движения я не мог отделаться от мысли, что моему другу удалось бежать благодаря весьма странному стечению обстоятельств. Он сумел симулировать болезнь и провести опытного доктора. Впрочем, это достаточно просто. Со мной он такой фокус проворачивал не однажды. Но ему удалось очутиться в отдельной комнате в то самое время, когда в изолятор принесли гроб. Мало того, ему требовалась открытая дверь — и она оказалась открытой, потому что кто-то своевременно закашлялся, а слабоумный санитар проявил нерасторопность. Уж слишком удачно все совпало. Впрочем, какая разница? Если Холмсу каким-то чудом удалось отсюда выбраться, я должен только безмерно радоваться. Но все равно, я не сомневался: что-то здесь не так, мы сделали поспешные выводы, и именно на это рассчитывал Холмс.

Мы оказались на широкой, изрытой колесами дороге, по одну сторону тянулась высокая тюремная стена, по другую — ряд деревьев. Гарриман издал победный вопль и показал пальцем. Мы увидели фургон, два человека запикивали в него сзади какой-то короб, по размеру и форме вполне походивший на временный гроб. При этом я, признаюсь, на секунду испытал облегчение. Кажется, все бы отдал, лишь бы увидеть Шерлока Холмса и удостовериться: он действительно ловко симулировал болезнь и никакого пищевого отравления не было. Мы поспешили к фургону, и мою внезапную радость тут же сменил невыразимый страх. Допустим, сейчас Холмса найдут, задержат, затащат обратно в тюрьму — тут уж Гарриман все сделает, чтобы лишить Холмса второй попытки и вообще держать подальше от меня. Гарриман подошел к двум работягам, которые держали гроб за края, пытаясь запихнуть его в фургон.

— Ставьте гроб на землю! Мне надо его осмотреть. — Мрачные труженики, по виду отец и сын, вопросительно переглянулись и лишь потом выполнили команду. Гроб лежал на гравии. — Открывайте! — На сей раз мужчины заколебались: одно дело — нести гроб, а совсем другое — смотреть на покойника.

— Ничего страшного, — успокоил их Тревельян, и именно в эту минуту я понял, откуда я его знаю и где нам довелось встречаться.

Его звали Перси Тревельян, он приходил к нам на Бейкер-стрит шесть или семь лет назад, потому что крайне нуждался в услугах моего друга. Я вспомнил, что у него был пациент, Блессингдон, который вел себя как-то загадочно, и кончилось тем, что беднягу нашли повешенным в собственной комнате. Полиция решила, что это самоубийство, но Холмс эту версию решительно отверг. Странно, что я не узнал Тревельяна сразу, я ведь им восхищался и изучал его работы по нервным заболеваниям — он даже получил премию Брюса Пинкертонa, никак не меньше. Но судьба не была к нему благосклонна ни тогда, ни, судя по всему, позже,

потому что он заметно постарел, выглядел изможденным и отрешенным, что не могло не сказаться на его внешнем облике. При нашей первой встрече очков он, насколько помню, не носил. Заметно ухудшилось и его здоровье. И все же сомнений не оставалось — это был он, низведенный до статуса тюремного доктора, хотя имел право рассчитывать на нечто гораздо большее. Вдруг я с восторгом, который позаботился скрыть, подумал: а ведь он наверняка помог Холмсу совершить побег! Конечно же, он считал себя обязанным Холмсу — с какой еще стати ему делать вид, что мы с ним не знакомы? Стало ясно, как Холмсу удалось попасть в гроб. Тревельян намеренно передал бразды правления санитару. Иначе зачем давать ответственное поручение человеку, который явно не способен с этим поручением справиться? Гроб поставили поблизости. Все было спланировано заранее. А работяги делали свое дело не спеша — и весь план рухнул. Они могли быть уже на полдороге до Масвелл-Хилла. Усилия Тревельяна пропали даром.

Один из работников достал ломик. Просунул его под крышку гроба. Приналег — дерево треснуло, отлетело несколько щепок, и крышку можно было открывать. Что эти двое и сделали. Гарриман, Хокинс, Тревельян и я, как по команде, шагнули вперед.

— Он и есть, — хрюкнул Риверс. — Джонатан Вуд.

Он был прав. Из гроба на нас смотрел труп побитого жизнью человека с пепельным лицом — это был никак не Шерлок Холмс, это явно был покойник.

Первым пришел в себя Тревельян.

— Естественно, Вуд, — воскликнул он. — Я вам так и сказал. Он умер ночью — коронарная инфекция. — Он кивнул гробовщикам: — Закрывайте и грузите в фургон.

— Но где же Шерлок Холмс? — воскликнул Хокинс.

— Из тюрьмы он выбраться не мог! — рявкнул Гарриман. — Ему удалось нас одурачить, но он внутри, затаился и ждет, когда подвернется возможность бежать. Надо поднять тревогу и перевернуть тюрьму сверху донизу!

— На это уйдет вся ночь!

Краска отхлынула от лица Гарримана — оно стало блее его волос. Он крутанулся на каблуках и с досады едва не бухнулся оземь.

— Да хоть неделя — мне плевать! Его надо найти — и точка!

Но найти Холмса не удалось. Два дня спустя я, сидя в обиталище Холмса, читал отчет о событиях, свидетелем которых был лично.

Полиция все еще не может объяснить загадочное исчезновение широко известного детектива-консультанта Шерлока Холмса, который содержался в тюрьме Холлоуэй в связи с убийством девушки на Коппергейт-сквер. Ведущий это дело инспектор Гарриман обвинил тюремные власти в халатности, но последние свою вину категорически отрицают. Факт остается фактом: господину Холмсу каким-то чудесным образом удалось выбраться из запертой тюремной камеры и пройти через дюжину дверей вопреки всем законам природы. Полиция обещает награду в 50 фунтов любому, кто сообщит сведения, которые позволят обнаружить Шерлока Холмса и задержать его.

Миссис Хадсон на это неожиданное развитие событий отреагировала на удивление спокойно. Конечно, она прочитала газеты и ограничилась всего одной короткой фразой, когда подавала мне завтрак: «Все это полная чушь, доктор Ватсон». Видимо, упоминание Шерлока Холмса в таком контексте ее задело, и сейчас, много лет спустя, мне приятно сознавать, что своему самому знаменитому постояльцу она верила безраздельно. Впрочем, кто еще знал его так хорошо, как она? Долгие годы, которые он провел в ее доме, ей приходилось мириться с его самыми разными особенностями и причудами: отчаявшиеся и часто нежелательные посетители, поздняя игра на скрипке, упадок сил после употребления кокаина, длительные периоды меланхолии, выстрелы в оклеенные обоями стены и даже курение трубки. Безусловно, Холмс щедро платил ей за квартиру, но она никогда не жаловалась и сохранила ему преданность до самого конца. Она периодически возникала на страницах моих рассказов, но скажу честно: я знал о миссис Хадсон очень мало. Мне даже неизвестно, как она стала владелицей дома на Бейкер-стрит (кажется, унаследовала от мужа, но что случилось с ним, сказать не могу). После ухода Холмса она жила

одна. Я очень жалею, что мы почти не говорили с ней по душам и я воспринимал ее как некую данность. Так или иначе, мои размышления были прерваны появлением этой дамы в обществе очередного посетителя. Я слышал звонок в дверь и звук шагов на лестнице, но был настолько погружен в себя, что мой мозг лишь зарегистрировал эти звуки. В итоге я оказался совершенно не подготовлен к появлению преподобного Чарлза Фицсиммонса, директора школы «Чорли Гранж», и, боюсь, приветствовал его с выражением полного непонимания на лице, будто мы прежде не встречались. Меня может оправдать только одно: он был запахнут в толстое черное пальто, лицо скрывала шляпа, а подбородок был упрятан в шарф. Зимняя одежда его еще больше полнила.

— Извините за неожиданное вторжение, доктор Ватсон, — сказал он, освобождаясь от уличной одежды и являя миру пасторский воротник, сразу же подстегнувший мою память. — Я поначалу сомневался, идти сюда или нет, а потом решил, что это мой долг. Долг! Но сначала у меня вопрос к вам, доктор Ватсон. Невероятная история, приключившаяся с господином Шерлоком Холмсом, — это правда?

— Правда лишь то, что Холмса подозревают в преступлении, которого он не совершал, — ответил я.

— Но я прочитал, что он в бегах, что ему удалось вырваться из тюрьмы.

— Так и есть, господин Фицсиммонс. Ему также удалось таинственным образом уйти от своих обвинителей — таинственным даже для меня.

— Вам известно, где он?

— Ни в малейшей степени.

— А мальчик, Росс, — о нем новости есть?

— В каком смысле?

— Вы его нашли?

Видимо, Фицсиммонсу не попались на глаза статьи о жуткой смерти мальчика — при всей сенсационности этой истории имя Росса ведь названо не было. Значит, на мою долю выпало сказать гостю суровую правду.

— Боюсь, мы опоздали. Росса мы нашли, но он был уже мертв.

— Мертв? Как это случилось?

— Его избили до полусмерти и оставили умирать возле реки, в районе Саутваркского моста.

В глазах директора словно мелькнула вспышка, и он тяжело сел на стул.

— Боже правый! — воскликнул он. — Кто же мог так обойтись с ребенком? Откуда в этом мире столько злобы? Что ж, доктор Ватсон, мой визит к вам оказался излишним. Я ведь думал, что помогу вам найти мальчика. Мы нашли некий предмет, вернее, его обнаружила моя дорогая жена Джоанна. Я принес его сюда, надеясь, что местопребывание господина Холмса вам известно, вы ему это передадите, а уж он, несмотря на собственные хлопоты, все-таки найдет время... — Голос его угас. — Слишком поздно. Не надо было мальчику уходить из «Чорли Гранж». Я знал, что добром это не кончится.

— Что за предмет? — спросил я.

— Я его принес. Его, как я сказал, жена нашла в общей спальне. Она переворачивала матрасы — раз в месяц мы их проветриваем и дезинфицируем. У некоторых мальчиков водятся вши... мы ведем с ними беспощадную войну. В общем, кровать, на которой спал Росс, отдана другому мальчику, и вот мы нашли под матрасом тетрадку. — Фицсиммонс достал тонкую тетрадку в грубой обложке, выцветшую и помятую. Детской рукой карандашом на обложке было выведено имя:

Росс Диксон

— Когда Росс у нас появился, читать и писать он не умел, но азам мы его научили. У каждого ребенка в школе есть тетрадка и карандаш. По его тетрадке видно: упражнениями он пренебрегал. Внутри сплошной хаос. Он все время рисовал какие-то каракули. А сейчас мы в нее заглянули, и то, что нашли, показалось нам важным.

Он открыл тетрадку посередине и показал нам аккуратно сложенный лист бумаги, видимо, он был спрятан здесь от посторонних глаз. Это была реклама, дешевый листок, приглашавший на аттракцион, каких раньше было много где-нибудь в Ислингтоне или Чипсайде, но в последнее

время они встречались все реже. Текст украшали изображения змеи, обезьянки и броненосца. Надпись гласила:

**ДОМ ЧУДЕС ДОКТОРА ШОЛКИНСА
ЛИЛИПУТЫ, ЖОНГЛЕРЫ, ЖЕНЩИНА-ГОРА И ЖИВОЙ СКЕЛЕТ**

Диковинки со всех концов света

Вход — один пенс

Джекдо-лейн, Уайтчепел

— Я, конечно, не рекомендую нашим мальчикам посещать такие места, — сказал преподобный Фицсиммонс. — Уродцы, мюзик-холлы, дешевые балаганы. Я просто поражен, как Лондон, такой замечательный город, мирится с подобными развлечениями, где правит бал все вульгарное и противное природе. В голову приходят уроки Содома и Гоморры. Вполне возможно, доктор Ватсон, Росс потому и прятал эту рекламу, что знал: она противоречит самому духу нашей школы. А может, держал ее из чувства противоречия. Как вам сказала моя жена, мальчик был очень своевольный...

— Не исключено, что он с этой публикой как-то связан, — предположил я. — Уйдя от вас, он нашел пристанище в «Кингс-Кросс», у сестры. Но где он обитал до этого? Вполне возможно, у этих людей.

— Именно. Мне и показалось, что за эту ниточку стоит потянуть, потому и пришел к вам. — Фицсиммонс собрал свои пожитки и поднялся. — Возможно ли, что вы увидите с господином Холмсом?

— Я очень надеюсь, что он найдет способ со мной связаться.

— Что ж, может, этот листок наведет его на какие-то мысли. Спасибо, доктор Ватсон, что нашли для меня время. Я просто потрясен тем, что случилось с Россом. В воскресенье мы помолимся в часовне за упокой его души. Нет, провожать меня не надо. Дорогу я найду.

Он взял свои пальто и шарф и вышел из комнаты. Я уставился на листок — аляповатые строчки, примитивные картинки. Прочитал текст раза три — и только тогда мне открылось то, что я был обязан обнаружить мгновенно. Ну конечно же! Дом чудес доктора Шолкинса. Джекдо-лейн, Уайтчепел.

Я только что нашел «Дом шелка».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сообщение

Моя жена вернулась в Лондон на следующий день. О своем прибытии она известила меня телеграммой из Камберуэлла, и я встречал ее поезд на Холборнском виадуке. Должен сказать, что никакая другая причина не заставила бы меня оставить Бейкер-стрит: я все равно полагал, что Холмс попытается со мной связаться, и мне претила мысль о том, что он проберется в свое жилище, невзирая на все сопряженные с этим опасности, и обнаружит, что меня там нет. Но я также не мог допустить, чтобы Мэри ехала через весь город одна. Одной из самых замечательных добродетелей моей жены было умение проявлять терпимость, мириться с моими долгими отлучками в обществе Шерлока Холмса. Она никогда не жаловалась, хотя и переживала, что я подвергаю себя опасности, и сейчас мне предстояло объяснить, что произошло в ее отсутствие, сказать, что, увы, полностью воссоединиться мы пока не сможем, нужно какое-то время, чтобы положение нормализовалось. Я сильно по ней соскучился и с нетерпением ждал встречи.

Шла вторая неделя декабря. Начало месяца было ознаменовано жуткой погодой, но сейчас на небе обосновалось солнце и, хотя на улице было очень холодно, все кругом сияло, намекая на общее довольство и процветание. Народ прибывал из загорода в таких количествах, что на площади яблоку было негде упасть. А сколько детей, взиравших на все с выпученными глазами! Казалось, только ими можно заселить небольшой город. Рабочие кололи лед и освобождали улицы от снега. Кондитерские и бакалейные лавки были увешаны веселыми гирляндами. В витринах предлагалось отведать гуся, ростбиф или пудинг, и сам воздух был наполнен ароматом жженого сахара и начинки для пирога. Я выбрался из четырехколесного экипажа и сквозь толпу протолкался к вокзалу, думая об обстоятельствах, из-за которых я совершенно выпал из предпраздничной суеты, лишился традиционных лондонских радостей. Пожалуй, в этом и заключалась отрицательная сторона моих отношений с Шерлоком Холмсом. Наша дружба затягивала меня в такие мрачные места, куда ни один нормальный человек не пошел бы по своей воле.

На вокзале народу было не меньше. Поезда приходили по расписанию, на платформах взволнованно, словно белый кролик Алисы из Страны Чудес, с пакетами, свертками и корзинками, сновали молодые люди. Поезд Мэри уже прибыл, но я не сразу увидел ее, когда двери открылись и выплеснули в море метрополиса новую партию человеческих душ. Но вот и она, выходит из своего вагона... И тут произошло нечто, на секунду вызвавшее у меня беспокойство. На платформе возник мужчина и приблизился к ней, как бы собираясь поприветствовать. Я видел его только со спины — куртка с чужого плеча, рыжие волосы — и едва ли смог бы узнать при повторной встрече. Он перебрался с Мэри парой слов, потом сел в поезд и исчез из виду. Возможно, мне это только показалось. Я подошел к ней, она увидела меня, улыбнулась, я заключил ее в объятия, и вместе мы пошли к выходу, где нас ждал экипаж.

Мэри столько хотела мне рассказать о своем визите! Госпожа Форрестер была безмерно счастлива ее видеть, они стали настоящими подружками, оставив взаимоотношения хозяйки и гувернантки далеко в прошлом. Мальчик, Ричард, воспитанный и вежливый, как только оправился от болезни, стал им замечательным товарищем. Оказалось, что он запоем читает мои рассказы! Атмосфера в доме такая, какой она ее запомнила, — уютная и дружелюбная. В общем, визит оказался исключительно успешным, правда, в последние дни она немножко приболела — мигрень, простуда, — и это состояние усугубилось в дороге. Вид у нее был уставший, я принялся допытываться, что с ней такое, и она призналась: есть тяжесть в мышцах рук и ног.

— Не тревожься обо мне, Джон. Чашка чаю — и я живо приду в норму. Лучше расскажи про твои новости. Что за фантастическую историю я прочитала о Шерлоке Холмсе?

Я не раз терзал себя вопросом: виноват ли я, что не обследовал Мэри более тщательно? Конечно, меня тогда занимали другие мысли, а сама она не приняла свое заболевание всерьез. К тому же у меня не шел из головы странный человек, подошедший к ней. Вполне возможно, даже поставь я верный диагноз, едва ли можно было что-то изменить. Но все равно, это ощущение

будет со мной до конца жизни: к жалобам жены я отнесся легкомысленно и не распознал первые признаки брюшного тифа, который вскоре забрал ее у меня.

Про незнакомца она заговорила сама, как только экипаж тронулся.

— Ты видел этого человека? — спросила она.

— У поезда? Да. Он с тобой говорил?

— Он обратился ко мне по имени. Это меня испугало.

— Что он сказал?

— Просто «доброе утро, госпожа Ватсон». Из простолюдинов. Наверное, рабочий. Он вложил мне в руку это.

Она показала матерчатый мешочек, который все это время сжимала в руке, но о котором забыла, преисполненная радости от нашей встречи, к тому же мы покидали вокзал в спешке. Теперь она передала мешочек мне. Внутри было что-то тяжелое, я поначалу решил, что это монеты, потому что услышал звон металла. Я открыл мешочек и высыпал содержимое на ладонь — оказалось, что это три увесистых гвоздя.

— Что бы это значило? — спросил я. — Он ничего не сказал? Ты можешь его описать?

— Не очень, дорогой. Яглянула на него мимоходом — ведь я искала глазами тебя. Волосы, кажется, каштановые. Небритый, грязный какой-то. Какое это имеет значение?

— Он больше ничего не сказал? Денег не требовал?

— Я же сказала. Он обратился ко мне по имени, больше ничего.

— Но кому понадобилось передавать тебе мешочек с гвоздями?

Не успел я произнести эти слова, как все понял и торжествующе воскликнул:

— «Мешок с гвоздями»! Ну конечно!

— Что это значит, дорогой?

— Подозреваю, Мэри, что это был сам Холмс.

— Ни капельки не похож.

— В этом весь фокус.

— Мешочек с гвоздями тебе о чем-то говорит?

Он говорил мне о многом. Холмс хочет, чтобы я приехал в одну из двух пивных, где мы были, когда искали Росса. Обе назывались «Мешок с гвоздями», но какую из них он имел в виду? Едва ли вторую, в Ламбете, потому что там работала Салли Диксон, и полиции это место известно. Более вероятна первая, в Эдж-лейн. Понятно, он боится, что его увидят, это явственно следует из того, каким путем он решил со мной связаться. Он был переодет, и если какой-то представитель власти видел, как Холмс подходит к Мэри или ко мне, а потом задержал бы нас прямо на платформе, он нашел бы мешочек с тремя плотницкими гвоздями, больше ничего, и никаких свидетельств того, что было передано какое-то сообщение.

— Дорогая, боюсь, мне придется тебя оставить, как только мы доберемся до дома, — сказал я.

— Тебе не угрожает опасность, Джон?

— Надеюсь, нет.

Она вздохнула.

— Иногда мне кажется, что к господину Холмсу ты привязан больше, чем ко мне. — Она увидела выражение моего лица и мягко похлопала меня по руке. — Шучу, шучу. Тебе совсем не надо ехать до самого Кенсингтона. Мы можем остановить экипаж на следующем углу. Я доберусь до дома сама, кучер поможет с багажом. — Я заколебался, и она сменила тон на более серьезный. — Езжай к нему, Джон. Если он выбрал такой сложный способ что-то тебе сообщить, значит, он в очень трудном положении и ты ему нужен. Впрочем, как всегда. Ты не можешь ему отказать.

Итак, мы расстались, и я утратил контроль над своей жизнью, более того, я едва ее не лишился, маневрируя в транспортном потоке, — на Стрэнде меня чуть не переехал омнибус. Мне пришло в голову, что раз слезки опасается Холмс, значит, принципиально важно, чтобы и мне никто не сел на хвост. Я некоторое время перемещался по проезжей части, уклоняясь от экипажей и заматывая таким образом следы, наконец оказался в безопасности на тротуаре, внимательно огляделся и уже потом направился в нужную мне сторону. Через полчаса я был в заброшенной и убогой части Шордитча. Тот паб я помнил очень хорошо. При солнечном свете обветшалый домишко выглядел чуть лучше, чем в густом тумане. Я перешел улицу и вошел в пивную. В баре

сидел один человек, и это был не Шерлок Холмс. Я сильно удивился и даже вздрогнул: это был Риверс, санитар доктора Тревелияна в тюрьме Холлоуэй. На нем не было форменной одежды, но отсутствующее выражение лица, запавшие глаза и рыжие вихры не оставляли сомнений. Он сидел за столом, склонившись над кружкой портера.

— Господин Риверс? — воскликнул я.

— Сядьте рядом, Ватсон. Рад снова видеть вас.

Это был Холмс! Я тотчас понял, каким образом был обманут и как ему удалось бежать из тюрьмы буквально на моих глазах. Я прямо-таки рухнул на стул, который он подтолкнул в мою сторону. Опять он обвел меня вокруг пальца! Из-под парика и грима Холмс улыбнулся мне лучистой улыбкой, которую я знал так хорошо. В этом заключалось чудо холмсовских маскировок. Он вовсе не налегал на театральные фокусы или какой-то камуфляж, хотя без них не обходилось. Главное было в другом — он обладал даром перевоплощения, он превращался в человека, которого изображал, и если сам в эту метаморфозу верил, остальные тоже в нее верили — вплоть до момента разоблачения. Так бывает, когда смотришь на какой-то неопределенный предмет вдалеке — скалу или дерево — и он в твоём воображении принимает форму, скажем, животного. Но когда подходишь ближе и видишь, что это на самом деле, второй раз на эту удочку ты уже не попадешься. Я сел за стол рядом с Риверсом. Но теперь мне было ясно без толики сомнений — я сижу рядом с Холмсом.

— Но как же... — начал я.

— Все мое время, дорогой друг, — перебил меня он. — Сначала дайте мне гарантию, что не привели за собой хвоста.

— Абсолютно уверен, что прибыл сюда один.

— Но на Холборнском виадуке за вами следили двое. По виду полицейские, наверняка на службе у нашего друга, инспектора Гарримана.

— Я их не видел. Но из экипажа моей жены я выбрался, когда он проехал половину Стрэнда. Он не прекращал движения, я выскользнул под прикрытием ландо, и даже если на вокзале за мной следили двое, они сейчас в Кенсингтоне и скребут в затылках, куда же я делся.

— Мой верный Ватсон!

— Но как вы узнали, что моя жена приезжает сегодня? Как вы вообще оказались на Холборнском виадуке?

— Ну, это проще простого. Я шел за вами от Бейкер-стрит, понял, какой поезд вы встречаете, а потом опередил вас в толпе.

— Это только первый вопрос, Холмс, и я настаиваю, чтобы вы отчитались по всем пунктам, потому что у меня голова идет кругом уже оттого, что вы сидите рядом. Начнем с доктора Тревелияна. Я правильно понимаю, что вы его узнали и попросили помочь вам бежать?

— Именно так. По счастливому совпадению наш бывший клиент попал на работу в тюрьму, хотя, как мне кажется, мою сторону взял бы любой доктор, когда стало ясно, что меня собираются убить.

— Вы об этом знаете?

Холмс окинул меня пронизательным взглядом, и я понял: если не хочу нарушать клятву, данную два дня назад моему зловещему вечернему сотрапезнику, я должен делать вид, что вообще ничего не знаю.

— Я ждал этого с первой минуты ареста. Было ясно, что все улики против меня развалятся, как только мне позволят говорить, стало быть, мои враги этого не допустят. Я ждал нападения со всех возможных сторон, в частности, самым внимательным образом проверял свою пищу. Вопреки общепринятому убеждению совершенно безвкусных ядов почти нет, и уж никак не назовешь безвкусным мышьяк, которым они надеялись меня прикончить. Я обнаружил его в мясной похлебке, которую мне принесли в конце второго дня... Это была совсем топорная попытка, Ватсон, и я им за нее благодарен — они мне дали то самое оружие, которое требовалось.

— Гарриман — участник сговора против вас? — спросил я, дрожа от ярости.

— Либо инспектору Гарриману хорошо заплатили, либо он вхож в святая святых тайной организации, которую мы с вами обнаружили. Я склоняюсь ко второму варианту. Я думал о том, чтобы пойти к Хокинсу. Начальник тюрьмы производит впечатление цивилизованного человека,

он взял на себя труд создать мне в исправительном доме условия, которые можно считать приемлемыми. Я решил, что, если подниму тревогу слишком рано, это только ускорит вторую, более смертоносную попытку, поэтому я попросил о встрече с доктором, а уже в лазарете с радостью обнаружил, что с главным врачом мы знакомы, это существенно упростило мою задачу. Я показал ему отравленную похлебку — немного сохранил у себя, — объяснил, какая ведется игра, что меня арестовали по ложному обвинению и мои враги хотят, чтобы из тюрьмы Холлоуэй живым я не вышел. Доктор Тревелиян был потрясен. Он и так был склонен мне поверить — считал себя передо мной в долгу в связи с делом на Брук-стрит.

— Как он оказался в Холлоуэе?

— Нужда заставила, Ватсон. Вы ведь помните — после смерти своего пациента он лишился работы. Тревелиян — очень одаренный человек, но не из тех, кому благоволит судьба. Проболтавшись без дела несколько месяцев, он наткнулся на должность в Холлоуэе и согласился на нее, хотя и без большой охоты. Надо попробовать ему помочь.

— Конечно, Холмс. Прошу вас, продолжайте.

— Первое, что пришло Тревелияну в голову, — поставить в известность начальника тюрьмы, но я его отговорил. Объяснил, что заговор против меня имеет глубокие корни, мои враги — люди весьма могущественные. Да, мне обязательно надо выйти на свободу, но мы не имеем права втягивать в эту историю кого-то еще и действовать надо иначе. Но как именно? Тревелияну, как и мне, было ясно: открыть дорогу на волю силой мне не удастся. То есть попытки сделать подкоп или перелезть через стену обречены на провал. Мою камеру от внешнего мира отделяло не меньше девяти запертых дверей и ворот — как ни маскируйся, пройти через все эти преграды не удастся. Путь насилия тоже исключался. Мы проговорили почти час, и все это время я ждал появления инспектора Гарримана — он продолжал меня допрашивать, пытаюсь придать достоверность его притяннутому за уши мошенническому расследованию.

Затем Тревелиян упомянул Джонатана Вуда. Этот несчастный провел в тюрьме почти всю свою жизнь и здесь же собирался ее закончить — он страдал тяжелым заболеванием, и предстоящая ночь должна была стать для него последней. Тревелиян предложил следующее: когда Вуд умрет, я займу место покойника в гробу. Но от этой идеи я отказался после секундного раздумья. Уж слишком много возникало вопросов, в частности, мои недруги могли заподозрить неладное: почему яд, который они добавили мне в пищу вечером, не отправил меня на тот свет? Выходит, я их перемудрил? При этих обстоятельствах отправляться на волю в чужом гробу было бы чересчур. Такой маневр могли предугадать. Зато, находясь в лазарете, я обратил внимание на санитаря, Риверса, особенно на его медлительность и огненно-рыжие волосы — эти свойства могли сыграть мне на руку. Я сразу увидел, что все необходимые составные части: Гарриман, яд, умирающий заключенный — на месте и можно разработать другой план, раскусить который будет не так-то просто. Я сказал Тревелияну, что именно мне требуется... Буду ему вечно благодарен за то, что сомневаться в моем плане он не стал и послушно выполнил мои просьбы.

Вуд умер незадолго до полуночи. Тревелиян пришел ко мне в камеру лично и сказал о случившемся, потом отправился домой — принести то, о чем я его просил. На следующее утро я объявил, что мое собственное состояние ухудшилось. Тревелиян поставил диагноз «тяжелое пищевое отравление» и переправил меня в госпиталь, где тело Вуда уже было подготовлено к отправке. Я был там, когда привезли гроб, даже помог положить туда покойника. А Риверса не было. Он получил отгул, и Тревелиян принес мне парик и сменную одежду, что позволило мне загримироваться под Риверса. Гроб унесли около трех часов, и наконец все было готово. Тут надо учесть человеческую психологию, Ватсон. Мы хотели, чтобы Гарриман сделал всю работу за нас. Во-первых, обнаружится мое невероятное и необъяснимое исчезновение из надежно запертой камеры. Тут же мы сообщим ему о покойнике, которого недавно вынесли в гробу. В таких обстоятельствах у меня не было сомнений, что он попадет на удочку, и я оказался прав. Он был абсолютно уверен, что в гробу вынесли меня, и окинул лишь мимолетным взглядом придурковатого санитаря, который вроде и был главным виновником происшествия. Гарриман кинулся вон, фактически облегчив мне путь наружу. Ведь это он велел отпирать и открывать двери. Именно Гарриман помог мне пройти сквозь охранную систему, которая не позволила бы мне освободиться.

— Вы правы, Холмс! — воскликнул я. — Я ведь тоже на вас толком не посмотрел. Решил, что вас ногами вперед несут к выходу.

— Кстати, ваше появление оказалось для меня полной неожиданностью, и я боялся, что вы раскроете факт вашего знакомства с доктором Тревелияном. Но вы были великолепны, Ватсон. Собственно говоря, само ваше присутствие — вместе с начальником тюрьмы — накалило обстановку, потому-то Гарриман и помчался за гробом сломя голову.

При этих словах он мне подмигнул, и я воспринял их как комплимент, хотя прекрасно понимал роль, которая в этом приключении была уготована мне. Как и актеру на сцене, Холмсу требовалась аудитория, и чем больше было зрителей, тем вдохновеннее он играл свою роль.

— Но как быть дальше? — спросил я. — Ведь вы в бегах. Ваше имя опорочено. Сам факт вашего бегства позволит убедить весь мир в вашей вине.

— Побольше оптимизма, Ватсон. Лично я считаю, что с прошлой недели чаша весов заметно склонилась в мою пользу.

— Где вы сейчас живете?

— Разве я не говорил? У меня есть комнаты по всему Лондону, как раз для таких случаев, как этот. Одна находится неподалеку, и, смею вас заверить, там куда уютнее, нежели в заведении, которое я недавно покинул.

— Пусть так, Холмс, но ведь вы, пусть и незаслуженно, нажили себе много врагов.

— Что верно, то верно. Зададим себе вопрос: что объединяет таких несхожих персонажей, как лорд Хорас Блекуотер, отпрыск одной из самых родовитых семей в Англии, доктор Томас Экленд, покровитель Вестминстерской больницы, и инспектор Гарриман, за плечами у которого пятнадцать лет беспорочной службы в лондонской полиции? Вот вопрос, который я ставлю перед вами в обстановке, никак не схожей с обстановкой в центральном уголовном суде. Что общего у этих трех человек? Для начала все они — мужчины. Все они богаты, с хорошими связями. Мой братец Майкрофт говорил о скандале — это как раз такие люди, которые могут от него пострадать. Кстати, насколько я понимаю, вы были в Уимблдоне?

Я не мог себе представить, как или от кого Холмс об этом услышал, но сейчас на такие подробности не было времени. Я просто подтвердил факт своей поездки в Уимблдон и вкратце рассказал Холмсу о связанных с ней обстоятельствах. Как мне показалось, его особенно взволновала новость о внезапном ухудшении здоровья Элизы Карстерс.

— Мы имеем дело с соперником исключительно коварным и жестоким, Ватсон. Чтобы добраться до сути, нужно копать очень глубоко, и нам с вами необходимо во всем разобраться — тогда мы нанесем Эдмунду Карстерсу еще один визит.

— Вы считаете, что между этими двумя делами есть связь? — спросил я. — Я не вижу, как события в Бостоне и даже убийство Килана О’Донахью в частной гостинице в Лондоне можно связать с жуткой историей, которая нас сейчас занимает.

— Вы не видите этой связи по простой причине: вам кажется, что Килан О’Донахью на том свете, — ответил Холмс. — Скоро мы кое-что о нем узнаем. Пока я был в Холлоуэе, мне удалось послать запрос в Белфаст...

— Вам разрешили послать телеграмму?

— Услуги почты мне не понадобились. Преступный мир передает сведения быстрее и дешевле, и к нему есть доступ у каждого, кто не поладил с законом. В моем крыле сидел фальшивомонетчик по имени Джекс, мы познакомились на прогулке в тюремном дворе, два дня назад его выпустили на свободу. Я передал ему свою просьбу, и, как только получу ответ, мы вместе едем в Уимблдон. Но пока что и вы не ответили на мой вопрос.

— Что связывает эту троицу? Ну, это очевидно: «Дом шелка».

— А что такое «Дом шелка»?

— Не знаю. Но, кажется, я могу вам сказать, где его найти.

— Ватсон, вы меня изумляете.

— А вы сами-то знаете, что это?

— Да, не так давно узнал. Но я с радостью выслушаю ваши выводы и как вы к ним пришли.

По счастью, листок с рекламным объявлением был при мне, я развернул его и показал Холмсу, заодно сообщив о недавней беседе с преподобным Чарлзом Фицсиммонсом.

— «Дом чудес доктора Шолкинса», — прочитал Холмс. Минуту он выглядел озадаченным, но вскоре его лицо прояснилось. — Ну конечно же. Это именно то, что мы ищем. Еще раз поздравляю вас, Ватсон. Пока я томился под стражей, вы занимались делом.

— Этот адрес вам о чем-то говорит?

— Джекдо-лейн? Не совсем. Но я уверен, там мы получим ответы на все интересующие нас вопросы. Сколько сейчас времени? Почти час дня. Думаю, в такое место лучше идти под покровом темноты. Вы согласитесь снова здесь встретиться часика эдак через четыре?

— С удовольствием, Холмс.

— Я знал, что на вас можно положиться. Не забудьте ваш боевой револьвер, Ватсон. Опасность подстерегает на каждом шагу, а ночь, боюсь, будет длинная.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гадалка

Бывают случаи, когда чувствуешь: долгое путешествие подошло к концу. Пункт назначения еще не виден, но что-то тебе подсказывает: вот сейчас повернешь за угол — и ты у цели. Примерно с таким ощущением я приближался к «Мешку с гвоздями» во второй раз, около пяти вечера, когда солнце уже закатилось и на город неумолимо опустилась леденящая душу тьма. Когда я вернулся домой, Мэри спала, и я не стал ее будить. Я стоял в своем домашнем кабинете, примерялся к револьверу, проверял, полна ли обойма, а сам думал: что придет в голову случайному наблюдателю, если он вдруг увидит, как вооружается respectable доктор, готовясь раскрыть заговор, следствием которого уже стали убийство, пытки, похищение и нарушение правосудия? Я опустил оружие в карман, надел теплое пальто и вышел.

Холмс больше не маскировался, если не считать головного убора и шарфа, которым он укутал всю нижнюю часть лица. Он заказал по бокалу бренди — зарядиться для встречи с непогодой. Я не удивился бы снегу, собственно, мое прибытие было ознаменовано легким снежным вихрем. Мы почти ничего не говорили друг другу, но помню, когда мы опустили бокалы, он взглянул на меня, и в его глазах я увидел так хорошо мне знакомые боевой задор и решимость. Стало ясно: он жаждет положить конец этой истории не меньше, чем я.

— Итак, Ватсон? — спросил он.

— Да, Холмс, — понял я его вопрос. — Я готов.

— Очень рад, что вы снова со мной.

Кеб повез нас в восточном направлении, мы сошли на Уайтчепел-роуд, а оставшееся расстояние до Джекдо-лейн прошли пешком. Летом передвижные ярмарки сплошь и рядом встречались в сельской местности, но как только погода портилась, они перебирались в город и славилась тем, что производили невообразимый шум допоздна. Не представляю, как местные жители вообще терпели «Дом чудес доктора Шолкинса», во всяком случае, я услышал его намного раньше, чем увидел, — ночную тьму пронзали звуки шарманки, барабанный бой и мужские крики. Джекдо-лейн оказался узким проходом между Уайтчепел-роуд и Коммершиэл-роуд, по обе стороны тянулись трехэтажные дома, главным образом магазины и склады, окна которых казались маленькими по сравнению с массивными фасадами. Где-то от середины переулка отходила аллея, и именно там расположился человек в сюртуке, старомодном галстуке с длинными концами и до крайности заношенном цилиндре, сидевшем на краю головы, как птица на жердочке — того и гляди взлетит. Борода, усы, заостренный нос и сверкавшие глаза рисовали в воображении образ второсортного Мефистофеля.

— Всего один пенс! — воскликнул он. — Заходите — не пожалеете. Вы увидите чудеса света, от негров до эскимосов, и это только начало. Заходите, господа! Вас приветствует «Дом чудес доктора Шолкинса»! Он поразит ваше воображение! Он приведет вас в восторг! Вы увидите такое, о чем не забудете никогда.

— Вы доктор Шолкинс? — спросил Холмс.

— Собственной персоной, сэр. Доктор Асмодеус Шолкинс, обитал в Индии и Конго. Я объездил весь мир, и со всем, что мне довелось испытать, вы познакомитесь всего за один пенс.

Рядом с ним стоял черный карлик в бушлате и брюках армейского покроя, он ритмично стучал в барабан и усиливал бой всякий раз, как звучало слово «пенс». Мы заплатили две монетки и были препровождены внутрь.

Ожидавшее нас зрелище немало меня удивило. Наверное, при безжалостном свете дня вся эта убогая мишура предстала бы во всем «великолепии», но ночной полумрак, взятый в кольцо медными горелками, делал картину слегка экзотичной, и, если особенно не присматриваться, можно было поверить, что ты перенесся в другой мир... может быть, в мир сказок.

Мы оказались в вымощенном булыжником дворе, а дома вокруг нас настолько обветшали, что, по сути, были открыты силам природы: расшатанные дверные косяки, легкомысленно вывалившиеся из кирпичной кладки лестничные пролеты. Некоторые входы были просто завешены малиновыми занавесями с рекламой развлечений, за которые надо дополнительно

заплатить полпенса или фартинг. Человек без шеи. Самая уродливая в мире женщина. Свинья с пятью лапами. Другие проемы были открыты. Тут можно было посмотреть на восковые фигуры и пресытиться ужасами, так хорошо мне известными благодаря общению с Холмсом. Потому что главной темой этого паноптикума было убийство. Там была даже Мэри Энн Николс с перерезанным горлом и вспоротым животом — именно в таком виде ее нашли неподалеку отсюда два года назад. До слуха донеслась ружейная стрельба. Внутри одного из домов разместился тир — я разглядел газовые горелки и ряд зеленых бутылок у дальней стены. Эти и прочие аттракционы располагались по внешнему периметру, а внутри самого двора стояли цыганские фургоны. Между ними были выстроены площадки для представлений, не прекращавшихся всю ночь. Близнецы откуда-то с Востока жонглировали дюжиной мячей, перебрасываясь ими так ловко, что напоминали машины. Негр в набедренной повязке вытащил из угольной печи раскаленную докрасна кочергу и лизнул ее. Женщина в необъятном тюрбане с перьями читала псалмы. Пожилой фокусник развлекал народ своими трюками. А народу было столько, что я и представить себе не мог — человек двести с лишним, — и все эти люди смеялись и аплодировали, бесцельно перемещаясь от одной диковинки к другой под надоедливый мотив шарманки. Я заметил женщину устрашающих размеров, а рядом с ней — настоящую крошку, которую легко можно было бы принять за ребенка, если бы не внешний облик человека в возрасте. Кто они были — зрительницы или участницы представления? Точно и не скажешь.

— Ну, что дальше? — обратился ко мне Холмс.

— Понятия не имею, — отозвался я.

— Вы все еще верите, что это «Дом шелка»?

— Не очень похоже. — Я вдруг осознал важность его слов. — Вы хотите сказать, что мы пришли не туда?

— Я с самого начала знал, что «Дом шелка» здесь ни при чем.

При всей моей сдержанности я не сумел скрыть возмущения.

— Знаете, Холмс, иногда вы испытываете мое терпение до предела. Если вам наперед было известно, что это не «Дом шелка», тогда какого дьявола мы здесь делаем?

— Потому что этого визита от нас ждали. Нас же сюда пригласили.

— Рекламный листок?

— Его должны были найти, Ватсон. А вы должны были его мне передать.

Я только покачал головой — что за таинственные ответы? Видимо, Холмс окончательно оправился после лишения тюрьмы Холлоуэй и стал самим собой — загадочным, сверх меры самоуверенным и абсолютно несносным. Но я был полон решимости доказать его неправоту. Имя «доктор Шолкинс» на рекламном листке и то, что его нашли под кроватью Росса, — разве это может быть совпадением? Если листок подсунили нарочно, почему именно туда? Я огляделся по сторонам, пытаюсь обнаружить что-то стоящее внимания, но в этом водовороте, в танцующем отблеске горящих факелов было практически невозможно зацепиться хоть за что-то вразумительное. Жонглеры стали перебрасываться мечами. Ружье в тире снова выстрелило, и одна из бутылок взорвалась, осыпав полку осколками. Фокусник воздел руку к небу, и в ней откуда ни возьмись появился букет шелковых цветов. Публика вокруг зааплодировала.

— Ну, в таком случае... — начал я.

Но в эту самую секунду я увидел нечто, от чего у меня перехватило дыхание. Конечно, это могло быть чистым совпадением и не означать ровным счетом ничего. Возможно, я попытался наполнить значение попавшую мне на глаза крошечную деталь — просто чтобы оправдать наше здесь пребывание. Короче говоря, я увидел гадалку. Она сидела на каком-то помосте перед крытой повозкой, а на столе были разложены инструменты ее ремесла: колода карт Таро, хрустальный шарик, серебряная пирамидка и несколько листов бумаги со странными письменами и рисунками. Она смотрела в мою сторону, и когда я встретился с ней взглядом, подняла руку в знак приветствия, а вокруг ее кисти — вот оно! — была завязана белая шелковая лента. Первой моей мыслью было предупредить Шерлока Холмса, но я тут же передумал. Для одного вечера я получил достаточную порцию насмешек. Поэтому без объяснений я оставил Холмса, неспешно пошел вперед, якобы движимый праздным любопытством, и поднялся на помост. Цыганка посмотрела на меня так, словно не просто ожидала, но и предвидела мой приход. Крупная, мужеподобная, с тяжелой челюстью, в серых глазах — скорбь.

— Предскажите мне судьбу, — попросил я.

— Садись, — пригласила она. Говорила она с акцентом, голос звучал угрюмо и недружелюбно. Напротив нее, при всей тесноте, было небольшое углубление для клиентов, куда я и опустился.

— Вы предсказываете будущее? — спросил я.

— За один пенс.

Я заплатил, она взяла мою руку и положила себе на ладонь — белая лента оказалась прямо передо мной. Гадалка вытянула высохший палец и начала водить им по линиям на моей ладони, словно пытаясь разглядеть их прикосновением.

— Доктор? — спросила она.

— Да.

— Женат. Счастливо. Детей нет.

— Угадала — три раза из трех.

— Недавно познал боль разлуки.

Что она имела в виду — краткосрочное пребывание жены в Камберуэлле или недолгое содержание под стражей Холмса? Ни о том ни о другом она знать не может. Я привык смотреть на вещи с долей скептицизма. В моем случае такой взгляд вполне понятен. В обществе Холмса мне довелось расследовать дела о семейном проклятии, гигантской крысе и вампире — и во всех трех случаях объяснение оказалось абсолютно рациональным. Поэтому я решил подождать — пусть цыганка раскроет мне источник своих познаний.

— Ты пришел сюда один? — спросила она.

— Нет, с товарищем.

— Тогда слушай внимательно. В доме у меня за спиной есть тир, видел?

— Видел.

— В комнате над ним найдешь ответы на все свои вопросы. Но шагай осторожно, доктор. Дом в ужасном состоянии, половицы прогнили. У тебя линия жизни длинная. Видишь? Но в ней есть слабые места. Вот эти трещинки... В тебя будто пускают стрелы и будут пускать еще. Смотри, чтобы одна из них не попала в цель...

— Спасибо.

Я убрал руку, будто выдернул из пламени. Я был уверен, что никакая это не гадалка, но что-то в ней повергло меня в трепет. Может быть, на меня подействовали темнота, метавшиеся вокруг алые тени или бесконечная какофония из звуков музыки и гама толпы? Но я вдруг инстинктивно почувствовал: не надо было сюда приходиться, здесь правят силы зла. Я вернулся к Холмсу и поделился своим маленьким приключением.

— Значит, теперь будем действовать по указанию гадалки? — отрывисто бросил он. — Что ж, Ватсон, других очевидных вариантов я не вижу. Надо довести дело до конца.

Мы прошли мимо человека с обезьянкой на плече, потом нам попался еще один, с обнаженным торсом, весь в грозных татуировках, которые оживали, когда он поигрывал мускулами. Перед нами был тир, наверх вела шаткая и кривая лестница. Раздалось несколько ружейных выстрелов. Это пытались счастья какие-то подмастерья, но они были в изрядном подпитии, и пули улетели в темноту, а бутылки остались нетронутыми. Холмс шел впереди. Мы осторожно ступали по лестнице, потому что казалось, будто деревянные ступени вот-вот рухнут. Прямо перед нами в стене зиял проход — возможно, тут когда-то была дверь, — за которым густела тьма. Я оглянулся и увидел цыганку, она сидела в своей повозке и зловеще наблюдала за нами. С кисти ее все еще свисала белая лента. Еще не добравшись до верха, я понял: мне устроили спектакль и подниматься сюда было ошибкой.

Но вот мы выбрались на верхний этаж. Когда-то здесь явно хранили кофе — характерный запах продолжал висеть в прокопченном воздухе. Этаж был пуст. Стены взялись гнилью. На всех поверхностях густым слоем лежала пыль. Под нами скрипели половицы. Мелодия шарманки едва доносилась и почти оборвалась, а гомон толпы вообще угас. Сияния ярмарочных факелов хватало, чтобы как-то осветить этаж, но свет был неровный, он постоянно двигался, и нас окружали какие-то кривые тени, и чем дальше мы шли, тем становилось темнее.

— Ватсон... — пробормотал Холмс, и по тону его голоса я понял, что он хочет сказать. Я достал револьвер и почувствовал себя увереннее, ощутив ладонью его вес и холодное прикосновение.

— Холмс, — сказал я. — Мы попусту тратим время. Здесь ничего нет.

— Но не так давно здесь был ребенок, — ответил он. Я перехватил его взгляд и в дальнем углу увидел две забытые игрушки — юлу и оловянного солдатика, который, хотя почти полностью выцвел, стоял по стойке «смирно». В этих игрушках было что-то бесконечно печальное. Неужели когда-то они принадлежали Россу? Неужели здесь было его предсмертное пристанище и эти игрушки — единственное воспоминание о детстве, которого у него никогда не было? Меня потянуло к ним словно магнитом, я еще дальше отошел от входа — чего от меня и ждали. Я слишком поздно заметил выступившего из ниши человека и не смог уклониться от просвистевшей по воздуху дубинки. Она ударила меня ниже локтя, боль белой вспышкой затмила глаза, и пальцы мои разжались. Револьвер упал на землю. Я нырнул за ним, но получил второй удар и потерял равновесие. В ту же секунду откуда-то из тьмы раздался голос другого человека.

— Не двигаться или застрелю обоих на месте.

Холмс оставил этот приказ без внимания. Он уже был рядом и помогал мне подняться.

— Ватсон, вы целы? Никогда не прощу себе, если получите серьезную травму.

— Ничего страшного. — Я вцепился в руку, стараясь нащупать перелом или трещину, и уже понял, что там максимум синяк. — Я не ранен.

— Труссы!

Навстречу нам, позволяя отсвету извне упасть на его лицо, вышел человек с редкими волосами, вздернутым носом и тяжелыми округлыми плечами. Это был Гендерсон, таможенник (по его собственным словам), заманивший Холмса в ловушку, в курильню опиума Крира. Он сказал нам тогда, что был наркоманом, и это, видимо, было одним из немногих правдивых мест в его рассказе, потому что, как и при нашей первой встрече, глаза его были налиты кровью, а по лицу растекалась болезненная бледность. В руке он держал револьвер. Его сообщник подобрал мое оружие и, шаркая ногами, продвинулся к нам, держа нас на мушке. Этого человека я видел впервые. Дородный, похожий на жабу, волосы коротко острижены, уши и губы вспухшие, какие бывают у боксера после неудачного боя. Дубинкой ему служила тяжелая трость, все еще свисавшая с его левой руки.

— Добрый вечер, Гендерсон, — ответил Холмс совершенно невозмутимым голосом. Можно было подумать, что он приветствует старого знакомого.

— Вы не удивлены моему появлению, господин Холмс?

— Наоборот, я его ожидал.

— А моего друга Брэтби помните?

Холмс кивнул и повернулся ко мне.

— Этот человек удерживал меня в «Местечке Крира», когда в меня вливали дурман, — объяснил он. — Я надеялся, что и он будет здесь.

После секундного колебания Гендерсон засмеялся. Он уже не прикидывался слабаком, как во время визита на Бейкер-стрит.

— Я вам не верю, господин Холмс. Уж больно легко вы берете наживку. Вы не нашли то, что искали, у Крира. Не нашли и здесь. Можно подумать, вы готовы мчаться, как на пожар, в любом указанном направлении.

— Каковы же ваши намерения?

— Думаю, они вам и так понятны. Мы хотели урезонить вас в тюрьме Холлоуэй — в конечном счете, останься вы там, для вас же было бы лучше. На сей раз мы будем действовать более прямолинейно. Мне приказано убить вас, пристрелить как собаку.

— В таком случае будьте так любезны удовлетворить мое любопытство и ответить на пару вопросов. Девочку в Блюгейт-Филдс убили вы?

— Представьте себе, я. У нее хватило ума вернуться в паб, где она работала раньше, поэтому мы легко ее поймали.

— А ее брат?

— Маленький Росс? Тоже наших рук дело. Прискорбно об этом вспоминать, господин Холмс, но он сам напросился. Парень зарвался, и мы обошлись с ним так, чтобы другим было неповадно.

— Большое спасибо. Все именно так, как я и думал.

Гендерсон снова засмеялся, но добродушия в его взгляде не было и в помине.

— Вы крепкий орешек, господин Холмс. И наверное, все это просчитали.

— Конечно.

- А когда эта старая плутовка послала вас сюда, вы догадались, что она подсадная утка?
- С гадалкой говорил мой друг, а не я. Полагаю, вы заплатили ей за предсказание?
- Такой позолоти ручку, дай хоть шесть пенсов — она сделает все, что нужно.
- В общем, эту ловушку я ждал.
- Давай заканчивать, — вдруг вмешался Брэтби.
- Погоди, Джейсон, еще не время.

На сей раз я и без Холмса догадался, чего мы ждали. Это было очевидно. Когда мы поднимались по лестнице, в тире было много народа и внизу непрерывно шла стрельба. Но сейчас оттуда не доносилось ни звука. И убийцы ждали, когда ружейная трескотня возобновится. На два выстрела наверху никто не обратит внимания. Убийство — это самое жуткое преступление, на какое способен человек, но хладнокровное и расчетливое двойное убийство показалось мне особенно злодейским. Я все еще сжимал свою руку. Она совершенно онемела, но я все-таки поднялся на ноги — я не приму смерть от этих убийц, стоя на коленях.

— Можете положить оружие на землю и сдаться прямо сейчас, — заявил Холмс. — Он был абсолютно спокоен — неужели с самого начала знал, что нам предстоит встреча с этими головорезами?

— Что?

— Сегодня обойдется без убийств. Тир закрыт. Ярмарка закончилась. Разве не слышите?

Я вдруг понял, что шарманка смолкла. Люди, видимо, разошлись. За пределами этой пустой и заброшенной комнаты царила тишина.

— И что с того?

— Я не поверил вам при нашей первой встрече, Гендерсон. Но тогда было важно клюнуть на вашу уловку — понять, что у вас на уме. Неужели вы решили, что я споткнусь на том же месте второй раз?

— Оружие на землю! — раздался грозный окрик. Следующие несколько секунд события развивались с невероятной быстротой, я даже не смог их осмыслить. Гендерсон выхватил револьвер, намереваясь выстрелить либо в меня, либо куда-то мимо меня. Это так и осталось тайной — нажать на спусковой крючок ему было не суждено. В ту же секунду загрели выстрелы, револьверные дула засверкали белыми вспышками — и Гендерсона буквально сшибло с ног, а из головы брызнул кровавый фонтан. Его помощник, известный как Брэтби, резко обернулся. Едва ли он собирался стрелять, но он был вооружен, и этого оказалось достаточно. Одна пуля ударила его в плечо, другая в грудь. Его отбросило назад, он вскрикнул, и мой револьвер вылетел из его руки. Трость загромычала по деревянным половицам и куда-то укатилась. Он был жив. Сопя и всхлипывая от боли и потрясения, он рухнул на землю. На миг наступила пауза, и тишина была не менее ужасающей, чем предшествовавшее ей насилие.

— Могли бы появиться и раньше, Лестрейд, — заметил Холмс.

— Мне хотелось услышать, что скажет этот негодяй, — ответил голос.

Я обернулся и увидел, что это действительно инспектор Лестрейд, а с ним — трое полицейских, они уже входили в комнату, собираясь осмотреть тех, в кого только что стреляли.

— Вы слышали, как он признался в убийствах?

— О да, господин Холмс. — Один из его людей подошел к Гендерсону, быстро его осмотрел и покачал головой. Я видел рану, и результат меня не удивил. — Боюсь, ему не придется предстать перед судом за свои преступления.

— Многие скажут, что за свои преступления он уже ответил.

— Все равно, я бы предпочел видеть его в суде, пусть в качестве свидетеля. Я ведь сильно рискую ради вас, господин Холмс, и сегодняшняя ночь мне еще может дорого обойтись.

— Вы получите очередное повышение, Лестрейд, и вам это прекрасно известно. — Холмс повернулся ко мне. — Как вы, Ватсон? Не ранены?

— Обезболивающая примочка плюс виски с содовой — и все будет в порядке, — ответил я. — Но скажите, Холмс, вы с самого начала знали, что это ловушка?

— Я очень сильно это подозревал. Чтобы безграмотный ребенок прятал у себя под матрасом сложенный рекламный листок? Как-то мне в это не верилось. Как сказал наш покойный друг Гендерсон, уж больно легко мы берем наживку. Я начинаю постигать методы нашего противника.

— В смысле?

— Чтобы найти меня, они использовали вас. На Холборнском виадуке за вами следили не полицейские. Это были люди нашего противника. Именно они подбросили вам якобы неопровержимую улику, надеясь, что вы все равно меня найдете и передадите листок мне.

— А как же название? «Дом чудес доктора Шолкинса»? Вы хотите сказать, что он тут ни при чем?

— Мой дорогой Ватсон! Шолкинс — не такая уж редкая фамилия. На Людгейт-серкус есть обувщик Шолкинс, в Баттерси — склад пиломатериалов Шолкинса. А еще вполне подойдет и Шолкман или какой-нибудь «Шелковый путь» — лишь бы мы поверили, что подбираемся к «Дому шелка». Им важно было куда-то меня выманить, чтобы избавиться раз и навсегда.

— А вы, Лестрейд? Как здесь оказались вы?

— Я здесь по просьбе господина Холмса, доктор Ватсон.

— Значит, вы верили в его невиновность!

— Ну, в этом я не сомневался с самого начала. А когда я вник в историю на Коппергейт-сквер, стало ясно, что там не сходятся концы с концами. Инспектор Гарриман сказал, что возвращался с Уайт-Хорс-роуд, где ограбили банк, но никакого ограбления там не было. Я посмотрел нашу книгу учета преступлений. Съездил в этот банк. И мне стало ясно: если Гарриман дал ложные показания в суде об ограблении банка, значит, он и перед другой ложью не остановится.

— Лестрейд пошел на риск, — вмешался Холмс. — Передать меня тюремным властям — такова была его первая реакция. Но мы хорошо знаем друг друга, хотя во многом не сходимся, часто вместе работали, и Лестрейд интуитивно почувствовал: обвинение против меня — ложное. Ведь так, Лестрейд?

— Похоже, что так, господин Холмс.

— А в душе он не меньше моего хочет положить конец этой истории и вывести подлинных преступников на чистую воду.

— Второй жив! — воскликнул один из полицейских. Пока мы с Холмсом разговаривали, полицейские осматривали двух головорезов.

Холмс подошел к лежавшему на полу Брэтби и опустил перед ним на колено.

— Вы слышите меня, Брэтби? — спросил он. Ответом была тишина, потом раздалось едва слышное завывание, будто плакал больной ребенок. — Мы ничем не можем вам помочь, но напоследок вы еще можете кое-что исправить, загладить вину перед встречей с Всевышним.

Брэтби тихонько зарыдал.

— Про «Дом шелка» мне известно все. Я знаю, что это. Знаю, где он находится... Собственно, вчера я там был, но меня встретила полная тишина. Когда там собирается народ? Спросить об этом мне не у кого, но без этих сведений не обойтись, если мы хотим положить конец этой истории раз и навсегда. Во имя спасения вашей души скажите: когда назначена следующая встреча?

Повисла долгая тишина. Во мне против воли поднялась волна жалости к этому человеку, хотя всего несколько минут назад он намеревался убить меня и Холмса, но он вот-вот испустит дух... Ведь перед лицом смерти все равны, и какое право мы имеем судить уходящего, когда ему предстоит высший суд?

— Сегодня, — сказал Брэтби. И умер.

Холмс выпрямился.

— Фортуна наконец-то взяла нашу сторону, Лестрейд, — сказал он. — Вы готовы сопроводить меня и дальше? И есть ли в вашем распоряжении хотя бы десять человек? Это должны быть люди решительные и стойкие, потому что забыть увиденное им будет непросто, — это я вам обещаю.

— Мы с вами, Холмс, — заверил его Лестрейд. — Будем действовать.

Оказалось, что мой револьвер у Холмса. Я не заметил, когда он его подобрал. Холмс снова вложил оружие мне в руку и внимательно посмотрел в глаза. Его немой вопрос был мне понятен. Я кивнул, и мы двинулись в путь.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дом шелка

Мы вернулись к предгорьям Хэмуорт-Хилла, в мужскую школу «Чорли Гранж». Куда еще могло нас привести наше расследование? Рекламный листок был обнаружен здесь: ясно, что кто-то положил его под матрац на койке Росса, понимая, что директор его найдет и передаст нам, а уж мы, соответственно, сами приплывем в сети, раскинутые для нас на зимней ярмарке доктора Шолкинса. Разумеется, нельзя было исключать, что Чарлз Фицсиммонс нам лгал и сам был участником сговора. Мне и сейчас трудно в это поверить, потому что он казался мне образцом нравственности: понимание своих обязанностей, забота о благополучии детей, уважительное отношение к жене, боль, с какой он встретил известие о смерти Росса. Трудно вообразить, что все это было ловким маскарадом, и я склонялся к мысли, что, если его и втянули в некий темный и зловещий замысел, это было сделано вопреки его воле либо он просто не знал, в чем замешан.

Лестрейд привез с собой десять человек в четырех отдельных экипажах. Эта вереница бесшумно поднималась по пологому холму, который, казалось, тянулся от самой северной окраины Лондона. Лестрейд снова был при револьвере, как Холмс и я, остальные его люди были не вооружены, и если нас ждало физическое противостояние, скорость и внезапность должны были сыграть главнейшую роль. Холмс подал сигнал, и экипажи остановились недалеко от нашей цели — не сама школа, как я полагал, а квадратное здание по другую сторону переулка, где когда-то строили кареты. Фицсиммонс сказал нам, что здесь устраивались музыкальные вечера, — видимо, он говорил правду, потому что у входа стояло несколько карет, а изнутри доносились звуки музыки.

Мы расположились в зарослях деревьев, где нас не было видно. Часы показывали половину девятого. Пошел снег, ночное небо извергало на землю крупные белые хлопья. Снежный покров сиял белизной; здесь, на уступе холма, было заметно холоднее, чем в городе. Боль от удара, полученного на ярмарке, постоянно напоминала о себе, она словно пульсировала в руке, да и старая рана давала о себе знать, наверное, в знак солидарности с новой... Неужели меня снова начнет лихорадить? Но я сказал себе: никакой слабости. Раз уж мы зашли так далеко, дело надо довести до конца. Холмс чего-то ждал, и я всей душой верил в правоту его суждений и готов был простоять здесь хоть до утра. Лестрейд, должно быть, понимал, что я не в лучшей форме, он толкнул меня в бок и передал серебряную плоскую фляжку. Я поднес ее к губам, отхлебнул глоток и вернул детективу. Он отер горлышко рукавом, тоже глотнул и убрал флягу в карман.

— Как будем действовать, господин Холмс? — спросил он.

— Чтобы поймать этих людей с поличным, Лестрейд, надо проникнуть туда без всякого шума.

— Мы ворвемся туда в разгар концерта?

— Это не концерт.

Я услышал перестук колес и обернулся — подъехал еще один четырехколесный экипаж, запряженный двумя ухоженными серыми кобылами. Кучер их подхлестывал, потому что подъем был крутой, земля под копытами раскисла и из-за слякоти колеса проскальзывали. Я взглянул на Холмса. В жизни не видел на его лице такого взгляда. Было в нем некое холодное удовлетворение, видимо, он понял, что оказался прав и наконец-то можно говорить об отмщении. Глаза его горели, под скулами резко обозначились темные линии — наверное, даже ангел смерти не будет выглядеть так угрожающе, когда моя с ним встреча наконец наступит.

— Видите, Ватсон? — прошептал Холмс.

Нас скрывали деревья, в то же время мы хорошо видели и здание школы, и тянувшийся в обе стороны переулок. Следуя за взглядом Холмса, в лунном свете я увидел знак, начертанный золотом на боку экипажа, — ворон и два ключа. Это был семейный герб лорда Рейвеншо, и я вспомнил самодовольного человека с налитыми кровью глазами, у которого похитили часы и которого мы навестили в Глостершире. И он тоже? Карета подъехала к дому и остановилась. Из нее вышел лорд Рейвеншо в черном плаще и цилиндре — узнать его, даже на некотором удалении, не составляло труда. Он подошел к входной двери и постучал. Ему открыли, и в желтом

свете, выплеснувшись наружу, я увидел: с руки его свисает нечто, похожее на длинную полоску бумаги. Конечно же, это была белая шелковая лента. Нового гостя пропустили в дом. Дверь за ним закрылась.

— Все так, как я и думал, — подытожил Холмс. — Ватсон, вы готовы составить мне компанию? Должен вас предупредить: то, что вы увидите по ту сторону двери, может сильно вас огорчить. События принимают весьма интересный оборот — я давно опасался, что тут возможно только одно объяснение. Что ж, делать нечего. Чему быть, того не миновать. Ваш револьвер заряжен? Всего один выстрел, Лестрейд. Он будет для вас и ваших людей сигналом — вперед!

— Будет сделано, господин Холмс.

Мы вышли из укрытия и пересекли дорогу, под ногами захрустел свежий, покрывший землю дюймовым слоем снежок. Перед нами громадой возвышался дом, окна плотно зашторены, наружу пробивался только прямоугольник мягкого света. Я все еще слышал звуки фортепьяно, но это уже не походило на официальный концерт — кто-то исполнял ирландскую балладу, какие можно услышать в пабе самого низкого пошиба. Мы прошли мимо карет, ожидавших своих хозяев, и подошли к входной двери. Холмс постучал. Дверь открыл молодой человек, которого я не видел во время моего последнего визита в школу, черные волосы аккуратно зачесаны назад, брови дугой, держался он надменно, но в то же время почтительно. Одет словно по-военному: короткая куртка, брюки-галифе, сапоги на застёжках. Сиреневый жилет и перчатки в тон.

— Да? — Дворецкий — если это был он — нас не узнал и потому смотрел с подозрением.

— Мы друзья лорда Хораса Блэкуотера, — объявил Холмс, чем здорово меня поразил: ведь так звали одного из его обвинителей в коронерском суде.

— Он прислал вас сюда?

— Он очень вас мне рекомендовал.

— Как вас зовут?

— Парсонс. А это мой коллега, господин Смит.

— А сэр Хорас дал вам какой-нибудь опознавательный знак? У нас не принято пускать незнакомцев в такое позднее время.

— Разумеется. Он просил передать вам это. — Холмс сунул руку в карман и достал кусочек белой шелковой ленты. Мгновение он подержал ее в воздухе, потом протянул молодому человеку.

Результат последовал незамедлительно. Дворецкий склонил голову, раскрыл дверь шире и сделал приглашающий жест рукой:

— Входите.

Мы оказались в вестибюле, и я едва не открыл рот от изумления: я помнил аскетичную и мрачноватую обстановку в школе по ту сторону переулочка и ожидал увидеть здесь что-то подобное. Но здешнее убранство отличалось от тамошнего, как небо от земли: я оказался среди изобилия, тепла и яркого света. Выложенный черно-белым кафелем коридор в голландском стиле вел куда-то вдаль, по дороге виднелись изящные столы из красного дерева с причудливыми завитушками и искривленными ножками, они стояли вдоль стен между дверьми. Газовый свет струился из богато украшенных фонарей, развернутых вверх, чтобы лучше освещать многочисленные сокровища, наполнявшие этот дом. На стенах в серебряных рамах висели изысканные зеркала в стиле рококо, а сами стены были оклеены богатыми тисненными обоями цвета пурпура с позолотой. Напротив друг друга в нишах стояли две мраморные древнеримские статуи — в музее они могли бы остаться незамеченными, но в частном жилище выглядели крайне неуместно. На всех столах, пилястрах, деревянных постаментах — цветы и растения в горшках, которые наполняли перегретый воздух тяжелым запахом. Откуда-то издали доносились звуки фортепьяно. Людей в поле зрения не было.

— Подождите здесь, господа, я доложу хозяину о вашем прибытии.

Дворецкий через дверь завел нас в гостиную, по роскоши не уступавшую коридору. Толстые ковры, диван и два кресла в темно-лиловой обивке, здесь же камин с тлеющими поленьями. На окнах тяжелые бархатные шторы и массивные ламбрекены, которые мы видели с улицы, стеклянная дверь — занавеси отодвинуты — вела в оранжерею, где рос папоротник и апельсиновые деревья, а в самом центре располагалась большая медная клетка с зеленым длиннохвостым попугаем. Вдоль одной стены тянулись книжные полки, вдоль другой — длинный

шкаф со всевозможными украшениями, от сине-белого дельфтского фаянса и фотографий в рамках до двух симпатичных чучел кошечек — они сидели в малюсеньких креслах, держа друг друга за лапки, как муж и жена. Рядом с камином стоял стол с бутылками и бокалами.

— Располагайтесь удобнее, — пригласил дворецкий. — Выпьете что-нибудь, господа? — Мы дружно отказались. — Тогда, пожалуйста, побудьте здесь, я скоро вернусь.

Он вышел из комнаты, бесшумно ступая по ковру, дверь за ним закрылась. Мы остались одни.

— Боже правый, Холмс! — воскликнул я. — Куда мы попали?

— Это и есть «Дом шелка», — сурово ответил он.

— Да, но что...

Холмс поднял руку. Он подошел к двери и прислушался. Удостоверившись, что за ней никого нет, он осторожно ее открыл и знаком подозвал меня.

— Нам предстоит серьезное испытание, — прошептал он. — Мне отчасти жаль, что я привел вас сюда, мой добрый друг. Но это дело надо довести до конца.

Мы выскользнули за дверь. Дворецкого не было, но музыка продолжала звучать, на сей раз играли вальс, и я заметил, что инструмент слегка расстроен. Мы прошли дальше по коридору в глубь здания, удаляясь от входной двери. Где-то над нами раздался короткий вскрик, и сердце мое замерло — это явно кричал ребенок. Натужно тикавшие настенные часы показывали без десяти девять, но мы находились в замкнутом пространстве, отрезанные от окружающего мира, и время словно перестало иметь значение. Мы подошли к лестнице и начали по ней подниматься. Но едва сделали пару шагов, как дверь где-то открылась, и я услышал мужской голос, как мне показалось, знакомый. Это был хозяин дома. Он шел встречать нас.

Мы быстро свернули за угол и увидели, как мимо нас внизу прошли два человека — впустивший нас дворецкий и кто-то еще.

— Вперед, Ватсон, — шепнул Холмс.

Мы оказались во втором коридоре, здесь газовые фонари светили вниз. Он был украшен обоями в цветочек, с каждой стороны несколько дверей, картины маслом в тяжелых рамах — безвкусные имитации классических полотен. В воздухе стоял сладковатый и неприятный аромат. Истина еще не полностью открылась мне, но все во мне протестовало, гнало уйти отсюда, противилось тому, что я вообще попал сюда.

— Надо выбрать дверь, — пробормотал Холмс. — Но какую?

Двери были похожи одна на другую, без указателей, без табличек — полированная дубовая поверхность и ручки из белого фарфора. Холмс выбрал ближайшую и открыл ее. Вместе мы заглянули внутрь. На покрытом ковриком деревянном полу, в окружении свечей, зеркала, кувшина и таза сидел неизвестный нам бородатый мужчина в одной распахнутой у ворота белой рубашке, а на кровати у него за спиной сидел мальчик. Этого не могло быть. Всеми фибрами души я противился увиденному. Но как откажешь в доверии собственным глазам? Так вот в чем заключалась тайна «Дома шелка»! Это был бордель, ни больше ни меньше. Только предназначался он для извращенцев, достаточно богатых, чтобы потворствовать своему ужасному пороку. У этих людей была предрасположенность к мальчикам, и их несчастные жертвы были школьниками, которых я видел в «Чорли Гранж»! Мальчишек выдергивали прямо с лондонских улиц, потому что у них не было семей либо друзей, готовых о них позаботиться, не было денег и пропитания, а для общества, которое старалось их не замечать, они были эдакой свербящей занозой. Вести аморальную жизнь их заставили силой либо подкупом, а кто не соглашался, тому угрожали пытками или самой смертью. Какое-то время среди них был и Росс. Неудивительно, что он сбежал. Неудивительно, что его сестра пырнула меня ножом, решив, что я пришел за сбежавшим братом. Что же это была за страна, где я жил, по сути предавшая своих детей? Дети могли заболеть. Они голодали. С ними происходило что-то совсем ужасное. Но никому не было до них дела. Все эти мысли пронеслись у меня в голове за несколько секунд. Тут бородач нас заметил.

— Какого дьявола вам здесь надо? — взревел он.

Холмс закрыл дверь. В этот миг снизу раздался крик — это хозяин дома вошел в гостиную и увидел, что нас там нет. Фортепьяно смолкло. Не успел я подумать, что нам делать дальше, как решение явилось само собой. Дальше по коридору открылась еще одна дверь, и оттуда вышел

человек. Он был одет, хотя одежда его была в беспорядке, рубашка сзади торчала из брюк. Его я узнал с одного взгляда. Это был инспектор Гарриман. Он увидел нас.

— Вы! — воскликнул он.

Он стоял прямо перед нами. Не трата время на размышления, я достал револьвер и выстрелил — дать сигнал Лестрейду и его людям, готовым броситься нам на помощь. Но выстрелил я не в воздух, как можно было ожидать. Я навел револьвер на Гарримана и нажал на спуск с самым смертоносным намерением, какого у меня ни до, ни после этого случая не возникало. Единственный раз в жизни я испытал жгучее желание убить человека. Но моя пуля не попала в цель. В последнюю секунду Холмс увидел, что я собираюсь сделать, что-то крикнул, и рука его метнулась к моему револьверу. Этого оказалось достаточно, чтобы сбить мой прицел. Шальная пуля разбила газовый фонарь. Гарриман пригнулся и побежал прочь, слетел по второй лестнице вниз и скрылся из глаз. Тут же здание словно проснулось — мой выстрел был услышан. Стали распахиваться другие двери, и в коридор выныривали мужчины среднего возраста. Они озирались по сторонам, охваченные паникой, — казалось, они давно ждали, что рано или поздно их грехи из тайных станут явными, и мгновенно поняли: эта минута наступила. Внизу затрещало дерево, послышались крики — это люди Лестрейда взломали парадную дверь. До меня донесся его голос, дающий команды. Раздался второй выстрел. Кто-то закричал.

Холмс уже рвался вперед, расталкивая всех, кто попадался на пути, — он преследовал Гарримана. Тот явно понял, что его карта бита, и решил спастись бегством. Но как отсюда убежишь? Лестрейд уже в здании. Кругом его люди. Тем не менее Холмс опасался именно этого, потому что он уже добежал до лестницы и поспешил вниз. Я последовал за ним, вместе мы оказались в коридоре первого этажа, выложенном черно-белой плиткой. Здесь царил хаос. Парадная дверь была распахнута, по коридорам гулял ледяной ветер, заставляя колыхаться пламя газовых фонарей. Люди Лестрейда уже взялись за дело. Лорд Рейвеншо, под черным плащом которого оказался бархатный домашний жакет, выбежал из комнаты, держа в руке сигару. Его тут же перехватил полицейский и прижал к стене.

— Руки прочь! — воскликнул лорд. — Вы не знаете, кто я такой?

До него еще не дошло, что о том, кто он такой, скоро узнает вся страна и сам он и его имя будут опорочены. Других клиентов «Дома шелка» уже брали под арест, они стояли потупившись, полностью утратив честь и достоинство, многие плакали от жалости к себе. Дворецкий ссутулившись сидел на полу, из носа текла кровь. Я увидел Роберта Вика, преподавателя, выпускника Баллиольского колледжа, — его вытаскивали из комнаты, заломив руку за спину. Дверь в заднем торце здания была открыта и вела в сад. Перед ней лежал один из людей Лестрейда, из раны на груди сочилась кровь. Лестрейд пытался ему помочь, при виде Холмса он поднял голову — лицо его пылало от гнева.

— Это Гарриман! — воскликнул он. — Выстрелил, когда спускался по лестнице.

— Где он?

— Сбежал!

Лестрейд показал на распахнутую дверь.

Без лишних слов Холмс ринулся в погоню. Я последовал за ним, отчасти потому, что мое место всегда было рядом с ним, но была и другая причина: при окончательном сведении счетов я хотел присутствовать лично. Возможно, Гарриман был просто нанят «Домом шелка», но внес в эту историю очень весомый вклад: он взял Холмса под стражу по ложному обвинению и дал молчаливое согласие на его убийство. Я бы застрелил его без всякого сожаления. Жаль, что промахнулся.

И вот нас снова окружает тьма и снежный вихрь. Мы пробежали по дорожке вдоль дома. Ночь перемешала черное с белым, я с трудом различал здания на другой стороне переулка. Тут хлестнул кнут, заржала лошадь — и один из экипажей рванул вперед, по направлению к воротам. Кто держал поводья, сомнений не было. С тяжелым сердцем и горьким привкусом во рту я понял: Гарриману удалось бежать и нам придется ждать, надеясь, что в ближайшее время его найдут и арестуют. Но Холмса это не устраивало. Гарриман уносился в четырехколесном экипаже, запряженном двумя лошадьми. Выбирать Холмсу было некогда, он схватил то, что оказалось под рукой — хлипкую повозку всего с одной лошадью, к тому же с виду хворой. Я вскарабкался в повозку сзади — и мы пустились в погоню, не обращая внимания на крики кучера, который курил

неподалеку и увидел нас, когда было уже поздно. Мы вылетели за ворота, круто свернули в переулок. Лошадка, подстегиваемая Холмсом, проявила куда больше боевого духа, чем мы от нее ожидали, и маленькая повозка буквально летела по заснеженной поверхности земли. Да, у нас было на одну лошадь меньше, чем у Гарримана, но наш транспорт был легче и маневреннее. Я словно сидел на высоком насесте, во что-то вцепившись — как-никак, жизнь дорога, — и думал: если вывалюсь, сверну себе шею. Это была не лучшая ночь для погони. Ветер настойчиво швырял в лицо горсти снега. Не представляю, как Холмс вообще разбирал дорогу, — я несколько раз пытался всмотреться в темноту, но порывы ветра тут же меня ослепляли, а щеки уже онемели от холода. Но ярдах в пятидесяти от нас, не больше, был Гарриман. Я слышал, как он яростно бранился, как свистел его кнут. Холмс сидел передо мной, подавшись вперед и вцепившись в поводья двумя руками — держать равновесие ему помогли только ноги. На каждой выбоине он легко мог вылететь из повозки. При малейшем повороте нас заносило, и мы начинали скользить по обледеневшей дороге. А выдержат ли такую тряску оси? Мысленным взором я уже видел неминуемую катастрофу — наш жеребец увлечен погоней, в итоге мы разбиваемся вдребезги. Холмс был крутой, мы словно опускались куда-то в пучину — вокруг нас кружился снег, ветер затягивал в воронку.

Сорок ярдов, тридцать... Нам каким-то чудесным образом удавалось сократить разрыв. Впереди гроыхали копыта двух других лошадей, колеса кареты бешено вращались, вся конструкция гремела, тряслась и, казалось, была готова разлететься на части в любую секунду. Гарриман видел, что мы его преследуем. Он оглянулся, волосы белым ореолом разметались вокруг его головы. Он что-то достал. Что именно, я понял слишком поздно. Мелькнула красная вспышка, и раздался выстрел, почти неслышный в общей какофонии погони. Пуля расщепила дерево. Она пролетела мимо Холмса на расстоянии в несколько дюймов, а меня едва не задела. Чем ближе мы были к Гарриману, тем более легкой мишенью становились. Но мы упорно неслись вниз.

Вдалеке показались огни то ли деревни, то ли городской окраины. Гарриман выстрелил еще раз. Наша лошадь заржала, споткнулась. Повозка взлетела в воздух, потом с грохотом ударилась о землю... Все мои позвонки задребезжали, в плече вспыхнула резкая боль. К счастью, нашу лошадь не убило, а только ранило, и, вполне возможно, смертельная опасность лишь придавала ей решимости. Холмс что-то кричал, но слов я не слышал. Тридцать ярдов, двадцать. Еще несколько секунд — и мы его нагоним!

Вдруг Холмс натянул поводья, и впереди я увидел крутой поворот — дорога резко уходила влево, и было ясно, что на такой скорости мы в поворот не впишемся и встречи с Всевышним не избежать. Нас занесло, повозка скользила по поверхности, изрыгая из-под колес ледяную слякоть. Сейчас меня выбросит! Я крепче вцепился в повозку, борясь с порывами ветра, весь мир превратился в одно расплывчатое пятно. Впереди что-то хрустнуло — это была не третья пуля, это трещало дерево. Я открыл глаза и увидел — карета Гарримана вошла в поворот на слишком большой скорости. Она зависла на одном колесе, деревянная рама испытала немыслимую перегрузку — и развалилась у меня на глазах. Гарримана выкинуло с сиденья, он взлетел, продолжая по инерции держать поводья... На секунду он словно застыл в пространстве. Потом вся карета завалилась набок, и Гарриман скрылся из вида. Лошади продолжали скакать, но уже отдельно от экипажа... их поглотила тьма. Карета заскользила, завертелась и наконец остановилась прямо перед нами, и секунду мне казалось, что сейчас мы в нее врежемся. Но Холмс умело держал поводья. Он направил нашу лошадку в объезд препятствия, а потом и остановил.

Лошадь тяжело дышала — бок ее был обгажен кровью. Все мои кости словно вышли из сочленений. Пальто на мне не было, я дрожал от холода.

— Ну, Ватсон, — проскрипел Холмс, стараясь восстановить дыхание. — Как считаете, в кучеры я гожусь?

— Может и годитесь, — откликнулся я. — Но на большие чаевые рассчитывать не стоит.

— Идемте глянем, можно ли что-то сделать для Гарримана.

Мы слезли с повозки, но с одного взгляда поняли — преследование во всех отношениях завершено. Гарриман был залит кровью. Он сломал шею и лежал в неуклюжей позе, прижав ладони к земле, глаза безучастно смотрели в небо, а лицо исказила жуткая гримаса боли. Холмс посмотрел на него и кивнул головой.

- Что ж, он получил по заслугам, — заключил он.
- Он был плохим человеком, Холмс. Все эти люди несут в мир зло.
- Очень лаконичное обобщение, Ватсон. Вам по силам вернуться в «Чорли Гранж»?
- Эти дети, Холмс. Несчастливые дети.
- Да. Надеюсь, Лестрейд действует должным образом. Посмотрим, что можно сделать.

Нашу лошадь трясло от ярости и возмущения, из ноздрей валил пар. Нам с трудом удалось ее развернуть и направить вверх по холму.

Восхождение оказалось медленным. Удивительно, как много мы проехали. Дорога вниз заняла несколько минут. На путь назад ушло около получаса. Но снежная буря улеглась, ветер стих. Я был рад, что можно собраться с мыслями, побыть вдвоем с другом.

— Холмс, — заговорил я. — Когда вы впервые все поняли?

— Насчет «Дома шелка»? Наш первый визит в «Чорли Гранж» посеял в моей душе подозрения. Что-то не стыковалось. Фицсиммонс и его жена блестяще сыграли свои партии, но вспомните, как он рассердился, когда мальчик — блондин Дэниел — сказал нам, что у Росса была сестра, которая работала в «Мешке с гвоздями». Свое негодование Фицсиммонс искусно замаскировал. Якобы эти сведения нужно было передать нам раньше. На самом деле он разгневался потому, что нам вообще что-то сказали. Меня также озадачило здание напротив школы. Я сразу же увидел, что колея разъезжена, туда подъезжало много разных экипажей, включая кареты и ландо. С чего это владельцы дорогих экипажей будут приезжать на концерты никому не известных сирот? Логика в этом не было.

— Но вы тогда не поняли...

— Тогда нет. Я получил серьезный урок, Ватсон, который запомню на будущее. Сыщик, который расследует преступление, иногда должен давать волю фантазии и допускать немислимое, влезать в шкуру преступника. Но есть пределы, ниже которых цивилизованный человек не позволяет себе опуститься. Это наш с вами случай. Я не мог представить, что Фицсиммонс и его помощники могут быть замешаны в этой истории, по одной простой причине: эта мысль была мне противна. Нравится мне это или нет, но в будущем придется быть менее щепетильным. Только когда мы нашли тело несчастного Росса, я понял: мы наткнулись на нечто такое, с чем прежде встречаться не доводилось. Дело даже не в жестокости нанесенных увечий. Белая лента на его кисти — вот что меня поразило! Ведь ее повязали, когда мальчик уже был мертв! Поступить так мог только человек с начисто растленной душой. Такой не остановится ни перед чем.

— Белая лента...

— Вы сами видели: это знак, по которому эти люди узнают друг друга, он позволяет им попасть в «Дом шелка». Но тут была и другая цель. Ленту вокруг кисти Росса эти изверги завязали для того, чтобы другим было непозвально. Они знали: об этой истории напишут в газетах, соответственно лента будет предупреждением для других — вот что будет с каждым, кто встанет у нас на пути.

— А название, Холмс, «Дом шелка» — из-за ленты?

— Это не единственная причина, Ватсон. Боюсь, что ответ был перед нашими глазами с самого начала, хотя, пожалуй, это очевидно, если смотреть в прошлое из настоящего. Помните, как называлась благотворительная организация, которая якобы давала средства школе Фицсиммонса? Школьное общество лондонских кварталов. Думаю, мы занимались поисками «Дома ШОЛКа», а не шелка. Во всяком случае, название наверняка происходит отсюда. Возможно, и сама благотворительная организация создана для этих извращенцев. Она дала им механизм для поиска детей и прикрытие для того, чтобы этих детей эксплуатировать.

Мы добрались до школы. Холмс с извинениями вернул повозку кучеру. У дверей нас ждал Лестрейд.

- Что с Гарриманом? — спросил он.
- Умер. Его экипаж перевернулся.
- Не могу сказать, что мне его очень жаль.
- Как раненый?

— Рана тяжелая, господин Холмс. Но жить он будет. Мне не хотелось входить в это здание вторично, но мы проследовали за Лестрейдом. Полицейского, в которого выстрелил Гарриман,

укрыли одеялом; фортепьяно, разумеется, молчало. В остальном «Дом шелка» выглядел точно так же, как и при нашем первом появлении здесь. Повторяю, входить сюда снова было противно всему моему существу, но я понимал — выяснено еще не все.

— Я послал за подкреплением, — сказал нам Лестрейд. — Грязная история, что и говорить, господин Холмс. Чтобы с этим разобраться, нужен кто-то повыше меня чином. Детей отослали обратно в школу по ту сторону переулочка, два моих человека приглядывают там за порядком — ведь все тамошние учителя в этой истории замешаны, и пришлось всех их арестовать. Двоих — Вика и Воспера — вы, я думаю, встречали раньше.

— А Фицсиммонс и его жена? — спросил я.

— Они в гостиной, вскоре мы с ними увидимся, но прежде хочу вам что-то показать — надеюсь, у вас достанет духа это перевернуть.

Неужели «Дом шелка» не раскрыл нам всех своих секретов? Пока мы поднимались за Лестрейдом наверх, он не прекращал своего рассказа.

— Мы задержали девять человек. Как их назовешь? Клиенты? Заказчики? В их числе лорд Рейвеншо и еще один ваш знакомый, некий доктор по фамилии Экленд. Понятно, почему он с такой готовностью дал против вас ложные показания.

— А лорд Хорас Блэкуотер? — спросил Холмс.

— Сегодня его не было, господин Холмс, но мы наверняка скоро выясним: он здесь частый гость. Идемте сюда. Я покажу, что мы нашли, и посмотрим, разберетесь ли вы, что там к чему.

Мы прошли по коридору, в котором ранее наткнулись на Гарримана. Все двери были открыты, взору представляли с роскошью обставленные спальни. Мне было до омерзения противно заходить в них, но я все-таки вошел в одну следом за Холмсом и Лестрейдом — она была задрапирована голубым шелком, я увидел чугунную кровать, низкий диван, за дверью находилась ванная с водопроводом. У противоположной стены стоял невысокий трельяж, а на нем — стеклянный куб, заполненный камнями и высохшими цветами: какая-то ландшафтная миниатюра, видимо, собственность натуралиста или коллекционера.

— Когда мы вошли в эту комнату, здесь никого не было, — пояснил Лестрейд. — Мои люди пошли дальше по коридору, но за следующей дверью оказалась скромная кладовая, и они заглянули туда по чистой случайности. А теперь смотрите. Вот что мы нашли.

Он указал на стеклянный куб, и сначала я не понял, куда именно мы смотрим. Но потом в стене увидел небольшое отверстие, скрытое стеклом и почти не видимое.

— Окошко! — воскликнул я. И тут до меня дошло. — За всем, что тут происходило, можно наблюдать извне!

— Не просто наблюдать, — мрачно пробормотал Лестрейд.

Он вывел нас в коридор и распахнул дверь в кладовую. Там ничего не было, если не считать стоявшего на столе короба из красного дерева. Опять-таки сначала я не разобрался, что передо мной, но Лестрейд расстегнул короб, который раскрылся подобно концертине, — это была фотокамера, а объектив на конце подвижной трубы был прижат к другой стороне отверстия, которое мы только что видели!

— Фотопластинка «Ле Мервейе», производство «Ланкастер и сын из Бирмингема», если не ошибаюсь, — заметил Холмс.

— Их мучили еще и этим? — спросил Лестрейд. — Заставляли регистрировать все, что здесь происходило?

— Едва ли, — возразил Холмс. — Но теперь понятно, почему моего брата Майкрофта приняли так враждебно, когда он начал наводить справки, понятно, почему он не мог мне помочь. Фицсиммонс внизу?

— Вместе с женой.

— Похоже, пора подводить итоги.

В гостиной все еще горел огонь, в комнате было тепло и уютно. Преподобный Чарлз Фицсиммонс сидел на диване с женой, религиозный наряд он, к моей радости, сменил на черный галстук и смокинг. Мысль о его принадлежности к церкви была мне противна. Госпожа Фицсиммонс сидела распрямив спину, совершенно погрузившись в себя, и не желала встречаться с нами взглядом. В ходе последующей беседы она не произнесла ни слова.

Холмс сел напротив. Я занял место у камина, спиной к огню. Лестрейд остался стоять у двери.

— Господин Холмс! — Казалось, Фицсиммонс приятно удивлен встрече. — Что ж, сэр, я должен вас поздравить. Вы доказали, что ваши возможности поистине невероятны, как, собственно, мне и говорили. Вам удалось выскользнуть из первой ловушки, которую мы для вас расставили. Вы сбежали из тюрьмы Холлоуэй, что само по себе выдающееся достижение. А поскольку Гендерсон и Брэтби до сих пор не вернулись, надо полагать, вы взяли над ними верх на Джекдо-лейн и оба они арестованы?

— Они оба мертвы, — уточнил Холмс.

— Их бы все равно повесили, так что разница невелика.

— Вы готовы ответить на мои вопросы?

— Разумеется. Не вижу причины что-то скрывать. Я не стыжусь того, что происходило в стенах школы «Чорли Гранж». Некоторые полицейские обошлись с нами довольно грубо... — Тут он обратился к стоявшему у стены Лестрейду. — Можете не сомневаться, я подам официальную жалобу. Но правда заключается в том, что мы предлагали услуги, в каких определенная группа людей нуждалась на протяжении многих столетий. Полагаю, вы знакомы с жизнью древних цивилизаций в Греции, Древнем Риме и Персии? Культ Ганимеда всегда был в почете, сэр. Или у вас вызывают отвращение работы Микеланджело, сонеты Шекспира? Впрочем, не сомневаюсь, что вы не нуждаетесь в обмене мнениями на эту тему. Вы одержали победу, господин Холмс. Что именно вас интересует?

— «Дом шелка» — это была ваша идея?

— Целиком и полностью. Хочу вас заверить: Школьное общество лондонских кварталов и семья нашего благотворителя, сэра Криспина Огилви, который, как я говорил вам, заплатил за покупку «Чорли Гранж», не имеют ни малейшего понятия о том, чем мы занимались, и наверняка ужаснутся не меньше, чем вы. Мне нет нужды их защищать. Я просто говорю правду.

— Приказ убить Росса отдали вы?

— Должен признаться, что да. Не могу сказать, что я этим горжусь, господин Холмс, но это было необходимо — ради собственной безопасности и чтобы не прерывать работу нашего предприятия. Я вовсе не признаюсь в убийстве как таковом. Непосредственными исполнителями были Гендерсон и Брэтби. Следует также добавить, что воспринимать Росса как невинного ангелочка, который сбился с пути истинного, — это заблуждение. Госпожа Фицсиммонс права: он был злобный упрямец и сам навлек на себя такую кончину.

— Как я понимаю, некоторых ваших клиентов вы фотографировали?

— Вы были в голубой комнате?

— Да.

— Время от времени такая необходимость возникала.

— С целью шантажа?

— Только иногда и только когда это совершенно необходимо. Вы не удивитесь, если я скажу, что «Дом шелка» дает мне неплохой заработок и особой нужды в поиске других источников дохода просто нет. Так что причина, господин Холмс, тут другая — самозащита. Как, по-вашему, мне удалось убедить доктора Экленда и лорда Хораса Блэкуотера дать показания в открытом суде? Ими двигал инстинкт самосохранения. По этой же причине меня и мою жену в Англии никогда не предадут суду. В нашем распоряжении очень много чужих тайн, и многие из тех, кого эти тайны касаются, занимают очень высокое положение в обществе. Наши улики надежно спрятаны. Господа, которых вы сегодня здесь застали, лишь малая часть моих благодарных клиентов. Среди наших гостей министры, судьи, законодатели и лорды. Мало того, в круг наших частых посетителей входит член одной из самых родовитых семей в стране, но он, естественно, полагается на мою деликатность, как и я в случае надобности полагаюсь на его защиту. Понимаете, куда я клоню, господин Холмс? Мои клиенты никогда не допустят, чтобы это дело получило огласку. Через полгода я и моя жена будем на свободе и постепенно займемся этой деятельностью снова. Возможно, есть смысл обратить взор на континент. Мне всегда был симпатичен юг Франции. Не знаю, где и когда именно, но не сомневайтесь — «Дом шелка» возродится. Даю вам слово.

Холмс ничего не сказал в ответ. Он поднялся, и мы вышли из комнаты. В тот вечер имя Фицсиммонса он больше не упоминал, да и на следующее утро не счел нужным обсуждать эту

тему. Впрочем, утром нас ждала развязка — эта история, как известно, началась в Уимблдоне, и именно там ей суждено было завершиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Килан О'Донахью

Шедший всю ночь снег придавал Риджуэй-холлу пугающий облик, усилив его симметричность и словно выведя за пределы времени. Поместье показалось мне величавым и в ходе двух прежних визитов, но когда я приближался к нему в последний раз в обществе Шерлока Холмса, оно выглядело столь же безупречно, как миниатюрные домики за витриной магазина игрушек. И вспарывать белизну подъездной дорожки колесами нашего экипажа казалось чистым вандализмом.

Дело было на следующий день, и, будь моя воля, я бы отложил этот визит как минимум еще на сутки — прошлая ночь меня совершенно изнурила, левая рука в месте удара отдавалась такой болью, что я с трудом сжимал пальцы. Ночь выдалась скверная, я пытался заснуть и освободиться от всего, что видел в «Чорли Гранж», но безуспешно — события были чересчур свежи в памяти. Я вышел к завтраку и даже слегка позавидовал тому, как выглядит Холмс: он был свеж, энергичен и приветствовал меня в своей обычной манере, кратко и четко, словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. На визите в Уимблдон настоял именно он — послал телеграмму Эдмунду Карстерсу еще до того, как я проснулся. Я помнил о нашей встрече в «Мешке с гвоздями», когда рассказал Холмсу о событиях в этой семье, в частности о состоянии здоровья Элизы Карстерс. Ее внезапная болезнь тогда его обеспокоила, да и сейчас он был явно этим встревожен. Он сказал, что должен встретиться с ней лично, хотя я не мог себе представить, что именно он может для нее сделать, — ведь помочь ей не смог ни я, ни другие доктора.

Мы постучали в дверь. Нам открыл Патрик, ирландец, которого я видел на кухне. Он тупо уставился на Холмса, потом на меня.

— А-а, это вы, — буркнул он сердито. — Вот уж не думал, что вы снова тут появитесь.

Не помню, чтобы на пороге дома меня встречали так недружелюбно, но Холмса эта наглость, кажется, позабавила.

— Хозяин дома? — спросил он.

— Что ему сказать, кто спрашивает?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Нас ждут. А вы кто такой?

— Я Патрик.

— По акценту дублинец, если не ошибаюсь.

— А вам-то что?

— Патрик? Кто там? Почему Кирби не на месте? — В вестибюле появился Эдмунд Карстерс, он выступил вперед, явно взволнованный. — Извините, господин Холмс. Кирби, наверное, наверху, у сестры. Я не думал, что дверь вам откроет посудомойщик. Ты свободен, Патрик. Иди к себе.

Карстерс, как всегда, когда я его видел, был одет безупречно, но дни беспокойства и тревоги наложили явный отпечаток на его лицо, мне показалось, что этой ночью он, как и я, спал не очень хорошо.

— Вы получили мою телеграмму, — сказал Холмс.

— Да. Но, видимо, вы не получили мою. Там я внятно написал — и уже говорил об этом доктору Ватсону, — что в ваших услугах больше не нуждаюсь. Мне неприятно об этом говорить, но моей семье вы не оказались полезны, господин Холмс. Мне также известно, что вы были арестованы и вступили в серьезный конфликт с законом.

— Этот конфликт уже разрешен. Что касается вашей телеграммы, господин Карстерс, я ее получил и с интересом прочитал то, что вы в ней написали.

— И все равно приехали?

— Вы впервые обратились ко мне, потому что вам угрожал человек в кепке, как вы считали, Килан О'Донахью из Бостона. Хочу сказать вам, что сейчас я располагаю фактами по этому делу, которыми буду рад с вами поделиться. Мне также известно, кто совершил убийство в гостинице. Вы можете и дальше убеждать себя в том, что все это уже не важно, но в таком случае я обязан

сказать вам следующее. Если своей сестре вы желаете смерти, можете выставить меня за дверь. Если нет, вы пригласите меня в дом и выслушаете.

Карстерс заколебался, мне показалось, что в нем борются каких-то два начала, что он по непонятной причине даже побаивается нас, но здравый смысл в нем возобладал.

— Проходите, — сказал он. — Позвольте взять ваши пальто. Не знаю, чем занят Кирби. Иногда мне кажется, что в нашем хозяйстве царит полная неразбериха.

Мы сняли верхнюю одежду, и он жестом пригласил нас в гостиную, где мы беседовали с ним в первый раз.

— Если позволите, прежде чем начать разговор, я бы хотел повидать вашу сестру, — попросил Холмс.

— Моя сестра уже не способна ни с кем видаться. Ей отказало зрение. Она едва говорит.

— В разговоре надобности не будет. Я просто хочу взглянуть на ее комнату. Элиза все еще отказывается есть?

— Это уже не вопрос отказа. Есть твердую пищу она просто не может. Я изредка уговариваю ее выпить теплый суп.

— Она все еще считает, что ее травят.

— Мне кажется, это неразумное убеждение и является главной причиной ее болезни. Я говорил вашему коллеге, что пробовал каждый кусочек, который предназначался ей, и никаких дурных последствий не было. Надо мной словно нависло какое-то проклятие. До встречи с вами я был счастливым человеком.

— И наверняка надеетесь стать им снова.

Мы поднялись в знакомую мне чердачную комнату. У входа нам встретился слуга Кирби, на подносе стояла нетронутая тарелка супа. Он взглянул на хозяина и покачал головой, давая понять, что больная снова отказалась принимать пищу. Мы вошли. При виде Элизы Карстерс я ужаснулся. Когда я видел ее последний раз? Не больше недели назад, но за это время ее здоровье ухудшилось до крайности, она напомнила мне о живом скелете, украшавшем рекламу «Дома чудес доктора Шолкинса». Кожа натянулась до самого предела — так выглядят больные, готовые к отправке в последний путь. Губы ее отступили, обнажив десны и зубы, а глаза смотрели на нас невидящим взглядом. Тело под покрывалом казалось крошечным и жалким. Скрещенные на груди руки могли принадлежать женщине, лет на тридцать старше Элизы Карстерс. Холмс быстро оглядел ее.

— Туалетная комната рядом? — спросил он.

— Да. Но войти туда без помощи она не может. Миссис Кирби и моя жена моют ее прямо здесь...

Холмс не терял времени. Он прошел в туалетную комнату, оставив нас с Карстерсом под незрячим взглядом его сестры. Повисла неловкая тишина. Наконец Холмс вернулся.

— Идемте вниз, — сказал он.

Карстерс и я вышли следом за ним, оба были озадачены, потому что весь визит занял не более полминуты.

Мы вернулись в гостиную — там у огня сидела Кэтрин Карстерс и читала книгу. Едва мы появились, книга она закрыла и быстро поднялась на ноги.

— Господин Холмс, доктор Ватсон! Вот уж кого не ожидала увидеть! — Она взглянула на мужа. — Я полагала...

— Я поступил так, как мы договорились, дорогая. Но господин Холмс все равно решил приехать.

— Странно, госпожа Карстерс, что вы не рады видеть меня, — заметил Холмс. — Тем более что вы обратились ко мне за советом вторично, когда ваша золовка заболела.

— Это было некоторое время назад, господин Холмс. Не хочу показаться грубой, но я давно потеряла надежду на то, что вы способны нам помочь. Человек, который без приглашения проник в этот дом и похитил деньги и драгоценности, мертв. Важно ли нам знать, кто его зарезал? Нет! Мы знаем, что больше он не причинит нам беспокойства, и этого достаточно. Если вы не можете помочь бедной Элизе, вам незачем здесь находиться.

— Мне кажется, что я могу спасти мисс Карстерс. Надеюсь, еще не поздно.

— Спасти от чего?

— От яда.

Кэтрин Карстерс вздрогнула.

— Ее никто не травит. Это исключено. Врачи не знают причину ее заболевания, но в том, что никакого отравления нет, они едины.

— Значит, все они ошибаются. Вы позволите мне сесть? Я должен вам о многом рассказать, и будет удобнее, если все мы сядем.

Госпожа Карстерс одарила его яростным взглядом, но ее супруг на сей раз взял сторону Холмса.

— Я вас выслушаю. Но имейте в виду: если мне покажется, что вы пытаетесь меня обмануть, я попрошу вас уйти.

— Обманывать вас в мои планы не входит, — заверил его Холмс. — Как раз наоборот.

Он сел в дальнее от камина кресло. Я расположился рядом. Господин и госпожа Карстерс вместе сели на диван напротив. Холмс заговорил.

— Вы пришли ко мне на Бейкер-стрит, господин Карстерс, по совету вашего бухгалтера, потому что боялись, что некий человек, с которым вы никогда не встречались, угрожает вашей жизни. В тот вечер, если не ошибаюсь, вы собирались в оперу слушать Вагнера. Но от меня вы ушли достаточно поздно. Видимо, к началу спектакля опоздали.

— Нет, я был в театре вовремя.

— Не важно. В вашем рассказе было много такого, что поразило мое воображение, главным образом странное поведение этого наблюдателя, Килана О'Донахью, если, конечно, это был он. Я был готов поверить, что он приехал за вами в Лондон, отыскал ваш адрес и прибыл в Уимблдон с очевидной целью вас убить. В конце концов, вы — пусть частично — виновны в смерти его брата-близнеца, Рурка О'Донахью, а близнецов всегда связывают крепкие узы. К тому же этот человек уже отомстил Корнелиусу Стилмену, который купил у вас картины, а впоследствии нанял агентов Пинкертона, выследивших в Бостоне «Банду в кепках» и уничтоживших ее градом пуль. Напомните, если не сложно, как звали агента, которого вы наняли?

— Билл Макпарленд.

— Да, конечно. Итак, близнецов связывают прочные узы, и неудивительно, что Килан хотел вас убить. Тогда почему же не убил? Он узнал, где вы живете, почему бы ему не напасть на вас и не всадить в спину нож? Я бы поступил именно так. О том, что он приехал в Англию, никто не знал. И он вполне мог бы отправиться в обратный путь через океан еще до того, как вас довели бы до морга. Но он поступил ровно наоборот. Он встал напротив вашего дома и надел на голову кепку, прекрасно понимая, что по ней его опознают. Мало того, он появился снова, когда вы и госпожа Карстерс покидали «Савой». Как вы считаете, что было у него на уме? Он словно напрашивался на то, чтобы вы вызвали полицию с целью взять его под стражу.

— Он хотел нас напугать, — предположила госпожа Карстерс.

— Но в третий раз он появился по совсем другому поводу. Он вернулся к вашему дому с запиской, которую вложил в руку вашего мужа. Он предложил встретиться в вашей церкви в полдень.

— А сам не пришел.

— Возможно, приходит на встречу он и не собирался. Наконец, его последнее появление в вашей жизни — он проникает в ваш дом и крадет пятьдесят фунтов и драгоценности из сейфа. Более чем удивительно, вы не находите? Он точно знает, в какое окно влезать, но этого мало — у него есть ключи, которые ваша жена потеряла за несколько месяцев до его появления в Англии. Что и говорить, любопытно. Получается, что его больше интересуют деньги, а не убийство — он ведь был в вашем доме темной ночью. Вполне мог бы подняться наверх и прикончить вас обоих прямо в постели.

— Но я проснулась, потому что услышала его.

— Верно, госпожа Карстерс. К тому времени он уже открыл сейф. Вы, кстати говоря, спите с господином Карстерсом в разных комнатах?

Карстерс вспыхнул.

— Не думаю, что бытовые подробности нашей жизни имеют к делу какое-то отношение.

— По крайней мере, вы этого не отрицаете. Очень хорошо, вернемся к нашему странному и, я бы сказал, нерешительному злоумышленнику. Он убегает и возвращается в частную гостиницу в

Бермондси, где остановился. Но дальше события принимают совсем неожиданный оборот — появляется второй злодей, о котором нам вообще ничего не известно, подкарауливает Килана О’Донахью — если опять-таки это он, — наносит ему смертельный удар и забирает не только бывшие при нем деньги, но и вообще все, по чему его можно опознать, за исключением портсигара, от которого, впрочем, нет никакой пользы — на нем стоят инициалы «В. М.».

— Что вы всем этим хотите сказать, господин Холмс? — спросила Кэтрин Карстерс.

— Просто хочу донести до вас то, что лично мне было ясно с самого начала: в этой истории все категорически не стыкуется. Другое дело, если предположить, что интерес к вашему дому стал проявлять вовсе не Килан О’Донахью и этот человек желал пообщаться вовсе не с вашим мужем.

— Это просто смешно. Ведь записку о встрече он передал мужу.

— После чего на место встречи, в церковь, не пришел. Попробуем поставить себя на место этого загадочного посетителя. Он ищет встречи с кем-то из обитателей вашего дома, и тут не все так просто. Ведь кроме вас и вашего мужа есть его сестра, несколько слуг... Господин и госпожа Кирби, Элси и Патрик, помогающий на кухне. Для начала наш гость наблюдает за домом издалека, но в конце концов передает записку, написанную печатными буквами, она не сложена и не убрана в конверт. Он явно не собирается передавать записку через дверь. Но, может быть, он надеется увидеть человека, которому эта записка адресована, и просто поднять ее на уровень глаз, чтобы можно было прочитать через окно, скажем, столовой? Нет нужды звонить в звонок. Нет опасности, что записка попадет в чужие руки. Знать о ее содержании будут только два человека, а уж интересующее их дело они обсудят потом. Но господин Карстерс неожиданно вернулся домой раньше, чем ожидалось, за несколько мгновений до того, как наш гость хотел реализовать свой план. Что же делает этот гость? Он поднимает записку вверх и передает ее господину Карстерсу. Он знает, что на него смотрят через окно столовой, и меняет смысл своих действий. Он как бы говорит: «Найди меня или я обо всем расскажу господину Карстерсу. Я встречу с ним в церкви. Да где угодно. Ты меня не остановишь». Понятно, что на им же назначенную встречу он не приходит. Зачем? Человека, с которым он хочет поговорить, он уже предупредил.

— Но с кем он хотел поговорить, если не со мной? — воскликнул Карстерс.

— Кто постоянно находился в столовой?

— Моя жена. — Карстерс нахмурился, словно ему очень хотелось сменить тему. — Кто же был этот человек, если не Килан О’Донахью?

— Ответ чрезвычайно прост, господин Карстерс. Это Билл Макпарленд, детектив Пинкертона. Давайте разберемся. Мы знаем, что господин Макпарленд во время перестрелки в Бостоне был ранен, а у человека в гостиничном номере был свежий шрам на правой щеке. Нам также известно, что Макпарленд разругался со своим нанимателем, Корнелиусом Стилменом, — тот отказался выплатить сумму, которую, по мнению Макпарленда, должен был выплатить. Значит, основания для недовольства у Макпарленда были. Далее, его имя. Билл — это ведь сокращенное от Вильяма, а инициалы на портсигаре...

— «В. М.», — подсказал я.

— Именно, Ватсон. Тут все начинает становиться на свои места. Для начала подумаем о судьбе самого Килана О’Донахью. Что вообще нам известно об этом молодом человеке? Ваш рассказ о нем, господин Карстерс, был достаточно обстоятельным, за что я вам благодарен. Вы сказали нам, что Рурк и Килан О’Донахью — близнецы, но Килан был младшим. У каждого на руке татуировка с инициалами брата, что, безусловно, свидетельствовало о необычайной близости их отношений. Килан не носил бороды, был неразговорчив. Ходил в кепке, частично скрывавшей его лицо. Мы знаем, что у него была стройная фигура. Ему одному удалось пролезть через водосток, который вел к реке, и таким образом бежать. Но особенно меня поразила одна упомянутая вами деталь. Вся шайка ютилась в убогом жилище в Саут-Энде — за исключением Килана, у которого было право на собственную комнату. Меня сразу заинтересовало, чем объясняется такая роскошь.

Ответ, разумеется, вполне очевиден, исходя из изложенных мной фактов, и счастлив сказать вам, что они подтверждаются госпожой Кейтлин О’Донахью, которая до сих пор живет на Сэквилл-стрит в Дублине, где у нее прачечная. Сказала она следующее: в 1865 году она родила близнецов, только это были не два брата. Это были брат и сестра. Килан О’Донахью — особа женского пола.

Это откровение было встречено молчанием, самый лучший эпитет для которого — «гробовое». Гнетущая тишина зимнего дня проникла в комнату, и даже пламя, весело сверкавшее в камине, словно затаило дыхание.

— Женского? — Карстерс в изумлении посмотрел на Холмса, и по губам его растеклась болезненная улыбка. — Во главе шайки?

— Ей приходилось скрывать истину, иначе в этой среде она бы просто не выжила, — пояснил Холмс. — Тем более что главарем шайки была не она, а ее брат Рурк. Все факты заставляют сделать именно этот вывод. Другого варианта я не вижу.

— И где же эта... особа?

— Ну, это совсем просто, господин Карстерс. Она — ваша жена.

Кэтрин Карстерс побледнела, но ничего не сказала. Сидевший рядом с ней Карстерс словно одеревенел. Оба напомнили восковые фигуры, какие мельком попались мне на ярмарке на Джекдо-лейн.

— Вы этого не отрицаете, госпожа Карстерс? — спросил Холмс.

— Конечно, отрицаю! В жизни не слышала подобного бреда! — Она повернулась к мужу, в глазах ее вдруг заблестели слезы. — Ты ведь не позволишь ему так со мной говорить, Эдмунд? Это же надо: связать меня с шайкой отпетых бандитов и злодеев!

— Боюсь, госпожа Карстерс, ваши слова останутся без ответа, — заметил Холмс.

Он был прав. С той секунды, как Холмс сделал свое необыкновенное заявление, Карстерс смотрел прямо перед собой с выражением ужаса на лице, и я понял, что где-то в глубине души он знал эту страшную правду, по крайней мере, что-то подозревал, и вот наконец эта правда заглянула прямо ему в глаза.

— Прошу тебя, Эдмунд... — Она потянулась к нему, но Карстерс дернулся и отстранился.

— Можно продолжать? — спросил Холмс.

Кэтрин Карстерс хотела что-то сказать, но передумала. Плечи ее опустились, с лица словно сорвали шелковую вуаль. Взгляд ее вдруг стал жестким, лик перекосила не приличествующая английской светской даме ненависть — видимо, именно это чувство всегда наполняло ее жизненной силой.

— Что ж, говорите, — огрызнулась она. — Выслушаем вас до конца.

— Спасибо. — Холмс продолжил рассказ, время от времени кивая в ее сторону. — После смерти брата и разгрома «Банды в кепках» Кэтрин О'Донахью — именно так ее звали при рождении — оказалась в самом отчаянном положении. Одна, в Америке, ее разыскивает полиция. Она лишилась брата, ближе которого у нее на земле не было человека и которого она, скорее всего, крепко любила. Первой ее мыслью была месть. Корнелиус Стилмен совершил глупость и раструбил о своих подвигах в бостонской прессе. Все еще в мужской одежде, она выследила его и застрелила в саду собственного дома в Провиденсе. Но в газетном объявлении стояла и другая фамилия. Приняв женское обличье, Кэтрин последовала за вторым виновником гибели ее брата на судно «Каталония». Ее план был понятен. Ничего хорошего Америка ей больше не сулила. Пора было возвращаться к семье, в Дублин. Никто бы ее не заподозрил — одинокая женщина пересекает океан в обществе компаньонки. Она взяла с собой деньги, добытые преступным путем. И где-то посреди Атлантики предстала перед Эдмундом Карстерсом. Совершить убийство в океане несложно. Карстерс канет в пучину, и ее брат будет отомщен.

Холмс обратился непосредственно к госпоже Карстерс:

— Но что-то заставило вас поменять план. Интересно что?

Женщина пожала плечами:

— Я увидела Эдмунда таким, каким он был на самом деле.

— Я так и предположил. Перед вами был мужчина, совершенно лишенный опыта общения с противоположным полом, если не считать матери и сестры, всегда его подавлявших. Он был нездоров, испуган. Да, это было забавно — прийти ему на помощь, подружиться с ним, а потом и заманить в свои сети. Вам удалось склонить его к женитьбе вопреки желанию его семьи — эта месть была куда слаще той, какую вы готовили поначалу. Быть в близких отношениях с человеком, которого ты люто ненавидишь! Но вы играли роль преданной жены, хотя спать решили в отдельных комнатах, и это облегчало вашу тонкую игру — подозреваю, муж никогда не видел вас

без одежды. Ведь на вас татуировка — вот какая незадача! И где-нибудь на пляже вы просто не можете раздеться.

Все бы ничего, но тут объявился Билл Макпарленд из Бостона. Как он вышел на ваш след, как распознал вашу новую личину? Этому нам не узнать, но он был детектив, и хороший, у него наверняка были свои способы. Возле вашего дома и у «Савоя» он подавал сигналы вовсе не вашему мужу. Он подавал их вам. К этому времени он не жаждал вашего ареста. Он приехал за деньгами, которые недополучил, и желание взять свое, чувство несправедливости, недавняя рана — все это довело его до отчаяния. Вы ведь встретились?

— Да.

— И он потребовал у вас деньги. Заплатите, сколько он попросит, — и ваша тайна останется при вас. Передавая записку вашему мужу, он фактически посылал предупреждение вам. Предать огласке все, что ему известно, он мог в любое время.

— Все так, господин Холмс.

— Это еще не все. Вам надо было что-то дать Макпарленду, чтобы успокоить его, но откуда средства? Поэтому пришлось создать иллюзию ограбления. Ночью вы спустились вниз и подвели его к нужному окну. Потом открыли окно изнутри и позволили ему вскарабкаться в комнату. Отперли сейф ключом, который вы вовсе не теряли. Но и здесь не обошлось без злого умысла. Кроме денег вы дали ему ожерелье покойной госпожи Карстерс — вы знали, что для мужа это большая ценность, память о матери. Мне кажется, всякий раз, когда возникала возможность досадить мужу, вы хватались за нее со всем рвением.

Макпарленд совершил ошибку. Вы дали ему пятьдесят фунтов, но это был только первый взнос. Он потребовал еще и легкомысленно дал вам адрес гостиницы, где остановился. Возможно, вид утонченной и богатой англичанки сбил его с толку, он забыл, кем вы были не так давно. Ваш муж был в галерее на Элбмарл-стрит. Вы выбрали удобное время, выскользнули из дому, пробрались через заднее окошко в гостиницу. Макпарленда вы ждали в его номере, а когда он вернулся, ударили ножом в шею. Кстати, любопытно узнать — как вы были одеты?

— Как в прежние времена. Дамская юбка с кринолином едва ли была бы уместна.

— Итак, вы заставили Макпарленда замолчать, забрали все, что могло удостоверить его личность, не обратив внимания на портсигар. Теперь никто не мог помешать воплотить ваши планы в жизнь.

— Это еще не все? — прохрипел Карстерс. Кровь отхлынула от его лица, он вот-вот мог потерять сознание.

— Не все, господин Карстерс. — Холмс повернулся к его жене. — Хладнокровный брак, в который вы вступили, был лишь средством для достижения цели. Ваше намерение заключалось в том, чтобы уничтожить семью Эдмунда по одному: сначала мать, потом сестру, а потом и его самого. В итоге вы бы унаследовали все, что принадлежит ему. Дом, деньги, картины — все это перешло бы к вам. Даже трудно вообразить, какая ненависть вами двигала, с каким вкусом вы шли к поставленной цели.

— Да, господин Холмс, я получала от всего этого большое удовольствие. Наслаждалась ежеминутно.

— А моя мама? — выдохнул Карстерс.

— Наиболее вероятное объяснение вы предложили с самого начала — газовая горелка в ее спальне погасла, а газ продолжал идти. Но при ближайшем рассмотрении эта версия оказалась несостоятельной. Ведь ваш слуга Кирби сказал, что винит в этой смерти себя, потому что заделал в комнате все щели и отверстия. Ваша мама боялась сквозняков, поэтому сквозняк загасить лампу не мог. У сестры была своя версия. Она считала, что покойная госпожа Карстерс добровольно ушла из жизни, до такой степени ее огорчил ваш брак. Элиза терпеть не может вашу супругу и не желает ей доверять, но и она не догадалась, что произошло на самом деле. А на самом деле Кэтрин Карстерс вошла в спальню и намеренно загасила пламя горелки, оставив пожилую даму на погибель. Есть такой принцип — живых не оставлять. Чтобы собственность досталась ей, умереть должны все.

— А Элиза?

— Ее медленно убивают ядом.

— Но это невозможно, господин Холмс. Я вам говорил...

— Вы говорили, что тщательно проверяете все, что идет ей в пищу, но из этого следует лишь одно: яд ей вводят другим способом. Каким? Во время купания. Ваша сестра настаивает на регулярном купании и пользуется сильными лавандовыми солями. Мы имеем дело с новым способом отравления, и, признаюсь, я никак не думал, что он может оказаться таким действенным. Так или иначе, к солям для купания регулярно добавлялась небольшая доза аконитина. Он проникал в организм вашей сестры через кожу, а также, думаю, через влагу и испарения, которые она не могла не поглощать. Аконитин — это высокотоксичный алкалоид, он растворяется в воде, и большая доза могла бы убить вашу сестру мгновенно. Но мы видим медленное и безжалостное уничтожение. Это поразительный и совершенно новый метод убийства, госпожа Карстерс, он наверняка попадет в преступные анналы. Кстати, вы решились на весьма отважный поступок: навестить моего коллегу, когда я был в тюрьме, хотя вы, естественно, сделали вид, что не знаете об этом. Ваш муж лишней раз убедился в вашей преданности невестке, а на самом деле вы просто смеялись над обоими.

— Дьяволица! — Карстерс в ужасе отшатнулся от жены. — Как ты могла? Как такое вообще возможно?

— Господин Холмс прав, Эдмунд, — ответила та, и я заметил, что голос ее изменился — он стал жестче, заметнее обозначился ирландский акцент. — Я намеревалась свести всех вас в могилу. Сначала твоя мама, потом Элиза. Ты даже представить не можешь, что я готовила для тебя! — Она повернулась к Холмсу: — Что дальше, даровитый господин Холмс? За дверью ждет полицейский? Мне идти наверх и собирать вещи?

— Полицейский действительно ждет, госпожа Карстерс. Но я еще не закончил. — Холмс подтянулся, в его глазах я увидел холод и мстительность, такое выражение на его лице мне было незнакомо. Это был судья, собиравшийся огласить приговор, палач, открывавший дверь в камеру смерти. Казалось, в комнату проникла зимняя стужа. Через месяц Риджуэй-холлу было суждено опустеть, остаться без хозяев — не будет ли натяжкой, если я предположу, что дом уже предчувствовал свою судьбу, уже знал, что ему предстоит запустение? — Есть еще смерть мальчика, Росса, за которую нужно ответить.

Госпожа Карстерс расхохоталась.

— О Россе я не знаю ничего, — сказала она. — До сих пор вы всё говорили верно, господин Холмс. Но Росс — это вы хватили.

— С вами, госпожа Карстерс, разговор окончен, — ответил Холмс и повернулся к ее мужу. — В ночь убийства Росса мое расследование вашего дела приняло неожиданный поворот, господин Карстерс. Да, неожиданный, этим словом я пользуюсь не так часто, потому что привык ожидать всего, чего угодно. В каждом преступлении, какие мне доводилось расследовать, была некая, скажем так, логика повествования — невидимая нить, которую всегда безошибочно определял мой друг доктор Ватсон. Именно поэтому он так блестяще ведет хронику моей работы. Но в этот раз случилось так, что меня увели в сторону. Я расследовал одно дело и вдруг, казалось бы совершенно случайно, перешел на другое. С той минуты, как я приехал в частную гостиницу госпожи Олдмор, бостонское дело «Банды в кепках» для меня прекратилось. Вместо него я пошел по новому следу и столкнулся с преступлением, омерзительнее которого в жизни не встречал.

Услышав это, Карстерс вздрогнул. Жена смотрела на него с любопытством.

— Вернемся к тому вечеру — вы ведь тогда были со мной. Про Росса я знал лишь, что он — один из шайки беспризорников, которых я любовно называю внештатными сотрудниками с Бейкер-стрит. Время от времени я за плату пользуюсь их услугами. Это сотрудничество всегда было вполне безвредным. В данном случае Росс остался нести вахту у гостиницы, а его напарник Виггинс прибежал за мной. Вчетвером — вы, я, Ватсон и Виггинс — поехали в Блэкфрирс. Росс нас увидел. Я сразу понял, что он охвачен ужасом. Мальчик спросил, кто мы, кто вы. Ватсон попытался его успокоить и назвал вас и даже ваш адрес. Это, боюсь, и привело к смерти Росса. Не стоит себя винить, Ватсон, в этой ошибке в равной степени повинен и я.

Я решил, что Росс испуган чем-то, увиденным в гостинице. Такое предположение было естественным — ведь вскоре выяснилось, что там произошло убийство. Я был уверен, что он видел убийцу и по каким-то своим соображениям решил молчать. Но я ошибся. Мальчик был поражен и ошарашен совсем другим. Его поразило, что он увидел вас, господин Карстерс. Росс решил выяснить, кто вы и где он может вас найти, потому что он вас узнал. Одному Богу известно,

что вы делали с этим ребенком, я даже не хочу об этом думать. Но вы встречались в «Доме шелка».

Снова повисла зловещая тишина.

— Что такое «Дом шелка»? — спросила Кэтрин Карстерс.

— На этот вопрос я не отвечу, госпожа Карстерс. Мне больше не о чем с вами говорить, но в завершение скажу одно: весь ваш план, все ваше замужество могли сработать только при наличии мужчины определенного сорта. Жена нужна такому мужчине, чтобы досадить собственному семейству и получить определенный статус в обществе, а любовь или привязанность здесь ни при чем. Вы тонко заметили, что поняли, каков он на самом деле. Мне самому в первый же день стало интересно, с кем я имею дело: мне всегда любопытен человек, который говорит, что опаздывает на Вагнера, а Вагнера в этот вечер в городе не ставят.

Росс узнал вас, господин Карстерс. Это было худшее из того, что могло случиться, — полагаю, важнейшим правилом в «Доме шелка» была анонимность. Вы появились с нами в ночи, опознали убитого и уехали. Но подлинной жертвой в этой истории был Росс. Он был не по годам взрослым, бедность и отчаяние не могли не привести его на преступный путь. Он уже украл золотые карманные часы у одного из тех, чьей добычей стал. Придя в себя от встречи с вами, он увидел, что тут можно пожить. Примерно это он и сказал своему другу Виггинсу. Он пришел к вам на следующий день? Пригрозил, что все про вас расскажет, если не раскошелитесь? Или вы сами поспешили к Чарлзу Фицсиммонсу и его головорезам и потребовали от них решительных действий?

— Я ни о чем их не просил, — проскрипел Карстерс, и казалось, что слова с трудом слетают с его губ.

— Вы поехали к Фицсиммонсу и сказали ему, что вас шантажируют. По его указанию вы послали Росса на встречу, где ему должны были заплатить за молчание. Он отправился туда незадолго до того, как мы с Ватсоном приехали в «Мешок с гвоздями». Увы, мы разминулись... и опоздали. Росса ждал не Фицсиммонс, не вы. Его ждали два убийцы, известные как Гендерсон и Брэтби. Они позаботились о том, чтобы Росс вас больше не беспокоил. — Холмс помолчал. — За дерзость Россу пришлось умереть мучительной смертью. На запястье ему повязали белую ленту, чтобы другим несчастным детям ничего подобного не приходило в голову, чтобы было неповадно. Возможно, вы и не просили убить мальчика, господин Карстерс, но знайте: я считаю вас лично ответственным за его смерть. Вы его эксплуатировали. Вы его убили. Вы человек низменный и порочный, каких я на своем веку повидал достаточно.

Холмс поднялся.

— Я ухожу, не вижу смысла здесь задерживаться. Мне вдруг открылось, что в некоторых отношениях ваш брак не такой уж и неуместный. Вы вполне друг другу подходите. У ворот вас обоих ждут полицейские экипажи, но они повезут вас в разные стороны. Вы готовы, Ватсон? Провожать нас не надо.

Эдмунд и Кэтрин Карстерс неподвижно сидели на диване. Они не произнесли ни слова. Но, выходя, я чувствовал спиной их пристальные взгляды.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я заканчиваю свое повествование с тяжелым сердцем. Пока я писал эту историю, я словно переживал случившееся заново, хотя о каких-то деталях лучше не вспоминать... Но было так приятно снова оказаться рядом с Холмсом, следовать за ним от Уимблдона до Блэкфрирса, Хэмурт-Хилла и Холлоуэя, всегда на шаг сзади (во всех смыслах), и наблюдать вблизи за работой этого уникального мозга — какая редкая привилегия! Но сейчас последняя страница все ближе, и душа моя после полета возвращается в комнату, где я пишу эти строки, где на подоконнике цветет аспидистра, а батарея дает чуть больше тепла, чем требуется. У меня немеет рука, все мои воспоминания выплеснулись на эти страницы. Хотелось бы, чтобы мой рассказ продолжался, — едва поставлю последнюю точку, снова окажусь в одиночестве.

Впрочем, грех жаловаться. Мне здесь уютно. Дочери иногда меня навещают и привозят внуков. Одного из них даже окрестили Шерлоком. Его мама решила, что таким образом она воздаст должное памяти моего давнего друга, но у самого внука это имя не в почете. Что ж, в конце недели они приедут, я отдам им эту рукопись, скажу, как ее хранить, — и летопись моя будет завершена. Остается только еще раз ее прочитать... Не воспользоваться ли советом сиделки, которая помогала мне сегодня утром?

— Почти закончили, доктор Ватсон? Наверняка кое-какие мелочи надо подчистить. Расставить точки над «и», а потом дать нам всем почитать. Я рассказала про вашу рукопись нашим девицам, они ждут не дождутся!

Кое-что следует добавить.

Чарлз Фицсиммонс — язык не поворачивается сказать «преподобный» — оказался совершенно прав, говоря с нами в тот памятный вечер в «Доме шелка». До суда над ним дело так и не дошло. С другой стороны, из-под стражи его не выпустили, на что он с уверенностью рассчитывал. Видимо, в тюрьме, где он содержался, произошел несчастный случай. Он упал с лестницы и проломил себе череп. Подтолкнули? Весьма возможно, ведь он хвастался, что знает о многих важных людях такое... Если я правильно понял его намек, у него даже были связи с королевской семьей. Знаю, это полный бред, но вспомните Майкрофта Холмса и его из ряда вон выходящий визит на Бейкер-стрит. Из того, что он нам сказал и как себя при этом вел, со всей очевидностью следовало: на него оказали серьезное давление, и... Нет, даже не хочу об этом думать. Фицсиммонс просто лгал. Наверняка хотел прибавить себе веса перед тем, как его арестуют и увезут. Но сколько веревочке ни виться... Скажем так: в правительстве были люди, которые о его деятельности знали, но боялись разоблачить его, не хотели, чтобы разразился скандал, подкрепленный, конечно же, фотографическими уликами. В последующие недели несколько высокопоставленных лиц ушли в отставку, что поразило и встревожило всю страну, — это правда. Все же я сильно надеюсь, что Фицсиммонс не был убит. Конечно, он был настоящим чудовищем, но никакая страна не может взять и отмахнуться от нормы права просто потому, что государству это выгодно. Сейчас, когда мы находимся в состоянии войны, я вижу это еще яснее. Хочу верить, что смерть Фицсиммонса все-таки была несчастным случаем — на радость всех заинтересованных сторон.

Госпожа Фицсиммонс исчезла. Лестрейд сказал мне, что после смерти мужа она сошла с ума и попала в сумасшедший дом на самом севере Англии. Это тоже удобный для всех исход — там она могла говорить что угодно, все равно никто ей не поверит. Насколько я знаю, она все еще коротает свои дни в этой лечебнице.

Эдмунда Карстерса судить не стали. Он уехал из Англии вместе с сестрой, которая хоть и поправилась, но до конца жизни осталась инвалидом. Компания Карстерса и Финча распалась. Кэтрин Карстерс предали суду под ее девичьим именем, признали виновной и приговорили к пожизненному заключению. Ей еще повезло, что ее не повесили. Лорд Рейвеншо заперся в кабинете с револьвером и вышиб себе мозги. Возможно, было еще несколько самоубийств, но лорд Хорас Блэкуотер и доктор Томас Эклэнд остались безнаказанными. Знаю, к таким вещам

надо относиться философски, но меня до сих пор выводит из себя, что они вышли сухими из воды, — ведь как они хотели обойтись с Шерлоком Холмсом!

Еще, разумеется, остается весьма странный господин, который заманил меня к себе и угостил отменным ужином. Холмсу я о нем так и не сказал и вообще никогда о нем не упоминал — сейчас делаю это впервые. За такое долгое молчание многие могут бросить в меня камень, но я дал слово, и хотя этот человек сам заявил о своей причастности к преступному миру, живущий во мне джентльмен не счел возможным данное слово нарушить. На самом деле я уверен, что это был не кто иной, как профессор Джеймс Мориарти, которому вскоре было суждено сыграть весьма весомую роль в наших жизнях... Видимо, делать вид, что я никогда не встречался с этим человеком, меня заставил дьявол. Холмс подробно рассказывал о докторе Мориарти незадолго до того, как мы отправились к Рейхенбахскому водопаду, и даже тогда я был уверен, что потчевал меня ужином именно он. Я часто размышлял над этой особенностью природы Мориарти. Холмс говорил об этом «злом гении» и о бесчисленных преступлениях, к которым он имел отношение, с почтительным ужасом. При этом Холмс восхищался его интеллектом и благородной готовностью «играть по правилам». Я и по сей день считаю, что Мориарти искренне хотел помочь Холмсу, хотел, чтобы «Дом шелка» закрыли. Будучи преступником, он знал о его существовании, но не считал себя вправе действовать самостоятельно — такой поступок противоречил бы преступному кодексу чести. Однако «Дом шелка» был ему не по нутру, и он послал Холмсу белую ленту, а мне передал ключ от тюремной камеры, надеясь, что его противник выполнит эту работу за него. Собственно, это и произошло, хотя, насколько я знаю, благодарственную записку Мориарти не прислал.

В Рождество я Холмса не видел, потому что был дома с моей Мэри, чье здоровье меня последнее время сильно беспокоило. Но в январе она на несколько дней уехала погостить к друзьям в Лондон, и по ее предложению я еще раз вернулся в свое старое жилище — посмотреть, как Холмс восстанавливает силы после нашего приключения. Именно в эти дни произошло событие, о котором я собираюсь написать напоследок.

Холмса оправдали по всем пунктам, и все записи о выдвинутых в его адрес обвинениях были уничтожены. Но я бы не сказал, что на душе у него полегчало. Ему не сиделось на месте, он был раздражен и частенько поглядывал на каминную полку, и без всякой дедукции было понятно, что его тянет к жидкому кокаину — самая прискорбная из его привычек. Занимаясь он расследованием какого-то дела, все было бы проще, но дела не было. Я часто замечал, что именно в праздные дни, когда его энергия не была направлена на разгадку некой неразрешимой тайны, он терял сосредоточенность и погружался во мрак депрессии. Но на сей раз, как я понял, его мучило нечто конкретное. О «Доме шелка» или о чем-то с ним связанном Холмс не говорил, но однажды за утренней газетой обратил мое внимание на статейку о закрытии мужской школы «Чорли Гранж».

— Этого мало, — пробормотал он. Сняв газету двумя руками, он отбросил ее в сторону и добавил: — Несчастный Росс!

Эта деталь, равно как и некоторые другие — например, он обронил, что едва ли впредь обратится к помощи «внештатников» с Бейкер-стрит, — говорили о том, что он продолжал, пусть частично, винить себя в смерти мальчика и сцена, свидетелями которой мы стали той ночью в Хэмуорт-Хилле, легла на его совесть тяжелым бременем. Мало кто лучше Холмса знал, что такое зло, но иногда оно проявляет себя так, что не дай бог... И Холмс не мог полностью насладиться своей победой, не мог забыть, по каким темным закоулкам пришлось к ней идти. Я вполне его понимал. Меня и самого по ночам мучили кошмары. Но мне надо было заботиться о Мэри, я не хотел оставлять врачебную практику. Холмс замкнулся в себе, оказался в плену воспоминаний, от которых предпочел бы освободиться.

Как-то вечером после совместной трапезы он вдруг заявил, что намерен выйти из дому. Снег пока поутих, на январских улицах было скользко, как и в декабре, и желания совершать позднюю прогулку у меня не было, однако я спросил Холмса, не составить ли ему компанию.

— Нет, Ватсон, не надо. Это очень любезно с вашей стороны, но я прогуляюсь один.

— Куда вы собрались на ночь глядя, Холмс? Посидим у камина, выпьем виски с содовой. Все ваши дела наверняка могут подождать до утра.

— Ватсон, вы друг, каких не сыскать, и я знаю, что мое общество не из самых приятных. Но мне нужно некоторое время побыть одному. Завтра мы встретимся за утренней трапезой — обещаю, настроение у меня будет получше.

Действительно, за завтраком он был в хорошем расположении духа. Мы провели приятный день в обществе друг друга, посетили Британский музей, отобедали у Симпсона, и только после возвращения я прочитал в газетах о большом пожаре в Хэмуорт-Хилле. Здание, когда-то занимаемое благотворительной школой, огонь сровнял с землей, сполохи пламени были видны даже в Уэмбли. Я ничего не сказал Холмсу, ни о чем его не спросил. Промолчал и о том, что от его пальто, висевшего на обычном месте, сильно пахло гарью. Вечером Холмс впервые за долгое время взял своего страдивариуса. Мы сидели по обе стороны очага, и я с наслаждением слушал парившую в воздухе мелодию.

Я слышу ее и сейчас. Я откладываю перо, ложусь в постель и знаю, что смычок продолжает двигаться по струнам и музыка уносится в ночное небо. Она звучит где-то далеко, ее почти не слышно, но она со мной! Пиццикато. Потом тремоло. Манеру исполнения трудно не узнать. Это играет Шерлок Холмс. Надеюсь, он играет для меня...

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ ШЕЛКА	
Новые приключения Шерлока Холмса. <i>Роман</i>	5
МОРИАРТИ. <i>Роман</i>	267
ТРИ МОНАРХИНИ. <i>Рассказ</i>	521

Горовиц Э.

Г 70 Дом шелка. Мориарти : романы, рассказ / Энтони Горовиц ; пер. с англ. М. Загота. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20888-9

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннесса. О количестве литературных пастишей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка».

В карьере великого сыщика было дело, связанное с такими чудовищными и скандальными событиями, что написать о нем Ватсон, неизменный рассказчик увлекательнейших историй о своем гениальном друге, решился не скоро. Он тщательно упаковал эти записки, отправил на хранение в надежное место и завещал открыть пакет не ранее чем через сто лет, потому что спрятанная в нем тайна под названием «Дом шелка» угрожала подорвать все устои общества...

Спустя три года после выхода «Дома шелка» Энтони Горовиц вернулся в мир великого сыщика.

После того как профессор Мориарти исчез в бурных водах Рейхенбахского водопада, в преступном мире образовалась «вакансия». Среди многочисленных претендентов на это место возникает поистине зловещая фигура. Детективному агенту из Нью-Йорка и инспектору Скотленд-Ярда — преданному поклоннику Шерлока Холмса — предстоит проложить путь через самые темные уголки столицы Англии, от эlegantных площадей Мейфэра до причалов и закоулков лондонских доков, в погоне за тем, кто решительно заявляет о своих правах в качестве преемника Мориарти...

Список расследований Холмса продолжает рассказ «Три монархии», в котором повествование снова ведется от лица доктора Ватсона.

Итак, игра начинается...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
ДОМ ШЕЛКА
МОРИАРТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.03.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-29883-01-R